

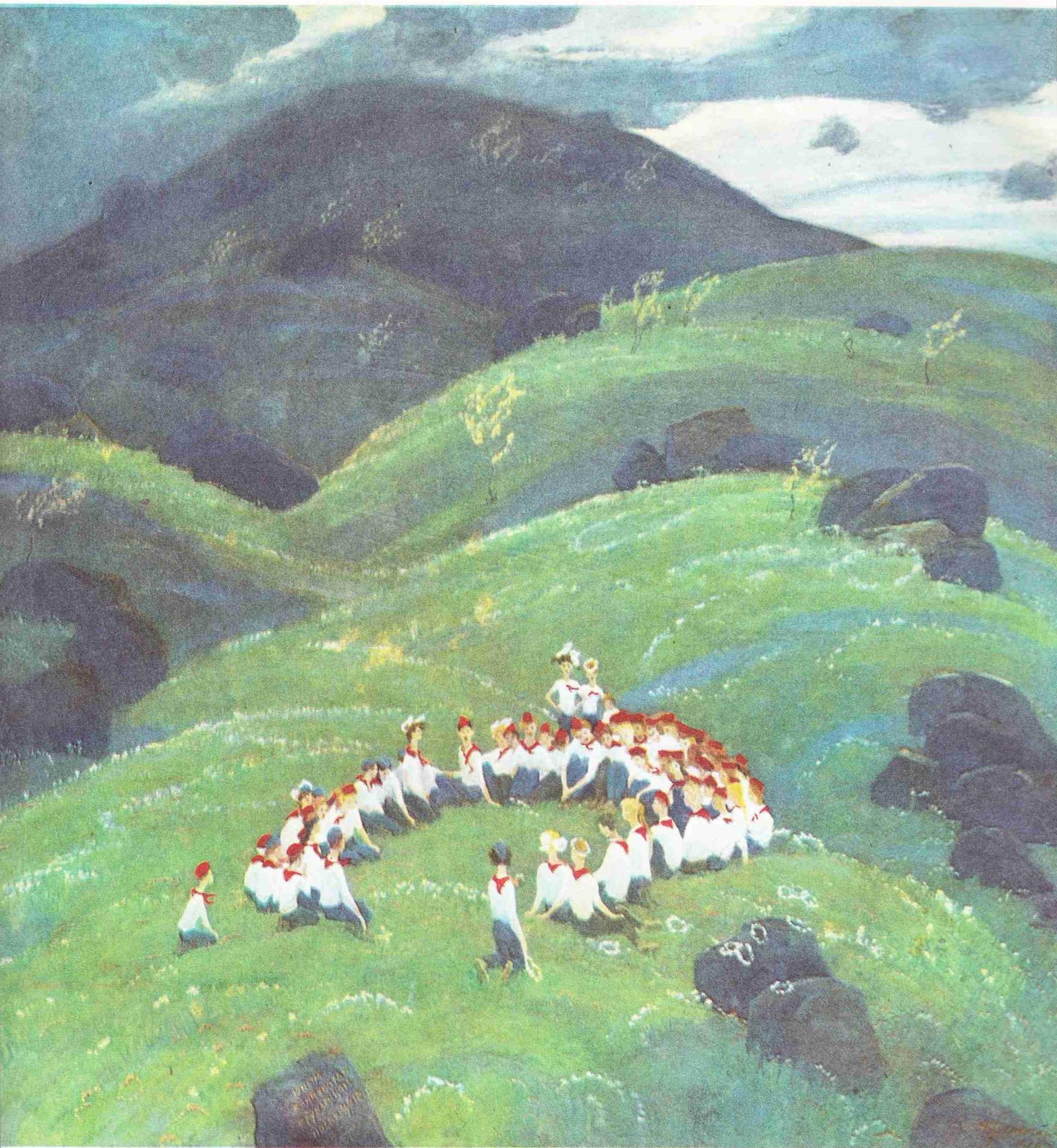

РАБОТНИЦА

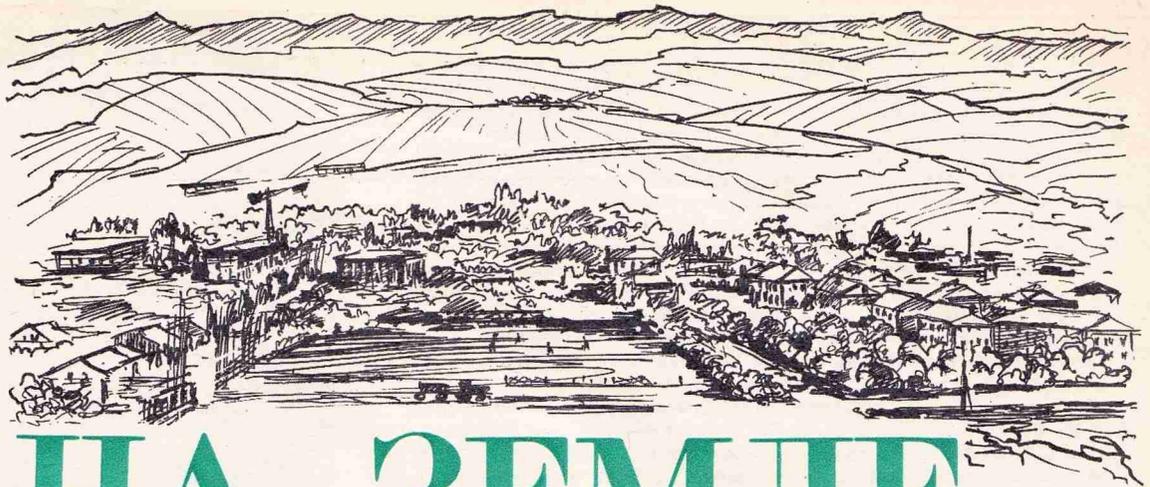
№ 7 1974

Издательство «Правда»

08-6

Б. НЕМЕНСКИЙ. ОБЩАЯ ПЕСНЬ.

НА ЗЕМЛЕ АКЫН-САРЫ

Т. ПОЛИКАРПОВА

Мы ехали в директорском «газике» — сама Валентина Ильична Духнова, директор целинного зерносовхоза «Капальский», Маргарита Маркиановна Ващенко, скульптор из Москвы, и я. Ехали смотреть место, где у въезда в совхоз будет установлен памятник легендарной женщине-акыну Акын-Саре, когда-то жившей в этих местах. Она была не просто поэтом, в конце прошлого века она выступала против угнетения женщин-казашек. Акын-Сара — один из тех беспокойных характеров, которые хотят большего, чем дает им жизнь и их время. Потому-то и берегут внуки память о них.

Земля, где жила Акын-Сара, где сейчас совхозные владения, прекрасна. Предгорье Джунгарского Алатау. Округлые холмы становятся все выше по мере приближения к снеговым граням далекого, но четко впаянного в синеву неба хребта.

Быстрое движение машины «раскручивает» пейзаж, линии холмов живут, перемещаются. Снеговая гряда то вздымается выше, то пропадает, заслоненная зелеными ближними взгорьями. Маргарита Маркиановна пытается схватить эту ускользающую, изменчивую панораму на карандаш.

Валентина Ильична поглядывала через плечо (она сидит рядом с водителем) на попытки художницы и наконец сказала:

— Самая-то красота наша, вот посмотрите, налево. Видите полосатые поля? Если что рисовать, так их.

Они и впрямь были красивы — ровной ширины ленты, то ярко-зеленые — это всходы зерновых и многолетней травы житняка, то розоватые — чистые пары, отдыхающая земля.

— А узенькие темные полоски, как строчки, видите? Это лесопосадки. Они еще совсем малыши — одним по два, другим по четыре года. Наша надежда, защитники земли от ветров, от эрозии.

За новым поворотом дороги на одном из дальних холмов вдруг разом занялся пожар: задымилось, заклубилось все поле, хоть огня и не было видно.

— Ветер, — коротко пояснила директор. — Вот так и разрушается земля, если ее оставить без помощи, вся подымется на воздух. После того как распахали целину, взяли с нее один, и второй, и третий урожай, — брали, не давая земле отдыха, — она истощилась, измельчилась, стала беззащитной против ветров. А они здесь свирепые.

Этот «горящий» под ветром холм и живописная красота простроченных лесополосами полей — как перепутье в истории целины. Здесь много выхода нет: или — или. Или впрямь в дело передовую агротехническую науку, берись всерьез за севообороты, щадящие землю, или землю развеет ветер. В общем-то это проблема не одной только целины. Просто особые условия, скажем, вот таких мест, как совхоз «Капальский», Талды-Курганской области, — это юг Казахстана, где сухо, жарко и ветрено, заставили поторопиться с выбором.

Зинаида Васильевна Михалева, нынешний главный экономист совхоза, можно сказать, стояла у самой его колыбели.

— Была я главбухом в соседнем хозяйстве. В пятьдесят четвертом посылают меня на станцию Мулалы принимать грузы. Большие грузы шли: техника, инвентарь, сборные щитовые дома. Было велено: примите, но не трогайте, это не для вас. Хозяина пока

нет... А оказалось, что именно для нас, — смеется Зинаида Васильевна. — В шестидесятом году меня послали в совхоз «Капальский» главным бухгалтером. Это для него, еще не рожденного, пришла мала я тогда грузы.

Ну, в 60-м место здесь уже было заметное. И улицы и зеленые посадки. Людей приезжало много (хотя немало и уезжало). Но беда надвигалась с полей. Урожаи падали. С 1963 года начала я вести что-то вроде дневника средней урожайности. По каждой бригаде отдельно. Вот. — И Зинаида Васильевна накрыла ладонью узенькие листочки на своем столе. — Тут видно, к чему мы шли. Посмотрите-ка хоть на первую бригаду. Она по природным условиям своих земель средняя у нас.

Я всматривалась в цифры этой летописи урожаяев.

— Вы видите, какая закономерность? — Зинаида Васильевна даже раскраснелась от волнения. — Постоянно низкая урожайность до 67-го года и стабильность — не ниже 10 центнеров — после. В самом деле: легковесные цифры — до 3,9 центнера с гектара — дрогнули в 1967 году. Урожаи тяжелели сначала неуверенно, а с 1971 года круто пошли вверх. В прошлом году та же бригада взяла в среднем по 18,9 центнера с гектара!

А причина роста урожаяев ясна: в 1967 году совхоз первый раз вспахал свои поля плугами-плоскорезами, безотвально. Хозяйство поворачивалось лицом к науке.

Лицом к науке

В 1965 году зерносовхоз «Капальский» стал опытным хозяйством Казахского НИИ земледелия. Научные рекомендации стали испытываться не на холеных делянках при институте, а в жестких условиях обычного производства. Не на сотках, а на десятках тысяч гектаров.

Александр Ильич Пастухов, главный агроном отделения семеноводства института, курирующий совхоз в течение последних 10 лет, может сказать на основании своего богатого опыта, что производственники, идущие на союз с наукой вот в таком масштабе — сразу все хозяйство по-новому! — это люди из числа отважных.

— Сколько же дирекции совхоза пришлось давать объяснений по поводу сокращения посевов зерновых! — рассказывал Александр Ильич. — Ведь борьба с эрозией почвы, правильное землеустройство — это и чистые пары, и лесополосы, и посев многолетних трав. А под них та же земля идет. Естественно, площадь под зерном уменьшается.

У района и области задания по хлебу жесткие, а тут целинный совхоз поля урезает. Все, конечно, понимают, что наука — это хорошо. Но когда еще они будут — двойные урожаи с устроенных полей? А хлеб нужен сейчас, сегодня. Хорошо, конечно, чтоб и борьба шла противозероэрозийная, и паров бы не держать, и леса не сажать. Но такого еще не придумала наука. И наш институт требовал, чтобы опытное хозяйство точно соблюдало все рекомендации. Вот тут какие нужны были характеры руководителей совхоза — кремневые. Мало самому земле любить и свое дело и

очень верить науке, надо уметь работать с людьми так, чтоб и они поверили. Результаты ведь не сразу приходят. Чтоб лесополоса поднялась, чтоб ветер ее заметил и побоялся, нужно не меньше 10—15 лет. Земля спешки не любит. Терпению учит.

Утвердиться севооборотам в совхозе «Капальский» помогло еще и то обстоятельство, что по предложению НИИ земледелия Министерство сельского хозяйства республики и Талды-Курганский обком партии поручили совхозу выращивать чистые сорта пшеницы и ячменя для хозяйств области. А получить чистый сорт, без примесей другого, можно лишь при очень жестких правилах севооборота: или пар, или пропашные культуры должны чередоваться с зерновыми на одном и том же поле. Это чтобы исключить возможность засорения одного сорта другим.

В совхозе «Капальский» уголья расположены, можно сказать, идеально для испытаний сортов зерна. Кажется, вся тут, в одной совхозной горсти земля, а какие разные климатические условия на отдельных ее участках! По этому признаку они и поделены между пятью полеводческими бригадами: поля пятой и второй полеводческих бригад засушливее (125—140 мм осадков в год) и почвами беднее, чем поля четвертой и второй. Здесь и пониже, поуютнее, осадков выпадает больше. На верхних, засушливых, отлично показал себя сорт пшеницы «казахстанская-126», недавно выведенный профессором Казахского института земледелия Н. Л. Удольской, сорт-богатырь, не боящийся зноя и безводья. А замешайся сюда «мироновская» или «саратовская-29», им плохо придется.

В мае я, конечно, не могла видеть в «Капальском» колосающиеся поля, но видела всходы. На покатых холмах, иной раз обрывающихся у самого края скалистых «щелей» — так здесь называют глубокие лощины, — ровно и дружно щетинились яровые, кудряво густилась озимь. Каждое поле обведено четкой каймой опашки, а некоторые уже и лесополосами. Храбро топорщились слабые пока прутки карагача. В ближайшие годы лесной полосой будет оконтурено каждое поле. Лесные полосы чисто пропаханы, ни былинки, ни соринки. Так же как и отдыхающие поля — пары.

И городской человек, не профессионал-полевод, при взгляде на такие поля понял бы: этот почерк на земле — почерк культурного человека.

— Иначе нам нельзя, — довольно улыбнулся Иван Андреевич Пилошенко, главный агроном, который показывал мне поля.

Пока мы добирались от поля к полю, он рассказал, как восстанавливается, обновляется чистый сорт зерна.

До недавнего времени семеноводческие совхозы получали готовые сортовые семена с делянок опытных семеноводческих станций, а на своих полях только размножали их. В «Капальском» же свой участок первичного семеноводства.

— Наши агрономы-селекционеры, — рассказывал Иван Андреевич, — начинают с колосьев. Отбирают те, где выражены характерные признаки сорта. Зерно для высева берут только из средней части колоса. Это поистине золотая середина: в верхушке колоса зерна мельче, суше, в нижней части — слишком крупны, нетипичны. Когда эти «золотые» зерна дадут потомство, урожай опять-таки переберут по колосу и оценят по признакам сорта. Только на третий год будут собраны семена для размножения.

Урожай, полученный от семян с участков размножения, считается посевным материалом, восстановление сорта закончилось, получено суперэлитное зерно. Все признаки и свойства сорта здесь в самом ярком выражении.

В Талды-Курганской области все колхозы и совхозы каждые три-четыре года должны приобретать чистосортное зерно. И надо сказать, что «Капальский» план поставок сортовых семян для области за три года пятилетки выполнил на 121,5 процента.

Вот почему, поняла я, выслушав рассказ агронома, вот почему нельзя капальцам работать иначе. Высокая культура труда — первейшая необходимость в таком тонком производстве.

В совхозе «Капальский» я имела возможность наблюдать, как она, эта культура, воспитывается в людях.

В. И. Духова.

Угол и овал

Рабочая комиссия совхоза — бригады, агрономы всех пяти бригад, лучшие механизаторы — во главе с главным агрономом выехала на поля принимать и оценивать качество посевных работ.

С борта грузовика поля просматриваются хорошо. «Вон огрех», — замечает кто-то. В самом деле, небольшое пятно вроде запятой, светлое на зеленом — это не захваченный сеялкой участок, грех на трактористе и на всей бригаде. Вон более густая, чем все поле, полоса: по сеянцу еще раз захватили край, не стыковка рядков получилась, а захлест — тоже минус бригаде.

Вон всходы и вовсе густятся, как пышная зеленая шапка брошена, — значит, сеяльщик просыпал семена при заправке. Не порядок.

На каждом поле слезают с грузовика механизаторы и агрономы, отмеряют квадратный метр, считают, сколько растений, стеблей возшло на квадрате, проверяют глубину вспашки. Все берут на заметку. Сегодня смотрят работу третьей и четвертой бригад, завтра очередь остальных трех.

От того, как оценят работу на севе, зависит заработок бригады. Если «не пройдет» качество, будет снята доплата за качество. А это половина тарифной ставки.

Мнение комиссии решающее при подведении итогов соревнования в посевную кампанию. Пока первое место и флаг на площади, поднятый в честь победителя за самые лучшие сроки сева — 6 дней, — у первой бригады (бригадир Манарбек Балыбеков).

Первая бригада была признана лучшей и по качеству посевных работ. Казалось бы, качать надо бригадира и всех его товарищей! Но на бригадном собрании, тепло поздравив механизаторов, директор и агроном буквально обрушились на победителей: углы полей засеяли неправильно.

— Смотреть противно! — сокрушено говорил агроном. — Вместо прямых углов, как требует агротехника, опять закругленные, опять овалы! Экономите минуты и не делаете правильного разворота. Не на том надо экономить.

Герои посевной сидели, опустив головы, переживали. Только тяжелые руки, темные от солнца, металла, земли, спокойно сложенные на коленях, скрещенные на груди, опирающиеся на спинки стульев, не выглядели виноватыми. Они не боялись никакой работы. А углы что? В следующий раз углы будут идеальными. Уж это точно.

«Без крепкой дисциплины нет культуры труда!» — такого лозунга я нигде в совхозе не видела, но казалось, воздух вокруг наэлектризован этим истовым призывом.

Есть такой термин в полеводстве: улучшение земли. Если где-то яма на поле — засыпать, бугор — срезать, старая, разъезженная, колеистая дорога — распашать. Наблюдая работу и жизнь в «Капальском», я думала, что все это свободно вклю-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ИЮЛЬ 1974

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

чается в систему улучшения земли в широком смысле: земли как места жизни людей.

Я прожила в совхозе неделю и не видела ни одного пьяного, не слышала грубой ругани. Вечером мимо окон гостиницы проходит молодежь в Дом культуры. Разговаривают и поют или сами ребята, или их транзисторы. Очевидно, это связано как причина и следствие: культура в работе, культура и в быту, в поведении. Во всяком случае, здесь это связывают осознанно и последовательно.

На бригадных собраниях, где обсуждались итоги посевной, качество работ, бригадиры говорили о дисциплине в том же требовательном тоне, как и о сроках закрытия влаги на полях, боронования, культивации.

— Бригада работала дружно, слаженно,— докладывал один из бригадиров. И вдруг как бы споткнулся его голос: — Правда, было одно замечание... Не на работе, конечно. Выпивши, шел по улице тракторист (он назвал имя). Ну, я зашел к нему.

— Как раз этого бригадира мы года полтора назад перевели в трактористы: выпивал часто,— рассказала мне потом Валентина Ильинична.— На замечания не реагировал. Было жаль, но пришлось снять с бригадирства. На четыре месяца. И видите, снова бригадир. Других воспитывает. И успешно. Очень знающий он агроном. И с людьми умеет работать.

— А вдруг он не оставил бы выпивки? Так и потеряли бы хорошего бригадира? — спросила я.

— Мы и так бы его потеряли. Я считаю: если ему самому не помогло бы понижение в должности, то его пример научил бы других...

Директор Духнова

Сейчас, вспоминая эти разговоры, я не могу не сказать несколько слов о самой Валентине Ильиничне, об удивительной ее способности постоянно, в любой ситуации при решении любого хозяйственного вопроса не забывать сверхзадачу — воспитание людей. На бригадных собраниях, на совещаниях с механизаторами в диспетчерской она не держит речей. Но ее молниеносные вопросы снайперски накрывают слабину, направляют разговор в нужное русло.

Бригадир пятой бригады сообщил, что один из его трактористов отказался поехать исправлять свои же огрехи. Пришлось поехать самому.

— Назавтра вы отстранили его от работы? Нет? Считаю, что вы, как бригадир, поступили неправильно. Вы сделали хуже, а не лучше самому виновному. От таких поблажек человек может распутиться.

Стоит увидеть Валентину Ильиничну среди бригадиров и главных специалистов. Крепкое, свежее лицо дышит силой и умом. От нее, кажется, физически ощутимо исходит энергия воли и организованности. Люди в ее присутствии внутренне как-то подбираются, начинают быстрее двигаться, острее думать. В этом суть натуры директора Духновой: она сама собранность; реакции ее мгновенны; между решением, которое она приняла, и действием практически отсутствует инертная полоса. Вот пример: сейчас в Капальском районе боронование по всходам яровых никого не удивляет. А с чего началось? Как-то Духнова с одним из бригадных агрономов смотрели всходы яровой пшеницы.

— Смотрю,— рассказывает Валентина Ильинична,— растенючка, как под броней. Такая корка спеклась после дождя. Земля у нас сильно кальцинированная, отсюда и корка. Я дома свои розы, если прошел дождь, хоть в два часа ночи приеду да прорыхлю. А тут — былинки нежные. «Давай,— говорю,— возьмем по квадрату, прорыхлим». На другой день смотрим — наши квадраты, как вострепенулись! Ну и пустили бороны. Почему раньше не боронили? Считалось, что корневая система яровых всходов слабая, бороны повредит их.

«Считается», «принято» — для нее не имеет силы вето, если практика подсказывает иное. В полном расцвете сил директор Духнова — тридцать девять лет,— но опыт за ее плечами немалый. Целинные земли под Кустанаем быстро, за два года, вырастили руководителя из молодого специалиста.

Василия Климентьевича Немченко, тогдашнего директора совхоза «Карабалыкский», где в 1958 году начинала Духнова после института главным агрономом, называет она своим учителем. В 1969 году Валентина Ильинична защитила диссертацию и в совхоз «Капальский» приехала уже кандидатом сельскохозяйственных наук.

«А как семья?» — спросит читатель. Ответу: «В полном порядке». Сыновья Сережа и Андрей и муж Николай Алексеевич (и учились вместе и диссертации почти враз защищали) гордятся своей мамой и хозяйкой.

— Они мне, знаете, как помогают? Надежда и опора,— говорит Валентина Ильинична.— Когда в семье хорошо, и работа в радость.

А в работе главное, считает директор,— знать все, что в ее огромном хозяйстве делается.

— Я агроном, но если совхоз выращивает овец, обязана разбираться и в зоотехнии. И еще важно, чтобы каждый человек чувствовал свою значимость в деле. А прежде чем требовать, организуй возможность исполнения. У нас главные специалисты непременно думают над перспективой, подготавливая заранее фронт работ.

Я видела, слышала: на бригадных собраниях еще обсуждали готовность к сеноуборке, а на совещании главных специалистов и бригадиров уже — к уборочной страде.

— Организованно, с взглядом в будущее помогает нам работать Зинаида Васильевна, главный экономист,— продолжает директор.— Наши бригады знают планы севооборотов на своих полях вплоть до 1980 года. В точности погектарно.

И знают, что ничьей волей эти планы не изменятся. Дирекция совхоза с энтузиазмом ухватилась за предложение Казахского НИИ электрификации и механизации сельского хозяйства — создать единый центр управления всеми главными звеньями хозяйства. Так возникла диспетчерская служба в совхозе. С центральной диспетчерской связаны рациями все бригады, все чабаны, фермы, ремонтные разъездные мастерские, машинно-тракторные мастерские и автомашины главных специалистов.

Один год работы диспетчерской службы дал 185 тысяч рублей. А расходы на нее — от зарплаты диспетчеров до стоимости раций и всего оборудования — составили 39 тысяч.

Скворцы на антеннах

Да, здесь умеют считать.

— Мы стремимся так построить отношения работников и совхоза, чтобы каждый человек понимал: ему выгодно работать хорошо, продуманно, культурно,— говорит Валентина Ильинична.— Возьмите наших чабанов. Они заинтересованы в том, чтобы сохранить как можно больше ягнят. Каждый сверхплановый ягненок дает чабану высокую дополнительную оплату. Потерять ягненка для чабана — ЧП. Он поднимет на ноги по рации весь совхоз!

Оттого что чабаны хорошо работают (наша Кульбаран Тюльбасова, например, получила нынче по 150 ягнят на 100 маток), что наши полеводы дают высокосортное зерно,— богатеет совхоз. Чистая прибыль за 1973 год составила 1,5 миллиона рублей.

Средний месячный заработок тракториста-машиниста за три года пятилетки с 280 рублей вырос до 435.

И мы учим людей видеть истинную выгоду. Для всех нас высшая выгода в растущем плодородии земли...

Но личный доход работника совхоза исчисляется не только заработной платой.

За три года пятилетки совхоз построил хозяйственным способом 120 домов. Три комнаты, кухня, веранда. Усадьба огорожена забором, на дворе — сарайчики. Улицы совхозного поселка, если смотреть на него с горы, возле которой он притулился, кажется, растут на ваших глазах: вот вчера здесь вы насчитывали четыре новеньких дома, а сегодня уже пятый светлеет шиферной крышей.

Придут хозяева в свежестроенный дом, разобьют сад, а перед окнами посадят тополя или карагачи. Ребятишки скворечник пристроят, пока тополь не вырос, прямо на длинный шест. И вернувшиеся весной птицы обживут новый дом, усядутся на телевизионную антенну.

За низким штакетником — грядки огородов, мычание коров, озабоченное квохтанье кур. И с любой из улиц видна длинная шея строительного крана — городская примета, кран тянет вверх этажи новой школы-десятилетки на 900 мест со своей столовой и комнатами для групп продленного дня. Здание школы встанет рядом с Домом культуры, гордостью не то что совхоза — всего района. Зрительный зал на 400 мест, малый зал — лекционный, комнаты для кружковых занятий, фойе, стены которого украшают фрески — работа художников из Алма-Аты.

Неподалеку сад, посаженный первыми целинниками, и стадион. Все вместе складывается в солидный культурный центр — к такому поселку слова «деревня» и «село» и не пристанут.

* * *

Я уезжала рейсовым автобусом — он идет из районного центра на Талды-Курган как раз через земли совхоза, мимо его «полосатых» полей. Провожая их глазами, я думала, что мы, пожалуй, еще не привыкли к этой новой роли целины: то она была просто стихийной родительницей миллионных урожаев, только что вскрытой кладовой природы — знай паши глубже да бери больше, а теперь она организатор и пример культурного землепользования, рассчитывающего не на милости погоды и почвы, а на работу, направленную наукой и на науку опирающуюся.

Шел третий год войны. 8 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР учредил ордена «Мать-героиня» и «Материнская слава» (трех степеней) и «Медаль материнства» (двух степеней).

В трудное время страна не забыла о великом подвиге — подвиге материнства. Не забывает о нем и сейчас. 166 тысячам женщин присвоено почетное звание «Мать-героиня», орденами «Материнская слава» разных степеней награждены более трех миллионов человек.

...Первых матерей-героинь принимал в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.

Кому же тридцать лет назад был вручен орден «Мать-героиня» под номером один? Жительнице Пушкинского района, Мозновской области, Анне Савельевне Алексахиной.

Кем была она, Анна Савельевна? Одной из матерей России... И судьба ей выпала обычная, материнская, полная забот, трудностей и радостей.

...Все больше детей становилось в доме Алексахиных. В 1909 году родился сын Алексей, в 1911-м — дочь Анастасия, в 1912-м — Александр, в 1914-м — Софья, в 1916-м — Иван.

В 1917 году пришла революция. Семья Алексахиных выделила земельный надел, стало полегче прокормить ребят. Со временем Алексахины вступили в сельскохозяйственную коммуну, а позже — в колхоз.

Еще семеро детей прибавилось в семье. И стало их двенадцать — две дочери и десять сыновей.

Грозный 1941 год. Война сразу же постучалась в двери дома Алексахиных: на фронт ушли сыновья Сергей, Алексей и Александр... Позже — и другие.

Полетели с полей сражений в дом Алексахиных фронтовые треугольники с обратным адресом «Полевая почта». Сергей и Алексей воевали на Западном фронте, оба погибли в 1941 году. Александр, сержант пехоты, сражался в Карелии. Там и сложил свою голову. Иван, окончив военное училище связи, стал лейтенантом. Служил в войсках связи. Георгия война сделала танкистом. Ему тоже не довелось дожить до победы. Валентин был шофером на Ладоге, перебрасывал продовольствие и боеприпасы в Ленинград по Дороге жизни. Шофером был и Михаил, участвовал в обороне Москвы, с наступающими частями прошел до Берлина. Николай служил на Тихоокеанском флоте с 1941 по 1948 год, окончил службу старшиной первой статьи.

Вот каких защитников вырастила Родине простая русская женщина!

Умерла Анна Савельевна в 1955 году, но память о ней хранит вся семья Алексахиных. А семья эта и сегодня большая, дружная, трудолюбивая, дети, внуки. И вот уже и правнучки подрастают... Таково свойство великого материнского труда — не исчезает он с лица земли, не может исчезнуть.

Э. ЗВЕНИЦКИЙ

Фото Н. Маторина.

Об Анне Савельевне Алексахиной рассказывают ее дети

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ. Отзывчивым человеком была наша мама. Мы выросли, обзаводились семьями. И какой доброй, умной тещей и свекровью стала она! Приходили в дом мужа сестер, приходили молоденькие невестки и, мне кажется, всегда встречали понимание и поддержку. Ну, а если случались ссоры между молодыми: жизнь есть жизнь, — именно мама гасила их. Так и вошло в память: мать — это мир в доме.

АНАСТАСИЯ ФЕДОРОВНА. Больше всего мы в маме ценили доброту. Отец крутой был, а мама жалела нас. Воспитывала не криком да наказаниями, а лаской. Добро — оно многое может сделать. Это я и дочери своей передать старалась, а теперь внуку.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ. В нашей большой семье домашней работы на всех хватало. У каждого свои обязанности были. Уже взрослыми мы часто навещали маму в Мамонтовке — по хозяйству помочь, на огороде. Приедем картошку убирать, а соседи смеются: алексахинский колхоз прибыл. А если серьезно, мы ведь действительно колхозом росли, где каждый знал, что такое труд. Но первая труженица в семье — мама. Даже в последние ее годы соберемся в Мамонтовке на семейный обед — а семья-то огромная, всех усадить, всех накормить, — мама и бегаёт, хлопочет. Мы ей говорим: посиди с нами, ведь на тебя посмотреть приехали. Нет, говорит, сначала накормлю всех досыта.

СОФЬЯ ФЕДОРОВНА. После того, как орден маме вручили, письма пошли. И поздравляли и подарки присылали, но чаще совета спрашивали. Мама часами, отрываясь от домашних дел, просиживала за письмами. Своей ответственностью понимала: именно ее совета ждут люди, и ней обращаются за помощью.

● Этот снимок запечатлел встречу женщин, которые были первыми награждены орденом «Мать-героиня», с Михаилом Ивановичем Калининным. Стоит вторая слева — Анна Савельевна Алексахина.

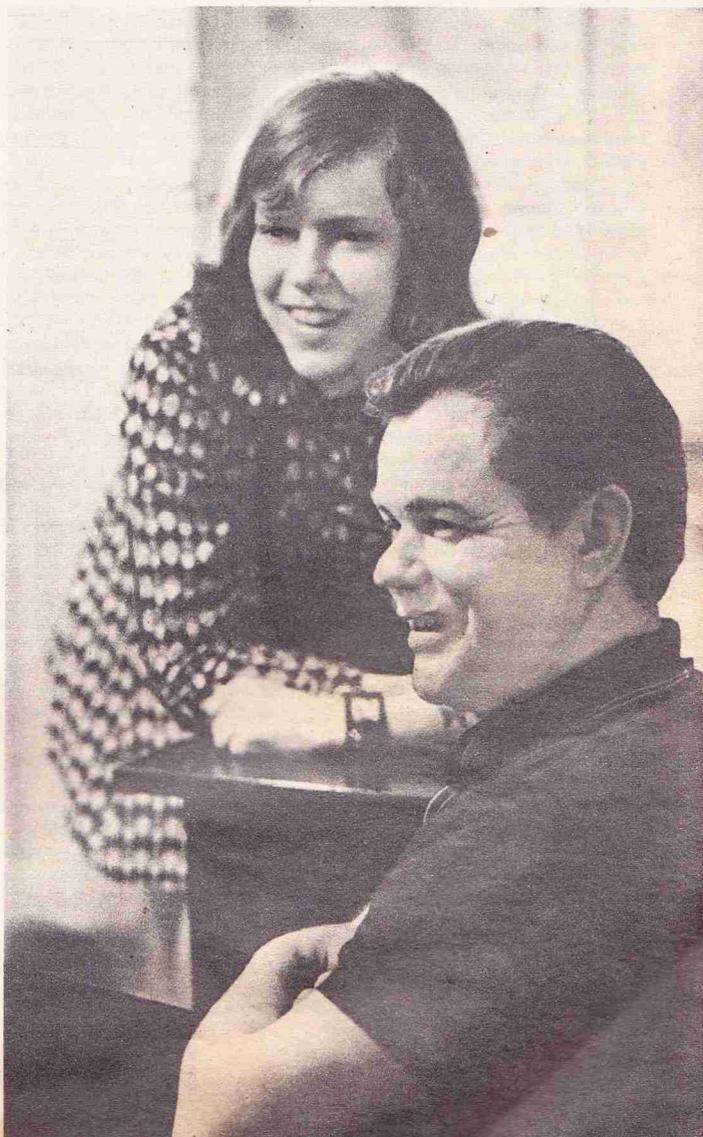
● В квартире Анастасии Федоровны, старшей дочери Анны Савельевны, мы застали Софью Федоровну и Ивана Федоровича Алексахиных (снимок внизу, слева). Проводить выходные дни вместе — традиция этой дружной семьи. Сестры больше тридцати лет проработали на деревообделочном заводе, или «деревяшке», как ласково называют они свой завод. Сейчас сестры на пенсии. Иван Федорович — электромонтер на московском радиотехническом заводе. Ну, а пятнадцатилетний Сережа, внук Анастасии Федоровны, — школьник.

ОДНА ИЗ МАТЕРЕЙ РОССИИ

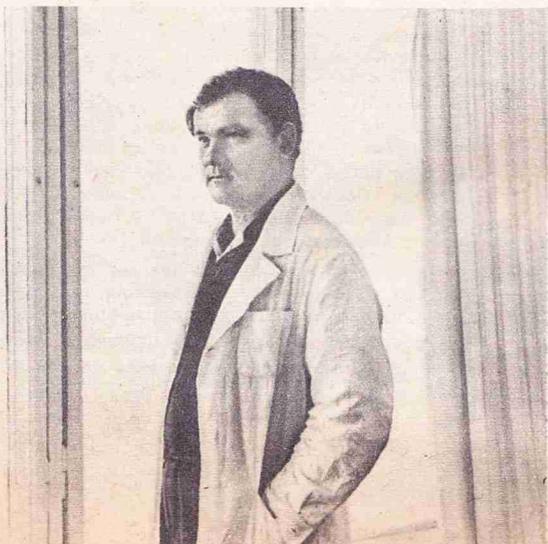
● Николай Федорович Алексахин. В Филевском автобусно-троллейбусном парке он бригадир слесарей-электриков.

● Евгений Федорович Алексахин, бригадир слесарей-сборщиков Мамонтовского опытно-экспериментального завода, с дочерью Леной.

● Валентин Федорович Алексахин, как и его брат Евгений, слесарь-сборщик.

С

транное море у берегов Юрмалы! Тревожное море. Ни волн больших на нем не бывает, ни грохота такого, будто орудейные залпы по берегу шпалят, как у нас на юге, а все равно тревожно. Особенно ночью, когда не видишь его, а слышишь. У нас ведь как, на юге? Если тихо, море только хлюп-хлюп, отчетливо и ласково, словно дитяшка ладошкой по воде хлопает. Зато песочка такого у нас

нет. Бока отлежишь на гальке, встанешь — будто в крупных оспицах вся. Полезешь в воду, а под ногами опять камни, скользкими водорослями поросшие, острыми зубцами прямо в твои голые пятки нацеленные. Такого песочка — иди, иди по кромке у самой воды хоть десять километров — нам и во сне не снилось. Влажный, упругий, прямо-таки сам ложится под ноги, никакой тебе усталости. Иди дыши да гляди, не задеть бы ненароком песочный замок или крепость — латышские ребятишки мастера строить. А еще говорят: если встать рано, янтарь углеть можно...

Сереза, помню, тоже все чего-то искал под ногами, хотя у нас на юге янтаря нет. Камешки простые подбирал, удивлялся, в воде всеми цветами играют, а возьмешь в руки — гаснут. А мне смешно было: на что ему эти камешки? Я ему морских коньков и «чертиков» рогатых приносила, крабов, медуз вылавливала, если за спинку брать — не жгутся... А плавал Сереза, хоть моря до тех пор не видел, не хуже меня. Говорил, в море куда легче, чем на реке: соленая вода сама держит. И мне опять смешно было: как это вода сама держать может! За всю свою жизнь я в те дни отсмеялась. А потом как-то по-иному у нас пошло: наплаваемся, нанырёмся, насмеемся в воде, а как на берег выйдем — присмиреем. Сядем рядышком и молчим. Потом свой камень нашли, сидели на нем, рука в руке. Горячие у него руки были, шершавые, в песчинках. Камень наш далеко от пляжа, ни души вокруг и чисто. Вообще-то у нас как? Поел и газетку с огрызками тут же бросил. Я из-за этого на пляж не хожу — сердце ныть начинает. Это в Юрмале песочек чистый, урны на каждом шагу. И то, бывает, кожуру от апельсина или конфетную обертку на песке заметишь. Я оглянусь, подыму быстренько, будто сама набезобразничала, и так совестно перед местными: сама не сама, а тоже приезжая.

Меня в Прибалтике еще что волнует: деревья здесь берегут — идешь, а посреди тротуара липа растет. Растет себе и растет, люди ей не мешают. А новый ресторан строили, так дуб на том месте не спилили — где родился и омужал, там и остался, крышу вокруг него навели, а над крышей зеленое плещется. У нас же на юге не жалуют деревьев. В городе особенно. Кому свет заслоняет, тот и спиливают. Если спилить запретят, он кору попортит, дерево само и умрет. Увижу белое кольцо вокруг ствола, и будто это мне самой удавку на шею накинули... А если в новом районе дома строят или кабель какой прокладывают — деревья запросто убирают. Зелентрест потом прутки в землю понатыкает, жди, когда в рост пойдут и тень от них будет. Я здесь мимо стройки проходила: деревья, что около площадки, дощечками обложили на тот случай, если машина заденет. И дела-то всего — дощечки проволокой вокруг ствола обвязать, но ни в каком другом месте я такого не видела. Очень они аккуратные люди, латыши, и природу из поколения в поколение нетронутой передают.

А еще скамеек у них примечательных много. Засохло дерево, его, и мертвое, не спешат от родной земли оторвать. Положат — и оно, как при жизни, человеку отдых дает...

На что уж у нас на юге дети скороспело вырастают, родителей намного крупней, а здесь, в Юрмале, и вовсе великаны.

Пришла я как-то на берег, и компания ребят — девчат высипала. Старшеклассники, похоже, а ростом все, словно баскетболисты. Орут, хохочут, ребята за девочками гоняются. С двух сторон под руки подхватят и тащат силком в море одетую, а на песке глубокие полосы от ее ног остаются, как рельсы. Заведут в море и только тогда отпустят, когда юбочка курносая, как она сама, измокнет. Выбегит на берег, наскоро отожмет юбку и за утипителями своими в погону. Одну пару я с самого начала приметил. Он крепкий такой, большеротый, вроде бы на моего Серезу похож. Девчонка красивая, белокурая, стройная — берега и только. Гонялся он за ней по песку, сто раз, наверное, дорожки их пересекались, руки сплетались-расплетались, пока он ее, наконец, в море не утащил. Не понравились они мне тогда. Он ее все поприжать старался, а она ударить да побольней, хотя, заметно, приставания его приятны ей были: уж как изворачивалась во все стороны, чтобы себя всю под его руки подвести. Как это себя так поставить, чтобы парни хватили почем зря и в воду, точно щенка слепого, тащили? Меня бы в молодости кто осмелился? Или мы, довоенные, другими росли? Сереза до меня пальцем боялся дотронуться. Только когда лежала, камнями посеченная, водоросли на ранки накладывал, йод в них, в наших водорослях. Сереза их осторожно накладывал, легко, и мне от его

С. ШАПОШНИКОВА

У нас
на юге...

Рассказ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА

рук не стыдно и не больно было, а хорошо, и все, что горело и жгло, охлаждалось и утихало.

У нас на юге ночи ранние, темные. Мы с Серезей только до темноты и бывали вместе. Бабка меня в строгости держала. Отец и мама на «Пестеле» плавали, отец — матросом, мама — посудомойкой. Чего-чего «Пестель» этот за жизнь свою, должно, не пережил! В гражданскую в Арбузной гавани затопленный на дне лежал, чтобы белые воспользоваться не могли. А в эту войну сколько народу спас, детишек сколько — не сосчитать.

Отец с матерью на «Пестеле» плавали, а я в дедовой рыбацкой хибаре росла. Жилье свое от Серези скрывала: вдруг придет, а бабка его шуганет как следует — не любила она дачников. На свою беду скрывала... Да кто же подумать мог, что война начнется и Сереза внезапно уедет, меня не найдет.

С Серезей у нас все в шторм началось. Пляжа не стало — сплошное море. Вижу — рядом со мной на обрыве незнакомый городской мальчик. Не знаю, что на меня нашло, только захотелось мне мальчика этого удивить, что ли. Спускаюсь, думаю, вниз: волна отхлынет — я метнусь по пляжу и назад до новой волны вернуться успею. Дурость нашла, как на этих ребят, что девчонки в холодное море одетыми втаскивали. Сбило меня с ног сразу, оглушило. Цепь там какая-то была, с берега в море уходила. Тяжелая цепь, вечная. Ничего я не видела, не слышала, а руки сами намертво к цепи прикипели. Уж и побило меня об эту цепь и о камни, всю, точно осколками, в кровь посекло. А Сереза по цепи, по цепи до меня добрался, пальцы мои разжал. На обоих и вынесло волной на берег.

Был мой Сереза помельче этого парня, ну а меня с его березкой и равнять смешно: ее пополам сложить, я как раз и получусь.

* * *

Сегодня на берегу нехорошо: отлив, что ли, много мертвых водорослей, и запах от них идет душный. И еще весь песок «божьими коровками» закапан, шевелится. Откуда только взялись! Может, лететь куда надумали, а ветер их сшиб и не пускает подняться? Им бы, глупым, на сосны спланировать, за кору уцепиться, а они, несмышленыши, за песок держатся.

Видела я здесь, на берегу, девчущечку в таком платьице — точь-в-точь «божья коровка». Я себе, между прочим, перед отъездом в «Детском мире» похожее купила, в белую крапчатку. Примерила, а оно сразу так ладно село, точно приросло, я уж и снимать не стала, оторвала цену и пошла. Неловко перед людьми — немолодая как-никак, ну да стерпела. А здесь, на берегу, так ему легко сделалось, рукавички фонариком надулись, юбка парусом трепыхается, и мне хорошо, будто оно на теле моем само выросло. Хорошо, когда человеку с людьми, природой и вещами в лад жить посчастливится...

На следующий вечер я тех ребят снова заметила. Только уже без компании, вдвоем. Брючки на обоих брезентовые, одинаковые, белые рубашечки полотняные, махровые. Бредут рядком неспешно, у парня лицо опущено, мизинцем едва руки ее касается. А она лукаво так на него поглядывает, тараторит что-то, смеется. Я за ними и пошла. Много людей по кромке ходит, отчего бы и мне не пойти! Он все молчком, молчком, потом заго-

ворил тихонько, имя ее без конца повторял — Рута, Рута... А она смеется-заливается. Он и замолчал.

На другой вечер она еще смеялась, а на третий вроде бы призадумалась. Теперь он говорил, если по тону судить, спрашивал, а она все головой мотала: нет, мол, нет.

Сели они под сосной на песочке, и я неподалеку примостилась. И не подслушиваю — ни слова ведь не понимаю, так, смотрю на их затылки светлые, музыку разговора перенимаю. Он все опять спрашивал. Она уже головой не мотала, молчком сидела и вдруг слышу: «Я-а-а» — тихо так, не то удивленно, не то радостно. Он притянул ее к себе, на одно мгновение притянул, не поцеловал и вскочил, побежал к морю, разделся и поплыл, поплыл туда, где солнце вишней повисло. Счастливый. Совсем как мой Сережа.

У нас ведь как было?.. Я утром встану раньше бабки и всю работу по дому переделаю, чтобы на берег к нашему камню бежать. После того шторма море похолодало, мы не купались. Загорали на солнышке, камешки подкидывали-ловили, у меня это ловко получалось. Распогодилось наконец, и полезли в море. Я в трусах, в майке купалась, мне и в голову не приходило, что под майку и лифчик пора надеть. Вылезаю я из моря, майкой облепленная, и замечаю, что покраснел Сережа, глаза отвели. И будто впервые груди свои набухшие увидела... Меня, точно гвоздь, по самую макушку в стыд вогнало. Сжалась вся, веки горячие сделались, тяжелые. Я косы отшпилила, на грудь кинула. Толщенные были косы... Сарафанишко скорей на мокрую майку натянула, чтобы Сережа глаза смог поднять. Глаза у него замечательные были, как тихое море: зеленоватые, а на дне будто коричневые камешки рассыпаны, так и играют в чистой воде, под солнцем... Заговорить первым никто из нас тогда не решился, я и сказала, что мне домой пора. И побежала. «Завтра придешь?..» — Это он уже мне вдогонку. «Да-а-а!»

«Я-а-а!» — сказала Рута. — «Я-а-а!» Хороший у них язык, у латышей, певучий.

В Латвии я впервые. А так где только не побывала! Целый год коплю деньги, во многом себе отказываю, зато на отпуск хватает. Я уже и на Кавказе, и в Закарпатье, и на Байкале даже была, про Москву — Ленинград говорить не приходится. Даже в Карелию по туристской путевке съездила, в восьмидневный шлюпочный поход ходила, гребла. Все молодые, одна я в годах. Да что годы, если я юность свою еще не истратила...

А замуж я, наверное, не из-за Сережи не вышла. Не то что бы ждала или очень сравнивала, а просто человека по себе не встретила, бывает же. Теперь и говорить что!.. Так и не выросла, махонькой осталась. Со спины меня и сейчас за девочку принимают. В лицо глянут — извиняются. А чего извиняться, разве это обидно, что за молодую приняли? По радио стихотворение передавали про то, что сердце все чует заново, всякий раз заново, будто новая весна приходит. И юность не только была и прошла, а есть и всегда будет, потому что она в нас самих живет. Это же надо так прочувствовать и за всех нас, живущих, выразить! Вот и я будто все жду, жду чего-то. Когда работаю, ничего такого нет. А в отпускное время накатывает, тянет куда-то в места новые, едешь, как на свидание, а с кем?.. Вот теперь к северному морю приехала. Не такое оно, как наше, тревожит ровным гудом своим, и сосны какие-то покореженные, как старые рабочие руки, венами перевитые, и ночью не спится мне, как в то лето, когда был у меня Сережа. А больше всего эти дети тревожат, Айвар и

Рута, как у них-то все сложится?.. Слава богу, потеплело вроде бы в мире, не расколется земля под ногами, не закипит под снарядами море, не будет у них того камня и прощальной записки под ним...

Меня часто спрашивают, как это я на войну пошла. Да разве же это я на нее пошла! Она ко мне пришла, не спросила: хочу я, могу я?.. Все равно как пожар: дом твой занялся, ну и сбиваешь пламя, что же еще делать остается! А орден и медали, если правду сказать, я не за храбрость получила.

Мне за всю войну и стрелнуть-то не довелось. Только одно и делала, что раненых таскала. Он бьет по нашим позициям, а ты ползи и не знай наперед, где там земля сейчас закустится. Ну я и велела себе не глядеть по сторонам. Намечу одну точку — своего раненого — и к нему, только на него смотрю, будто одно это дело, один этот боец только и есть на всей земле, дальше не загадываю.

Николай Георгиевич, нынешний наш зав. отделением, говорит, что человеку надо большую цель иметь и к ней неуклонно стремиться. И обидно делается, что у меня всегда вроде бы маленькие цели были. В войну — до того раненого добраться и его вытащить. И в детстве так было. Поплыву в море, оглянусь — и ищу на берегу какой-нибудь ориентир приметный. Бывает, и не доплыву — дыхания, сил не хватит, ногами дно ищу. Заглотну воздуха, нырну, толкнусь ногами о дно и отпихнусь, опять воздуха наберу... Так и допрыгаю до того места, где уже носом над водой задраить можно. И в школе у меня все маленькие цели были. Сидишь, сидишь над задачей — не получается. Ну и бросишь. А потом велишь себе: думай! Как это другие могут, ты что, дурнее? И взрослая жизнь вся сплошь из задачек отдельных сложена: большую тяжелую доглядеть, а больных таких — не одна в отделении...

* * *

Меня на медсестру выучить собирались. Все времени не было. Вот, говорю, ранят меня, тогда и на курсы можно. Но не ранило ни разу. Санитаркой из полевого госпиталя и в мирную больницу перешла, так бы санитаркой и по этот день осталась, если бы не случай один неприятный...

Получила наша терапия новое постельное белье. А сестра-хозяйка не штампует, домой к себе мою напарницу посылает — за старым своим бельем, значит. А новое, казенное, к себе тем же манером хочет переправить. Я необидчивая, пока меня одну касается. А тут... После, когда меня в хозяйки оформить хотели, чуть в другую больницу не ушла: будто я ради себя лично шум подняла, из корысти. Но поразмыслила и согласилась: должность эту принять. Где еще такая должность есть, чтобы к людям стать ближе: и сестра я и хозяйка...

В мирной жизни никого у меня всерьез не было. На фронте меня Махонькой звали, я и привыкла, что всех младше, и годы свои не считала. Опомнилась, а мне уже тридцать. Решила: раз мужчины на меня не взглядывают, сама себе пригляжу. Равноправие! Приглядеть приглядела, да не открылась: семья у него была...

Коллектив у нас в отделении не очень большой, а больных всегда полным-полно. С больными у меня дружба запросто получается, а с начальством... Отношения не скажешь что плохие, но

не так чтобы равные, потому что на профсоюзных собраниях выступать приходится и повседневно чего-то требовать: такая у меня должность. Я их обиду понимаю, но разве можно нормы эти принять — белье менять один раз в десять дней? А если она, скажем, потеет, а фортка открыта, как мокрую рубашку не сменить? Бывает, на взгляд и не мое вроде дело, но это с какой стороны смотреть. Вот, к примеру, палата сигналит, а сестричка по телефону смеется. Я ей на сигнал указываю, а она санитарку шлет. Санитарка и так разрывается, пока еще до той палаты ноги добегут! А там не ее, сестру зовут, плохо кому-то. А если опоздают?.. Я не то чтобы в медицинские дела лезу. Нет, я по своей части настаиваю: надо, чтобы не одна, а две лампочки зажгались, красная, скажем, для сестры, а синяя — санитарке. И просто же все сделать: у койки не один звонок, а два. Не твое, говорят, дело, Любовь Ивановна. Как же не мое, если я сестра-хозяйка?

А вот что Николай Георгиевич не в свое дело вмешивается, так это бывает. В прачечной белье рвут машинами, могут из совсем нового клок выдрать или просто располосовать. Что же, хорошее списывать? Возьму простынку домой, аккуратненько залагаю, из двух простынь одну сострочу — боковушки-то не истлевают. Заметил Николай Георгиевич, меня потребует да как накинется при всех: что за нищество, разве нового нет? Есть-то оно есть, только как можно из-за одной дырочки вещь выбрасывать?.. Ну, да он молодой, Николай Георгиевич, послевоенный...

Больные за меня вступаются, они люди отзывчивые. Правда, и они разные бывают. Одной давно ходить можно и нужно, Николай Георгиевич велит, а она все нянечку зовет. К болезни прислушивается. У меня часики тихие — то ли идут, то ли нет, я их к уху прикладываю. Так и больные эти к своему организму день и ночь ухо прикладывают, о болезни только и думают. Как тут подняться!

А бывает, лежит плохая совсем, а нянечку звать совестится, сама рукой на полу шарит, чтобы, значит, судно взять. Я уж в те палаты чаще заглядываю, боязно за больную, которая сама за себя не боится...

Есть такие, к которым не ходят. Иногородные. Тоже доглядеть надо, в магазин сбежать, на рынок. Как это у нас на юге больному человеку без фруктов! В Ленинград я, между прочим, за те фрукты и попала. Приехала ленинградка к морю, перекупалась, сердце на пляже перегрела. Когда выписывалась, адрес дала. Мне многие адреса оставляют, в гости зовут. Только я по первому зову никогда не еду — мало ли на радостях да в благодарность порывов случается! Вот если потом вспомнят, если в письме приглашение повторят, можно и поехать. Я и в Сибири так погостила.

Может, оттого, что я в больнице работаю, мне кажется, все люди больные, все на меня большими глазами смотрят и помощи ждут. Они мне такие личные тайны доверяют, что и сказать нельзя. И я опять, как в войну, вроде и сама по себе и в них тоже живу, и опять у меня не одна, а много разных жизней.

Каждый человек — земля неизвестная, и сколько же в той земле богатств, от глаза скрытых, таится!.. Я, чтобы поговорить, так не очень, мне что рассказывать? Я послушать люблю, а людям надо, чтобы их вот так, всем нутром, слушали, то, что у них наболело, в себя вбирали-перекачивали. Слушаешь иной раз — сначала словно в глухую чашу вошел. А там тропинок светлых видимо-невидимо и рядом с трухлявыми пнями светлые стелбелки вверх тянутся, и ручейки бегут-звенят, и озерца стоялые, задумчивые, и одуванчики солнышками проглядывают... Человек, который родным тебе за болезнь стал, под которого руки подкладывал, с ложечки кормил: на прощание деньги тебе в карман сунет. У меня будто кровь от лица, от рук насосом в один миг откачает, а слов нет. Верну бумажку и пойду тихо, отсижусь где-нибудь. И губы потеплеют, и кровь в лицо возвратится, и уже выговорить могу, только кому — ушла она со своей бумажкой. И хорошо, что ушла, для меня объяснения — ничего труднее нет. Ведь чтобы такой человек понял, чтобы дошло до него, слова особые знать надо и говорить пронзительно, — я так не умею. Это когда больной плохо, слова сами собой находят, искать не надо. Может, и глупые, да ведь тут главное — говорить и говорить, глядишь, и полегче больной станет, словно ты ее боль, как знахарка какая, заговорила. Вот и сюда, в Пумпури, я к своей заговоренной приехала. Не знала, не гадала, что здесь, от родных мест далеко, с юностью своей повстречаюсь. «Я-а-а...» Как музика.

Сказать моей матери до войны, что я, дочка ее, запросто полстраны объезжу, побываю, где захочу, — никогда бы не поверила...

Я в войну до Берлина дошла, а помню плохо, будто все одно поле, один лес, один бугор, одна речка, одни улицы, и везде раненные, раненные... Не умела я тогда на красоту смотреть, или времени не хватало. Сейчас совсем другое дело. Я ничем таким не болею; думаю, лет тридцать еще поживу — поезжу, на то и отпуск. На пенсию не выйду, нам теперь можно и работать и пенсию стопроцентно получать. Денег много будет, на Дальний Восток съезжу, за границу. А чтобы уйти с работы — это смешно даже, все равно что взрослому в ребячий вагончик влезть.

Отпуск мой кончается, пора уезжать. Хожу по бережку, на следы свои оглядываюсь. Вмятинки на песке отчетливые остаются, короткие и широкие, потому что обувь у меня — сандалии детские, где дамскую тридцать третьего размера найдешь!

Поезд мой ночью уходит, и я к вечеру прибежала сюда, на берег, к Айвару и Руте, на свидание. А они не знают, что я к ним на свидание бегаю, на затылки их светлые люблюсь, речи непонятные впитываю.

Издали еще увидела: Айвар один стоит. Ждет. Не так, как другие: взад-вперед не бегаёт, с ноги на ногу не переступает. Терпеливо ждет, уверенно. Ноги расставил, точно в берег моря врос, не шевелится, голову поднял, смотрит в ту сторону, откуда она прибежать должна. Я на скамью, что наверху, под сосной, присела, издали наблюдаю. Нет, не наблюдаю. С ним вместе жду.

Бывает, конечно, запаздывают люди. Мало ли что задержать может... Только стала я в памяти встречи их перебирать, каждую точно камушек на ладони подкидывать, обсматривать со всех сторон. И получилось, что вроде бы играла она с ним в догонялки, как в первый раз, когда он ее в море тащил. Азартная девочка. Потом попритихла, будто ждала чего-то, а когда свое «я-а-а» пропела, так уж и совсем в нетерпеливом ожидании вся к нему устремилась: вот догнал, а теперь что?.. А он, выходит, ожидание ее обманул, в море уплыл. Айвар — мальчик чистый и любит ее, видеть, прочно, а она не поняла, или неинтересно ей стало. В кино все иначе показывают, она и ждала бурности, а он бурность свою в море утопил. Нет, не случайно не пришла к нему сегодня Рута...

Уже пансионатские после ужина бережком прогуливаются. Кто хотел, в кино ушел. Вот и солнца не стало.

У нас на юге солнце быстро заходит, скатилось по небу, заалело, и нет его. И вечер темный рано с земли наплывает, и небо темнеет. А здесь почти до полуночи светло. Солнце долго-долго висит над морем: сначала обыкновенное, желтое, фонарь фонарем. Потом точно расплавленный металл по небу растекается, каплей над морем загустел. Густеет, густеет, наливаются вишневым цветом, дойдет до полной своей спелости и начинает блекнуть. Увядает медленно так, едва заметно. А как солнца не станет, сразу похолодает, ветерок задышит. Чайки на песке рядочками сядут, гурьками к ветру, чтобы, значит, обтекал их, перышки не шеврились...

По-нашему «рута» — «мята». Травка пахучая. Понятное имя. А вот «Айвар» на наш язык не переводится. Только мне Айвар приятнее. На Сережу моего похож. Я, если по правде сказать, лицо Сережино не очень помню, будто дымка мешает. Иной раз уж так разглядеть пытаюсь, память напрягаю, а нет, неразличимо оно, смутное, вроде как солнце, что над Рижским заливом истаяло. Одни глаза помню.

В последний раз поглядела я на Айвара, попрощалась и пошла: электричка меня ждать не станет. Иду быстро, а все оглядываюсь. Стоит Айвар. Люди его, как ту лигу, что посредине улицы выросла, обтекают. А он стоит. Может, до утра стоять будет. И такая обида меня взяла, к горлу подступила — дышать трудно. И чего это я Руту березой все видела распрекрасной, себя, довоенную, с ней себе в ущерб равняла? Да разве же я такая была? Ну, пускай маленькая, пускай неказистая, и руки уже тогда в твердых мозолях были, пускай. Вон карельская береза на что уж неказистая, и наросты у нее, как мозоли. Может, они, мозоли эти, крепость ей, такую ценность и придают. А рядом березка стройная, раскрывшаяся, а глянешь — совсем не та у нее древесина...

...Сажу в поезд, еду домой на юг. А все берег вижу и как Айвар стоит. И такое у меня нестерпимое чувство! Будто наперед знаю: приеду через год, а он все на том же месте стоять будет. Может, так всю жизнь ее и прождет...

Я ведь не знала тогда, что война началась. Прибежала к нашему камню — нет Сережи. Я уж ходила-ходила, до самой ночи. И только на другой день под тем камнем уголок какой-то бумаги приметила, оказалось, Сережа записку оставил. Я эту записку и сейчас храню, только карандаш поистерся, слов не разобрать. А что разобрать, если я их наизусть знаю. Подписался «твой Сергей». А фамилию не догадался написать. И моей не знал...

Не сложилась, говорят, у меня судьба. Сложилась не сложилась, а все равно я сама над ней хозяйка. Куда хочу, туда и езжу. Только есть у меня в глубине где-то чутье такое, что перехочется мне вдруг путешествовать. Одна мечта все чаще на сердце запатать стала.

Сойти бы на самой дальней остановке, дальше которой поезда не ходят, автобусы не ездят, там, где новый город ли, поселок ли только-только рождается. Мое начало жизни война обрубилась, меня в самое пекло сунула. Сколько смертей я видела!.. А вот как жизнь зачинается... Где-то сейчас, в самую эту минуту, первую дорогу в непроходимом лесу прокладывают, первые палатки ставят, первого ребятенка нянчат, и все только начинается. Может, и мне скажет там кто-нибудь: «Оставайся с нами, хозяйка, невозможно нам без тебя!» ...На фронте мне часто такие бесценные слова говорили: «Крышка бы нам без тебя, Махонькая...»

И. ПЧЕЛКО: ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ЛАВРОВА.

«Без соревнования — как же?»

Бригада, которой руководит Александра Ивановна Лаврова, — одна из лучших в цехе № 6 Томского завода резиновой обуви. Есть здесь школа передового опыта. Обучая других, передовые работницы и сами совершенствуются. Почти все они знают несколько смежных операций, и потому быстро приживается в бригаде метод самоконтроля. Сорок человек взяли личные обязательства — вдвое снизить количество продукции второго сорта. А серьезного брака вообще не допускать. С 56-го года бригада носит звание коллектива коммунистического труда. Почти каж-

дый здесь заслужил звание «Лучший по профессии»...

И в соревновании лавровцы почти всегда впереди.

Очень азартное соревнование разгорелось между двумя бригадами — Лавровой и Волохиной. Соперники они достойные. У обеих высокие показатели и по сортности и по качеству продукции. Был месяц, когда на первом месте оказалась бригада Волохиной. Всего-то лавровцы уступили две десятых: бригада Лавровой выпустила 1-го сорта 97,5 процента, а волохинцы — 97,7 процента (при норме 95 процентов). Но лавровцы были полны решимо-

сти догнать соперниц — и догнали.

— Без соревнования как же? — говорит Александра Ивановна. Толчка нет. Примера нет.

Знает Александра Ивановна силу соревнования, недаром организация соревнования в цехе — ее партийное поручение. На заводе она 27 лет. Каждая вторая работница цеха — ее ученица.

17 января 1974 года внезапно замер лавровский конвейер, остановились и все другие конвейеры цеха. Первый секретарь Ленинского райкома партии Д. А. Шманов зачитал экстренное сообщение: «Брига-

диру цеха резиновой обуви Лавровой Александре Ивановне за выдающиеся успехи в выполнении плана 1973 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и молот». И не было в цехе человека, который бы не порадовался за «нашу Сашу», как зовут ее на заводе. «Заслужила!» — одобрили все. И только сама Александра Ивановна улыбнулась растерянно и сказала в наступившей тишине: — Я еще постараюсь оправдать эту награду!

В. ОГЛОБЛИНА

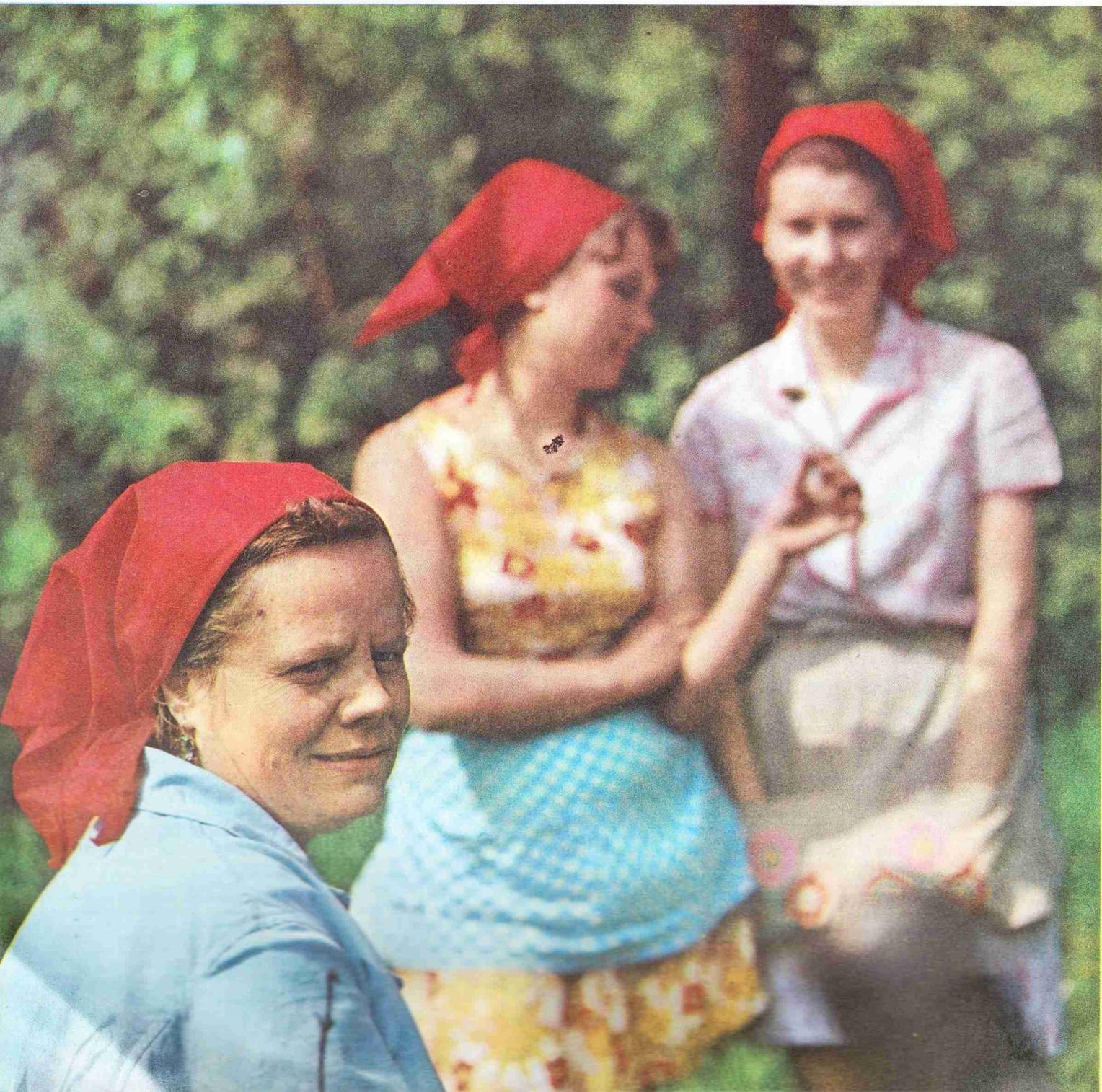
А. ЛЕВИНА

ПО ПРИЗВАНИЮ ДУШИ

Ветеран труда Матрена Ивановна Дроздова.

Фото Н. МАТОРИНА.

Ольга Павловна Вохмянина и ее воспитанницы.

Бывали ли вы на текстильной фабрике в час пересменки? Если бывали, непременно запомнился вам этот час. У фабричных ворот, на улице, ведущей к фабрике, в проходной, в гардеробной — всюду людно, как на демонстрации. Лица разные — и молодые, открытые, весенние, и озаренные, материнские, и совсем уж немолодые, но зато отмеченные каким-то особым достоинством, которое как бы само собой, мазок за мазком кладут на лицо человека время и труд. А голоса, голоса пересменки:

— Привет, Оля!

— Добрый день, Ольга Павловна!

— Здравствуйте, тетя Оля!

И все это: и «Оля», и «Ольга Павловна», и «тетя Оля» может относиться к одному и тому же человеку, потому что для одних, для тех, кто помнит ее девчонкой, она Оля, для других — кто знает ее нынче, 40-летней, — Ольга Павловна, для девочек, которых учит теперь сама, — тетя Оля...

...Работнице Реутовской хлопкопрядильной фабрики Ольге Павловне Вохмяниной впервые в стране звание Героя Социалистического Труда присвоено за успехи в воспитании рабочей смены, или, как говорят теперь, за наставничество. Именно о том, как и чему учит Ольга Павловна своих подшефных девчат, как наставляет их, и собиралась я с ней поговорить. Но вышло так, что слово «наставница» впервые прозвучало для меня на Реутовской фабрике вовсе не по отношению к Вохмяниной. У Ольги Павловны был выходной день, и я беспокоилась, застану ли ее дома. Но на фабрике мне ответили обнадеживающе: «Наверняка застанете. Тетя Мотя у нее болеет». «Кто такая тетя Мотя? Мать Вохмяниной, что ли?» «Да нет, не мать, наставница ее бывшая, которая с ней живет»...

Вот так и получилось, что слово «наставница», назвавшееся мне таким современным, обозначающим новое явление нашего времени, прозвучало по отношению к человеку, который начал свою жизнь еще в прошлом веке. И, идя на встречу с одной наставницей, я встретила сразу с двумя. Но пусть лучше расскажут они сами.

Рассказывает Ольга Павловна Вохмянина (возраст 43 года, стаж работы на Реутовской хлопкопрядильной фабрике 31 год, прядильщица).

— Да, вот так-то. Пришла я на фабрику, вернее, в ФЗУ, в 1943 году. Родители у меня умерли оба. Были они тоже текстильщиками, и фабрика взяла меня к себе. В ФЗУ была целая группа таких девочек из детдома — сирот войны. Маленькая я была — до машин не достаю, прыгаю. Так нам такие скамеечки поделали, лавочки вдоль всех машин. Тут-то и встретила я с тетей Мотей, моей Матреной Ивановной. Она была нашим инструктором в ФЗУ. Да какое там инструктором! И нянькой и матерью. То косички заплетет, то в баню нас ведет, то в школу провожает вечером, чтоб ребята не обидели. А меня, может, потому, что меньше всех была, особенно жалела. К себе домой водила ночевать. Ну, раз пришла я, а к ней сестры приехали, и вижу — две девочки, такие, как я, но с мамами. И так у меня сердце защемило: они с мамами, а я совсем одна, никого у меня нет, и заплакала. В уголок отошла и плачу. Тетя Мотя ко мне: «Ты чего плачешь? Как это ты одна? А я на что?» Ну, и взяла меня к себе насовсем. С тех пор мы с ней вместе и живем. И замуж я вышла, и дочка родилась. А живем одной семьей. Новую квартиру когда давали, попросили, чтобы вместе.

Рассказывает Матрена Ивановна Дроздова (возраст 77 лет, стаж работы на Реутовской хлопкопрядильной фабрике 46 лет).

— Я еще при хозяйне начала работать, совсем девчонкой. Боялась, что хозяйн не возьмет «на заработку» — так тогда говорили. Бегмя бежала на фабрику. Жили мы в казарме, каморки занавесками поделены. Часов-то ни у кого не было, будильников этих разных. А смена начиналась в четыре утра. Вместо часов сторож с колотушкой. Его уже с вечера просишь: «Дяденька, раз-

буди меня на заработку». Полчетвертого идет он по казарме, колотит в свою колотушку и кричит, да громко так: «Пе-е-рвый звонок!» Тут всех разбудит, кому надо, кому не надо. А без четверти четыре опять идет, выкликает: «Вто-о-рой звонок!» А ты уж собралась, бежишь. Первое-то время меня отец будил. И ему на смену и мне. Жалел меня сильно. Когда за руку ведед, а когда и на руках несет, а я досыпаю — тоже работница...

Рабочий день-то какой был — 12—13 часов, да еще разделенный: шесть часов отработал — домой, поешь, отдохнешь маленько и через четыре часа опять на смену и уже дотемна. Через два года прядильщицей я стала, с меня спрос. Цех весь в трансмиссиях, в ремнях приводных. Упадет ремень, бежишь за смотрителем: «Дяденька Герасим! У меня ремень снялся». Он ругается: «Небось, спросонья сама свалила! Выгнать тебя!»

Все помню, и забастовки помню, и как в революцию флаг поднимали, и как Ленина Владимира Ильича хоронили — я сама с венком от нашей фабрики ездил. И туркмены у себя обучали, что ж, надо, а то они хлопок сеют, а прясть у них было некому... Работали в платках, замотанные по самый рот. Говоришь: «Раскройся, милая, жарко закрывши работать-то». Ну, потом уж раскрываться они стали. Многих мы выучили, быстро схватывали, способные. А они в благодарности за науку дом фабрике построили. До сих пор стоит дом от Туркменской республики!

Прядильщица я была ничего себе, справная, двадцать лет отработала. А потом в 32-м году меня инструктором в ФЗУ поставили — других учить. Только жизнь пошла хорошая, а тут война! Фронт у Москвы у самой, и голод, и нехватки. И как дали мне эту группу, где Оля-то была, сердце у меня защемило. Себя я вспомнила. Но меня один отец жалел. А этих — все мы, вся Советская власть, вся фабрика.

Надеть-то, обуть совсем нечего было. Так мы из отходов, из ровницы тапочки вязали, пар пять за вечер свяжешь, а ребята дойдут от фабрики до общежития, и тапкам конец. А сколько мы с Клавдией Ивановной с Козловой — директор была ФЗУ нашего — на ребятишек стирали! Переодеть-то нечего, за ночь обстирать надо. Девочки уморятся от работы — и спать. Ну, приду в комнату, соберу все их платья со спинки кроватей, выстираю, над плитой высушу, выглажу и к утру обратно на спинки им разложу. И в школу водили — провожали-встречали, чтоб не обидел кто, а все бросать не давали: «Учитесь, девочки. В жизни-то как это нужно!»

А уж про работу-то и говорить нечего: работать обучали само собой. Чтоб по совети...

Матрена Ивановна, несмотря на свои 77 лет, — высокая, статная женщина. «Всю жизнь за машиной тянулась, вот и выросла», — шутит она. Она вообще любит шутку, веселое, острое слово... И главное, что запоминается в этом лице выражение неистребимого, трепетного интереса к жизни, к каждой ее новой черточке и краске.

— Нынешние-то девочки тоне подхода требуют, — говорит она об ученицах Вохмяниной, что бегут на фабрику в модных брючках. — Хотя и от родителей приходят и грамотные. А учить их Оле нелегко: машины-то вам канке теперь, скоростные.

Да, все, чему выучилась Ольга Павловна от Матрены Ивановны, весь бесценный опыт, что обрела и накопила сама за 30 лет, за 10 тысяч рабочих смен, передает она тем, кто приходит на фабрику сегодня. Как и другие наставники, ведед она занятия в школе передового опыта.

Продолжает рассказ Ольга Павловна Вохмянина.

— Хоть они и ПТУ кончают, а в цех приходят, глядишь — скоростные моменты у

них отстают. Вот и учишь их, пока не освоются. И все же не в этом главное. Кроме скоростных моментов, еще и человеческий момент учесть надо. Им же по 18 лет. Они нынче откуда приходят? От мам.

Но ведь и мамы-папы разные бывают. Вот как-то глянжу, ходит по цеху незнакомый мужчина, и видно, что не текстильщик, а со стороны кто-то, робко так всех спрашивает, интересуется. Кто такой? А это Жени Григорьевой папа. Приехал посмотреть, где его дочка работает, спрашивает, как она тут. Это хорошо. Но, бывает, скажешь иной девчонке: «Ты что не стараешься? Веретена гуляют у тебя. Норму не выполняешь. И заработка у тебя не будет. На что жить станешь?» А она в ответ: «Мне мама пришлет». Эта мама своими присылочками ей только жизнь портит. Девчонка и привыкает надеяться на маму. А вон Татьяна Духанина, рядом со мной на машине, отлично работает. Она как-то сказала: «Нас у мамы восемь человек. Я старшая. Должна им помочь». Я ее маме обязательно благодарность напишу. И вообще для нас связь с родителями молодых работниц — первое дело.

Ольга Павловна буквально так и сказала: «связь с родителями», — словно была воспитателем дедсада или директором школы, а не прядильщицей в скоростном цехе, где план, нормы и техника безопасности. Но сегодня она и в цехе важна, эта связь. Потому что физические дети наши взрослеют быстро, а вот духом нередко и не успевают окрепнуть. Все их опекают, за руку водят, где ж тут ответственности выработаться!

...«Прогульщик». Слушая о миллионных убытках, которые терпит наша промышленность от этого разгильдяя, мы представляем себе прогульщика в виде пьяницы, у которого голова проясняется только в вытрезвителе. А если проанализировать цифры прогулов, то онажется, что среди них немалая доля — на женских фабриках, в молодежных коллективах. И прогульщик — это не забулдыга, а миловиднейшая девушка с модно распушенными волосами, которые еще недавно были просто косичками. Сколько раз доводилось слышать такую беседу в кабинете начальника цеха. «Почему ты прогуляла?» «Я проспала». «Ну, допустим, час проспала. А потом-то почему не пришла? Машина ведь твоя стояла». «А я побоялась. Думала, уж лучше совсем не приду». Или: «Я домой на праздники ездил в деревню. И обратно билета не достала. Может, и не в билете дело, может, и мама придержала еще на денек. Маме нажется: ну, что там, в цехе, без ее дочки один день не обойдется, что ли? А у самой девчонки нет еще ответственности. И одними выговорами ответственность эту не вырастишь».

Но на Реутовской выговоры не дают. Прогуляла — с тобой бригада говорить будет, наставник твой. Каково услышать от такой вот Ольги Павловны: «Ты гуляла? А машины твои в это время тоже гулять должны? Так мы не дали им гулять. Мы за тебя работали. А ты о нас не подумала!»

Но вообще Ольга Павловна не любит учить словами. Она считает так: «На молодежь больше пример действует. Девчонка видит — ты тридцать лет трудишься и все с интересом, и у нее интерес появляется. Советь, она от одного человека к другому не через слова переходит, а как бы само собой».

Чтобы понять, что значит это «само собой», послушаем ученицу Вохмяниной Любу Копылову.

Рассказывает Люба Копылова (возраст 24 года, образование — 10 классов + ПТУ, стаж на Реутовской хлопкопрядильной 5 лет).

— Я пока в бригаду к тете Оле попала, год после училища в другом цехе проработала. Но все равно умения настоящего у меня еще не было. А здесь машины новые, на них еще труднее работать. И в первое время дело у меня не ладилось, завал за завалом. Что такое завал? Ну, вот смотрите сюда, валки видите? Так ровница, которую мы прядем, должна с этого валка дальше идти, на катушку. Если же оборвется, а ты вовремя не успеешь присучить, то ровница начинает за валик наматываться и все

забивает — получается завал. Пока его не разгребешь, ровнище не пройти. Я вообще думаю, это выражение от нас, текстильщиков, пошло, слышали, девочки говорят: «Полный завал»? Как его ликвидировать, завал? Да железным крючком, и то еле поддается. Вот видите? (Люба орудовала крючком с силой. И руки у нее оказались в мозолях и порезах.)

Вот так, бывает, завалит один валик да другой — раздираешь его крючком, а у самой душа раздирается: в это время другие-то веретена у тебя, если где обрыв, стоят. И вдруг голос, такой спокойный, тети Олин голос: «Ты, Любаня, не мечись. Главное, спокойствие. Думаешь, быстрее бегаешь — быстрее работа пойдет? Нет. Пока один завал не ликвидируешь, не сходи с места. А на той сторонке я пока помогу. И следи за приборами: будут чистыми — и заваливать не будет. Мы же с тобой как доктора: профилактику проведешь — и лечить не придется». И прямо-таки от голоса ее одного спокойнее становится. Глядишь, и завал поддался наконец. Перейдешь на другую сторонку, а там все на ходу: тетя Оля за тебя присучила. Уж тут метаться переставешь, идешь по маршруту. И так раз, другой, третий — глядишь, и завалы реже стали, ну, не чаще, чем у других.

И вообще, что б мы без тети Оли делали? Да разве только по работе? А в личной жизни что, завалов не бывает? А сказать кому? Мама далеко — в Рязанской области. Подруге по общежитию? Но и подруги бывают разные, да и опыта у них не больше моего в жизни. А тете Оле все можно сказать. Она и рассудит, и посоветует, и секрет сохранит, но и расспрашивать не будет — ждет, пока ты ей сама расскажешь. Замуж вышла — тетю Олю первую на свадьбу позвала.

А когда на XVII съезде комсомола объявили, что нашей тете Оле Героя присвоили, — вот у нас была радость! В цехе все слышали, как товарищ Брежнев про нее сказал: «наставник по призванию души». Здорово сказал, правда?

Вечером я нашла это место в докладе Л. И. Брежнева:

«В рабочем классе зародилось новое замечательное движение — движение наставников молодых рабочих. Наставники — это кадровые рабочие, обладающие высоким мастерством, богатым жизненным опытом, и, я бы сказал, талантливые педагоги. Они по доброй воле, по призванию души учат молодежь трудолюбию, мастерству, воспитывают ее на героических традициях нашего славного рабочего класса...»

Наставники как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее.

Эстафета труда из настоящего в будущее. А можно сказать и так, по-фабричному, — «пересменка». Шумно на фабричном дворе в час пересменки. Лица, лица. Степенно идут немолодые женщины, бегут девочки в брючках-джинсах. Они проходят через этот двор все вместе, проходят привычно мимо фабричной трубы, к которой прикреплены две мемориальные доски из белого мрамора. На одной написано: «Здесь рабочий С. А. Лавров в октябре 1917 года поднял флаг революции»; на другой: «Здесь хранится Обращение коллектива фабрики к потомкам, принятое в день 125-летия предприятия».

Вскрыть в первое воскресенье сентября 1993 года, в день 150-летия фабрики.

11 сентября 1968 года». В 1993 году Любе Копыловой минет 43, а рабочий стаж ее на Реутовской фабрике будет равен четверти века. И наверняка рядом с нею будут идти на смену 19-летние девочки рождения нынешнего, 1974 года, которых тогда уже она будет «наставлять на путь».

— Здравствуйте, тетя Люба!

— Здравствуйте, девочки!

И уже ее будут звать они этим словом «наставница». Это будет ее этап в эстафете труда из настоящего в будущее, эстафете, которую начала Матрена Ивановна Дроздова, продолжала Ольга Павловна Вохмянина и будут продолжать еще многие поколения работниц, несущих ее не по обязанности, а «по призванию души».

Дина ТЕРЕЩЕНКО

Счастливый сад

Это было в Александровском саду. Ты сказал мне, как мальчишка: — Уведу! Уведу тебя сейчас среди бела дня. До сих пор твои слова во мне звенят. Зазвенели колокольчики-слова, захмелела, закружилась голова. Даже клены притаились не дыша. У деревьев тоже добрая душа! У деревьев тоже добрая душа. Падал теплый, тихий дождик не спеша. Ветки кленов принимали на себя этот дождь, весенний дождь из серебра. В самом центре, в самой гуще на скамье двое были словно в море на скале. Гул московских улиц музыкальной звучал — то симфония, то песня, то хорал. Эта музыка звучит во мне, звучит. Эта музыка забыть мне не велит тихий дождь, весенний терпкий аромат. В центре города такой счастливый сад!

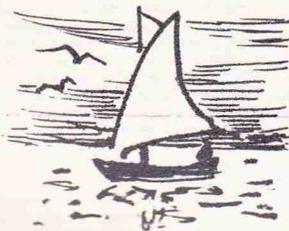
Людмила ЩИПАХИНА

Алый парус надежды

Все случается в жизни: Непогода и мгла. Налетает беда Ураганом кромешным. И судьбою твоей Управляет тогда Алый парус надежды. Алый парус надежды.

О тебе сокрушается Сердце одно. Эту тонкую нить Второпях не обрежь ты. И качается зыбко На холодном ветру Алый парус надежды. Алый парус надежды.

Ты по свету бродил. Ты вернулся домой. И в родимом краю Ты желанный, как, прежде. Вел тебя сквозь тоску, Сквозь разлуку и мглу Алый парус надежды. Алый парус надежды.

Мария ПРИГАРА

Пахнет летом

На лесной поляне Ранним летом Липа расцвела Первым цветом. В речке на себя Залюбовалась И шепнула: — Что со мною случилось? Зашумели травы Над землею: — Что это случилось С тобою? — Что это с тобою В самом деле? Тихо колокольчики Пропели. Закружились пчелы, Зажужжали: — Мы такого даже И не ждали! Шепчутся ромашки Удивленно: — Воздух словно медом Напоенный! И золотоглазые Ромашки Расстегнули белые Рубашки. Ветерки уснули Под сосною. Воздух пахнет Свежестью лесною. Воздух пахнет солнцем, Пахнет летом... Расцветает липа Первым цветом.

Перевел с украинского Владимир Орлов.

НА ПОРОГЕ ГОДА ЖЕНЩИНЫ

Удивительно хороша Варшава весной. Торжественные свечи цветущих каштанов, свежая зелень газонов, благоухающая сирень на улицах и в парках. Такой запомнят столицу Польской Народной Республики представительницы 86 стран всех континентов, собравшиеся на сессию Совета Международной демократической федерации женщин. Заседания проходили в здании Сейма — высшего законодательного органа страны. С докладом о деятельности МДФЖ и задачах в связи с Международным годом женщины и Всемирным конгрессом женщин выступила генеральный секретарь МДФЖ Фанни Эдельман.

В работе Совета участвовала впервые выехавшая из своей страны председатель Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама, заместитель командующего Народными вооруженными силами Республики Южный Вьетнам, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Нгуен Тхи Динь. Зал стоя приветствовал легендарную женщину. На протяжении многих лет МДФЖ и ее национальные организации последовательно поддерживали народ Вьетнама в его справедливой борьбе против империалистической агрессии.

«Мы испытываем большую радость и огромное волнение, находясь среди вас сегодня, после стольких лет ожидания, — сказала Нгуен Тхи Динь. — Благодаря великой победе вьетнамского народа, ознаменовавшейся подписанием Парижского соглашения, я получила возможность лично возглавить делегацию нашей страны и приехать сюда, чтобы выразить нашу признательность делегатам миллионов женщин всех стран, представленных в МДФЖ, которые отдавали свои силы делу мира и независимости Вьетнама». Нгуен Тхи Динь и представительница ДРВ Фан Тхи Ан рассказали о грубых нарушениях Парижского соглашения сайгонской администрацией, об артиллерийских обстрелах и авиационных налетах, которым подвергаются освобожденные районы Южного Вьетнама. Они подчеркнули необходимость усиления кампании за освобождение политических заключенных, число которых в Южном Вьетнаме превышает 200 тысяч человек. В тюрьмах много женщин, немало и детей, брошенных в застенки вместе с матерями.

На сессии присутствовали две представительницы Западногерманского движения женщин за мир, которые по поручению МДФЖ посетили Сайгон в начале этого года. Им удалось встретиться с бывшими узницами концентрационных лагерей, поведавшими об ужасах моральных и физических пыток, которым подвергаются заключенные. Члены делегации были свидетелями чудовищной нищеты большей части населения Сайгона. Собранные ими материалы будут представлены МДФЖ в Комиссию ООН по правам человека.

О необходимости крепить солидарность с вьетнамским народом говорила председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова.

Сессия единодушно приняла резолюцию, в которой еще раз подтверждается поддержка МДФЖ народа Вьетнама в его борьбе за неукоснительное соблюдение Парижского соглашения.

Вдова Сальвадора Альенде, президента Республики Чили, злодейски убитого фашистской хунтой, Гортенсия Бусси де Альенде посвятила все свои силы борьбе против фашистского террора, за освобождение чилийских патриотов, за восстановление демократии на ее многострадальной родине. Она побывала во многих странах, где в своих выступлениях разоблачала злодеяния хунты. По поручению МДФЖ она представила в Комиссию ООН по правам человека новые доказательства беззаконий, творимых хунтой в Чили, которые являются грубым нарушением основных прав человека. Признанием заслуг Гортенсии Бусси де Альенде в развитии международного движения солидарности с чилийским народом и ее роли в международном демократическом женском движении было избрание ее почетным вице-президентом МДФЖ.

Представители женских организаций арабских стран с чувством признательности отметили, что МДФЖ и ее национальные организации последовательно поддерживают борьбу арабских народов против израильской агрессии и неизменно выступают за установление прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке на основе вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и обеспечения законных прав арабского народа Палестины. С особенной теплотой они вспоминали приезд последней делегации МДФЖ, которую возглавляла покойный президент Федерации Хертта Куусинен. Это было в трудные октябрьские дни 1973 года. Делегация посетила лагерь палестинских беженцев в Египте, Сирии, Ливане и Иордании. Собранные делегацией факты способствовали росту международной солидарности с борьбой арабских народов. Поездка была последним вкладом Хертты Куусинен в борьбу за светлые идеалы Федерации.

В Варшаве произошла волнующая встреча представительниц демократических сил Португалии и делегатов Республики Гвинея-Бисау и островов Зеленого Мыса, Анголы и Мозамбика. Совет МДФЖ призвал правительство Португалии безотлагательно начать переговоры с правительством Республики Гвинея-Бисау, с Фронтом освобождения Мозамбика, с Народным движением за ос-

вобождение Анголы о предоставлении им полной независимости. Совет МДФЖ призвал женщин мира разоблачать политику военного вмешательства, угрозы ядерным оружием, активизировать борьбу за сохранение национального суверенитета и независимости, за подлинный и прочный мир.

Обсуждая перспективы дальнейшего развития международного демократического женского движения и планы Федерации, участницы сессии подчеркивали, что в ближайшие годы перед Федерацией и ее национальными организациями стоят особенно важные задачи. Как известно, ООН объявила 1975 год Международным годом женщины. Это решение, принятое по инициативе МДФЖ и поддержанное многими международными женскими организациями, свидетельствует о признании важнейшей роли женщины в современном мире. Вместе с тем это и свидетельство того, что во многих странах еще существует дискриминация женщин. Цель Международного года женщины — способствовать достижению равноправия женщин, вовлечению их в экономическое, социальное и культурное развитие своих стран, повышению роли женщин в укреплении мира.

В перспективном плане работы МДФЖ в связи с проведением Международного года женщины и предстоящим Всемирным конгрессом женщин содержатся рекомендации национальным организациям — широко использовать средства массовой информации в различных странах для популяризации вопросов, касающихся положения женщин, привлекая таким образом общественное мнение к этим проблемам и к необходимости улучшения условий жизни женщин. Предпринять шаги с целью оказать давление на правительства стран, не подписавших еще конвенций ООН в отношении женщин или не соблюдающих эти конвенции, для того, чтобы добиться претворения их в жизнь. В рамках подготовки к Всемирному конгрессу женщин шире пропагандировать успехи женщин социалистических стран. МДФЖ считает, что неграмотность, отсутствие возможностей получить профессиональное образование, безработица мешают женщине достичь равноправия. Необходимо добиваться создания социальных служб, чтобы женщины могли сочетать свои производственные и семейные обязанности.

Центральным событием Международного года женщины является Всемирный конгресс женщин. Он состоится в октябре 1975 года. Принято предложение Демократического союза женщин ГДР провести конгресс в Берлине, столице ГДР. Идея созыва конгресса принадлежит МДФЖ. Эта инициатива получила поддержку многих международных организаций, которые высказали желание готовить конгресс совместно с МДФЖ. Создана Рабочая группа в составе представителей Федерации, Международной лиги женщин за мир и свободу, Международной федерации женщин юридических профессий, Всеафриканской конференции женщин и Бюро связи Копенгагенской встречи женщин. Рабочей группе поручено предпринять шаги для формирования Международного подготовительного комитета.

На сессии Совета МДФЖ в члены Федерации были приняты еще семь организаций: Трудовой союз женщин Гамбии, Организация женщин Омана, Социально-культурное общество Кувейта, Женская организация по борьбе с неграмотностью (Иордания), Фронт женщин Народного единства (Чили), Всеобщий союз иракских женщин, Организация демократических женщин Никарагуа. Теперь МДФЖ объединяет 118 организаций из 101 страны. Таким образом сессия убедительно показала, насколько вырос авторитет МДФЖ, окрепли ее ряды.

В будущем, 1975 году Международной демократической федерации женщин исполнится 30 лет. Этому событию будет посвящено юбилейное заседание Федерации, которое состоится в Берлине, в октябре будущего года.

Людмила БАЛАХОВСКАЯ,
секретарь Комитета советских женщин

ОПЕРАТОР — ПРОФЕССИЯ ЖЕНСКАЯ

«Уважаемая «Работница»! Работаем мы на новороссийском заводе асбоцементных изделий «Коммунар» операторами на волнирующе-стопирующем агрегате. У всех у нас среднее, а у некоторых даже среднее специальное образование. Год назад мы все сдали еще один экзамен — по эксплуатации оборудования и технике безопасности. Работали вроде бы неплохо, во всяком случае, нас неоднократно премировали. И вдруг в 1974 году администрация завода надумала заменить женщин на посту операторов мужчинами. Говорят, мол, на других заводах операторы только мужчины.

Но как же так? Рядом с нашим новым цехом, где прекрасные автоматические линии, стоит старый цех, в котором шифер волнируют еще по старинке — вручную. Этот тяжелый труд выполняется исключительно женщинами, и тут их мужчинами никто заменять не собирается. А когда труд наконец облегчили, построили автоматические линии, то почему-то на четвертом году существования цеха вдруг решили, что оператор — профессия не женская.

Мы с этим не согласны. Если надо еще повысить квалификацию и сдать на высший, 5-й разряд, то, пожалуйста, пусть организуют курсы, и все будем учиться и сдавать новые экзамены. Но свою работу операторов не оставим.

Львова, Питряшева, Агаджанова, Воронина, Селезнева и др.»

Получив тревожный сигнал, редакция решила послать в Новороссийск своего корреспондента. Когда наш корреспондент П. ДЯТЛОВ приехал на завод, эпизод уже был почти исчерпан. Выяснилось, что женщины, громко заявившие (одновременно с письмом в редакцию) свое возмущение намечавшимися переменами, сумели отстоять свои права: они по-прежнему работают операторами.

Но у главного инженера завода Н. Н. Кравчука и начальника цеха № 2 В. И. Хомченко были свои резоны замены операторов-женщин мужчинами: линии, мол, капризные, требуют профилактики, ремонта, и только мужчины-операторы смогут одновременно с производством шифера выполнять эту работу. Однако после того, как женщины воспротивились переводу, выход на заводе нашли — поставили в каждую смену слесаря и наладчика, которые следят, чтоб линии функционировали нормально. У операторов же осталась их работа, причем достаточно ответственная и напряженная — управлять процессом волнировки шифера.

Но вот что сообщили нашему корреспонденту руководители новороссийского завода. Надумали они провести перестановку не просто так, а, оказывается, «опираясь на опыт Белгородского комбината асбоцементных изделий — предприятия в отрасли передового. Там-то женщин-операторов совсем нет. Операторы только мужчины, они же и ремонтники.

Мы попросили наших коллег-журналистов «Белгородской правды» проверить это утверждение. И выяснилось, что дело обстоит именно так. Все операторы на заводе — мужчины, исключение — одна Анна Дмитриевна Серых. Почему? Запрещают женщинам быть операторами? Нет, запрещать-то не запрещают, но, как видно, и не делают ничего, чтобы женщины могли овладеть профессией оператора. Наоборот, руководство завода считает, что так-то оно менее хлопотно. Мужчины-операторы, они же и линии ремонтируют.

Какова же точка зрения на эту проблему у главка асбоцементной промышленности Министерства промышленности строительных материалов СССР?

Вот что ответил нам заместитель начальника главка Ю. С. Гризан:

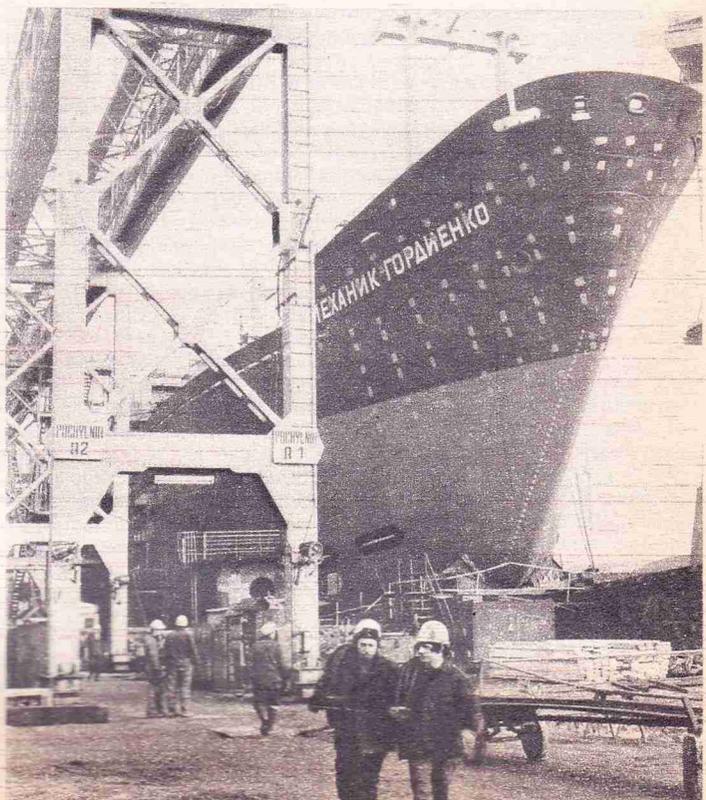
— Утверждение, что оператор должен быть одновременно и ремонтником и поэтом, дескать, на этой должности не могут использоваться женщины, в корне неверно. Работают же женщины шоферами, трактористами, операторами прокатных станов. Они управляют процессом, следят за соблюдением технологии. А наладчик ремонтирует машину или линию, содержит оборудование в рабочем состоянии. И в нашей отрасли промышленности женщины могут работать операторами.

Что ж, прекрасные слова. Надо только, чтоб они превратились в дела, чтоб на предприятиях строительных материалов женщинам были созданы условия для учебы и получения более квалифицированной работы. И чтоб никто не смел отстранять женщин под разными предлогами от автоматов и возвращать их назад, к ручному труду.

Завод измерительных приборов «Эра» в Варшаве. На заводе 90 процентов работающих — молодежь. В основном это девушки.

Вот оно, рождение судна для СССР на польской судовой верфи.

В столице Польши строится новый вокзал — Главный вокзал. Начальник этого большого, ответственного строительства — инженер Анна Млотковская.

ТРИДЦАТЬ СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ

Позади десятидневная поездка в народную Польшу, впереди — долгая память о встречах с ее городами, с ее людьми. Долгая, потому что прежде Польша учит помнить.

Наглядны уроки памяти. Первая, радостная прогулка по Варшаве. Замковая площадь. Посреди — застекленный макет старинного дворца и большая прозрачная копилка, почти полная денег. Здесь, кроме польских золотых, есть и чешские кроны, и венгерские форинты, и немецкие марки, и наши рубли... Гости Варшавы, как и ее хозяева, хотят, чтобы быстрее был восстановлен старый дворец, все остальное восстановлено. Возрождено буквально из пепла в трудные годы послевоенной разрухи: народная память, исторические ценности — прежде всего. Прежде достатка, прежде удобств. Память нужна грядущим поколениям, память нужна будущему.

Суровы уроки памяти. Подлинная память точна даже в трагических деталях. И потому ты переводишь взгляд с праздничной, яркой — такой молодой, такой живой — толпы на простую каменную плиту в уличной стене. «Здесь гитлеровцы расстреляли 30 человек». «Здесь расстреляны 16»... На одной из старых стен Варшавы обезумевший от горя художник нарисовал силуэты жены, детей, расстрелянных здесь фашистами. Мертвые и сегодня вызывают к человечеству, горестно и предсмертно вскинуты руки: «нет» — войне.

Уроки памяти — уроки бла-

годарности. В холодный и ветреный апрельский день мы побывали у памятника советским воинам, погибшим за освобождение Варшавы от фашистов. Мы не первыми принесли сюда цветы. И могилы советских воинов были ухожены так, как были бы они ухожены на родине. В Кракове памятник освободителям водружен рядом с древним и прекрасным Барбаканом, и любой житель Кракова в беседе с нами спешил напомнить: и старинная крепость Барбакан, и древний замок Вавель, и Суkenницы, и весь, весь Краков — все спасено от уничтожения благодаря советским разведчикам, благодаря советским воинам. (Помните телефильм «Майор Вихрь»? Он об этом.)

Крепка народная память... Польский народ, как человек сложной, трудной, многострадальной судьбой, не хочет и не может забыть о прошлом. Потому что народ выстоял, потому что он пришел к настоящему, потому что тем светлее сегодня.

И это сегодня началось тридцать лет назад, в тот июльский день, когда Польский комитет национального освобождения обратился с памятными словами Манифеста: «Пробил час освобождения!» Тридцатая годовщина рождения социалистического польского государства — Польской Народной Республики — всенародный юбилей, юбилей радостных итогов. Подводится светлая черта народной памяти.

Прошедшее тридцатилетие — важнейший этап в истории Польши: с июля 1944 года в стране начались социалистические преобразования. Поль-

ша, осуществляя программу Объединенной рабочей партии, вошла в содружество социалистических стран. Создалась та благоприятная для экономического и культурного развития обстановка, какой страна не знала за всю историю. «Счастливые тридцатилетие», — окрестили время, прошедшее от того июльского дня, трудящиеся Польши. «Годы без войн», «Годы без иноземной оккупации, годы мирных границ», «Годы без панов и капиталистов», «Годы интернациональной дружбы» — по-разному называли их наши польские собеседники, объясняя, почему государство смогло сделать огромный скачок от послевоенной разрухи, от культурной и экономической отсталости к сегодняшней Польше. А о сегодняшней республике, о ее успехах короче и убедительнее слов расскажут цифры.

С 1950 года национальный доход страны увеличился в 5 раз благодаря десятикратному росту промышленного производства и двукратному — сельскохозяйственного.

С 1950 года построено около 3,5 миллиона квартир.

Более 730 тысяч человек имеют диплом об окончании вуза, около 4 миллионов окончили средние общеобразовательные либо профессиональные школы. Почти 8 миллионов человек — четвертая часть населения страны — учатся.

Социалистический строй и труд народа обеспечили Польше достойное место среди стран мира. Польша занимает 5-е место в мире по добыче каменного угля, 9-е — по производству стали и 11-е — по вы-

работке электроэнергии, 12-е — по строительству морских судов.

Польша — важное звено в системе стран — членов СЭВ. За время существования Совета Экономической Взаимопомощи внешнеторговый оборот Польши со странами СЭВ вырос более чем в 7 раз.

Наша страна за этот период поставила Польше 57 миллионов тонн нефти и 38,5 миллиона тонн нефтепродуктов, 135 миллионов тонн железной руды, 9 миллионов тонн проката. С другой стороны, каждое четвертое судно, плавающее под флагом СССР, изготовлено в Польше. По советским железным дорогам курсируют 106 тысяч вагонов польского производства. В СССР действуют миллионы телефонных аппаратов, изготовленных в Польше.

...Позади десятидневная поездка по предпраздничной Польше. Краткий миг жизни страны... Но и этот миг был мигом роста, напряженного трудового усилия, динамического движения вперед. На варшавском «Мерамате» осваивали новые производственные мощности: детали для электронных машин нужны не только в Польше, но и в СССР, в других социалистических странах. В Гдыне на судовой верфи достраивали большегрузное судно «Маршал Буденный». На строительстве нового металлургического комбината «Катовице» при нас торжественно отметили закладку фундамента одной из двух гигантских доменных печей.

История шла новым чередом, шла навстречу тридцатилетнему юбилею...

И. ЯКОВЛЕВА

Наша информация

С помощью техники

Витебский комбинат строительных материалов — один из крупнейших в Белоруссии. Славится он не только разнообразием и высоким качеством продукции. Все больше и больше становится здесь участков, где труд механизирован.

— Раньше знаете, как приходилось обслуживать приемный бункер? — рассказывает работница Э. Баньковская. — Вагонетки с сырьем опрокидывали вручную. Глину иной раз проталкивали ломом. А теперь самосвал выгружает сырье сразу в бункер, а наша работа — включить рыхлительную машину и следить, чтобы оборудование работало нормально.

Труднее всего в цехах кирпичного производства было обжигальщицам. За смену требовалось подать и загрузочным люком не меньше 50 тонн топлива. Возле каждой печи работало пять-шесть человек. Сейчас осталась одна работница, которая открывает или закрывает вентиль на трубопроводе, подающем в печи обжига жидкое топливо.

Цех, где изготавливают дренажные трубы, построен всего два года назад. Производство вполне современное, только вот снимать с

транспортера дренажные трубы приходится вручную. Но скоро промах проектировщиков будет исправлен. На комбинате создан автомат, который заменит женские руки. Погрузочно-разгрузочные и вспомогательные работы тоже почти полностью механизированы, и в штатном расписании редко встретишь теперь должность — грузчик.

Б. СИНЕЛЬНИКОВ
г. Витебск.

На снимке: оператор Татьяна Шлынова.

САМЫЙ ЗВОНКИЙ ГОЛОС

Прислушивались ли вы и звучанию Государственного академического русского народного оркестра имени Н. Осипова? В веселой переливчатости инструментов вы непременно услышите звонкий голос, благодаря которому мелодия начинает искриться, переливаться колокольчиком, становится легкой и прозрачной. Это

«смеется» домрочна-пикколо под ловкими пальцами Г. Н. Гавриловой.

Глафира Николаевна Гаврилова пришла в оркестр в 1942 году. Тогда ей было 16 лет. Девушку прослушивал Николай Петрович Осипов, знаменитый виртуоз-балалаечник, руководивший в те годы коллективом. Он сразу заметил: исполнительница музыкальна, прекрасно владеет инструментом. И предложил ей... самый маленький инструмент, домру-пикколо. Настолько маленький, что пальцы на ладах не помещались.

За год Глафира Николаевна освоила свою домрочну, 30 лет играет она соло в оркестре.

Глафира Николаевна побывала вместе с оркестром имени Осипова во многих странах мира. О русских «чародеях»-исполнителях с восторгом писали зарубежные газеты, писали и о женщине, играющей на одном из самых маленьких русских инструментов — домре-пикколо.

В. ИОНЧЕНКОВ,
артист Государственного академического русского народного оркестра имени Н. Осипова.

ГОСТИ ИЗ СИРИИ

По приглашению Комитета советских женщин в нашей стране с двухнедельным визитом находилась делегация Всесирийской федерации арабских женщин. Эта организация создана по решению VI съезда Партии арабского социалистического возрождения и правительств в 1967 году. Она объединяет сегодня около 20 тысяч человек и входит во Всеарабскую федерацию женщин и в МДФЖ.

«Роль сирийских женщин в обществе», — подчеркнула на встрече в Комитете советских женщин председатель федерации Бушра Канафани, — будет расти вместе с построением социализма. Социализм и освобождение захваченных Израилем территорий — наша основная цель».

День Победы — 9 Мая гости провели в Минске. С большим интересом знакомились они с городом, восстановленным из руин, осматривали исторические места, связанные с героической борьбой советского народа против фашизма, встречались с женщинами — участницами боев за освобождение, побывали на камвольном комбинате.

Делегация посетила фабрику «Красный Октябрь» в Москве, школы и детские сады.

Рассказывая о положении женщин в Сирии, Бушра Канафани подчеркнула, что ее страна не может в должной

степени использовать свои материальные и людские ресурсы для развития экономики, она ведет борьбу против израильской агрессии. Государство вынуждено расходовать 73 процента своего бюджета на оборону. Однако в положении женщины есть хорошие перемены. Во всех учебных заведениях Сирии девушки и юноши обладают равными правами. В прошлом году 42—43 процента выпускников средних школ составили девушки. Федерация объединяет свои усилия с другими общественными организациями, помогая государству увеличивать число детских дошкольных учреждений. «Сирия покончила с феодализмом. Но надо еще ликвидировать в умах людей феодальные пережитки, посеять в них новые, социалистические идеи», — закончила Канафани.

Между Комитетом советских женщин и Всесирийской федерацией арабских женщин подписан протокол о сотрудничестве. Он предусматривает обмен делегациями, опытом работы и информацией; организацию выставок; обмен материалами к Международному году женщины и к Всемирному конгрессу женщин. Обе стороны выразили стремление бороться против империализма, неокOLONиализма и сионизма.

Е. КУЛАКОВСКАЯ

Фото В. ГРЕВЦОВА.

СЕМЬ ПРОФЕССИЙ НИНЫ

Нина Григорьевна Гладных — старшая аппаратчица Новомосковского ордена Трудового Красного Знамени химкомбината имени В. И. Ленина. Она владеет семью смежными профессиями. Это означает, что Нина Григорьевна может работать на любом рабочем

месте отделения редких газов. Аппаратчица ведет технологический режим на самых оптимальных параметрах и в результате добивается наибольшего съема продукции. За три прошедших года пятилетки смена, в которой она работает, увеличила выпуск продукции на столько, что комбинат получил больше 100 тысяч рублей прибыли. Не так давно Н. Г. Гладных предложила расширить сферу обслуживания агрегатов.

У нее много последователь. Есть среди них и родственники Н. Г. Гладных. Нина Григорьевна выросла в потомственной рабочей семье, где было одиннадцать детей. В настоящее время в разных цехах комбината работают шесть членов семьи Гладных.

А. ЛОГУНОВ,
В. РАСТОРГУЕВ

г. Новомосковск,
Тульской области.

Таллинцы снова впереди

Переходящий приз «Работницы» лучшей команде по женской гимнастике получил постоянную прописку в Таллине, на трикотажном объединении «Марат». Таллинские трикотажницы снова стали победительницами Всесоюзных соревнований, которые недавно закончились в Одессе. По спортивной традиции, приз, выигранный трижды, переходит в вечную собственность команды. Молочно-белая опаловая ваза займет почетное место рядом с другими спортивными трофеями «Марата». Кстати, там уже есть один кубок с надписью «Работница» — на самых первых соревнованиях, четыре года назад, памятный приз нашего журнала тоже завоевала таллинская команда.

Но если раньше преимущество эстонских гимнасток было очевидным, теперь появились у них достойные соперницы. Хорошо выступает команда из Иванова, занявшая второе место в соревнованиях. Третье место на этот раз досталось Кишиневскому институту искусств. На две десятых балла отстали от них краснодарские

медики. Надо сказать, что нигде не приобрела женская гимнастика столь массового размаха, как в Краснодарском крае. На последних соревнованиях выступали пять краснодарских команд, из них две сельские. Видимо, на следующих соревнованиях, через год, краснодарцы будут решительно претендовать на призовые места. Ведь именно массовость — основной показатель качества работы тренеров и организаторов женской гимнастики.

Всего за кубок «Работницы» сражались 15 команд. Среди них — команды волгоградского треста «Стальконструкция», часового завода из Ростова-на-Дону, Харьковского мыловаренного комбината, петрозаводского завода «Целлюлоз-маш» и другие. Впервые в соревнованиях участвовали москвичи — команда сотрудниц МГУ имени Ломоносова. Расширяется география женской гимнастики, растет число ее поклонниц, заметно повышается их мастерство.

Т. КОСТЫГОВА

г. Одесса.

На снимке: выступает команда краснодарских медиков.
Фото М. РЫБАКА.

Признание

О Марине Неёловой критики и журналисты заговорили как об актрисе глубокой и искренней после фильма «Монолог», где Неёлова сыграла трудную, хотя и небольшую по объему роль профессорской внучки Нины.

М. Неёлова и Ю. Будрайтис (кадры из фильма).

Так случилось, что начала Марина, выпускница Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (мастерская В. Меркурьева), с ролей принцесс — в фильме Н. Кошеверовой «Старая, старая сказка» и в другом фильме того же режиссера — «Тень».

Роль Нины в «Монологе» была, по существу, первой серьезной работой Неёловой в кино. И вот новая работа актрисы, с которой зрителям предстоит познакомиться, — главная роль в фильме известного антера, дебютирующего в режиссуре, Р. Нахапетова «С тобой и без тебя».

На этот раз перед нами женщина с сильным, волевым характером. Судьба даровала ей большую любовь. Но любимый оказался неспособным понять ее стремления и общественной жизни. Хозяин, озбоченный лишь собственным благополучием, он и от жены требует того же. И она уходит из дома. Жизнь, ограниченная рамками домашних забот, не в ее характере.

Не только зрелость актерскую демонстрирует в фильме Неёлова, но и человеческую и гражданскую.

Марина Неёлова получила за эту роль свой первый приз: диплом за лучшее исполнение женской роли на IV фестивале молодых кинематографистов киностудии «Мосфильм».

М. РОМАШКИНА

ЛУЧШИЙ МАСТЕР

Недавно за успешное выполнение социалистических обязательств мастеру херсонского ордена Ленина судостроительного завода В. А. Парфеновой присвоено звание «Лучший мастер».

Валентина Андреевна Парфенова — мастер малярного участка, который производит окраску корпуса и помещений судна. От качества работы маляров зависит внешний вид и сохранность корабля, а также уют в его

жилых и служебных помещениях. За прошлый год на участке, которым руководит В. А. Парфенова, получили профессию маляра пять учеников, а девять работниц повысили свой разряд. Здесь все дружат с новой техникой. Валентина Андреевна помогла малярам освоить аппараты для безвоздушного нанесения краски, и это позволило досрочно выполнить план 1973 года и добиться новых успехов в 1974 году.

А. КОВАЛЕНКО

г. Херсон.

И туя и бегония

Каких только растений не увидишь в павильоне цветочества ВДНХ! И туя, и бегония, и кротон, и роскошный папоротник... Первое место на общесоюзной выставке «Растения в быту» заняла секция комнатных растений Московского городского общества охраны природы. Одной из самых активных участниц экспозиции была Лидия Владимировна Руденко. Страстный любитель природы, она почти все свободное время отдает разведению комнатных растений и еще лекциям, консультациям, организации выставок, практической помощи всем, кто любит природу. Она организовала в

Коломне при школе № 7 кружок юннатов и постоянно помогает ребятам и советом и делом. А двор дома, где она живет, по Берсеневской набережной превращен в настоящий парк. Члены секции ведут большую работу в эжеках, занимаются озеленением школ, больниц, детских садов. Это не мешает им успешно трудиться на своей основной работе. Лидия Владимировна, например, — в музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова, где она преподает по классу фортепиано.

А. ЧЕРНЫШЕВА

Фото Г. ВЫГАЛОВА.

Салон рабочей одежды

Салон рабочей одежды открылся недавно на казанском заводе имени В. В. Куйбышева. Завод этот химический, здесь делают кино- и фотопленку, и, конечно, для работниц такого предприятия очень важно, чтобы специальная одежда, как и другие средства индивидуальной защиты, была подобрана тщательно.

В просторном салоне «Спецодежда» расположена выставка образцов рабочей одежды и обуви. Каждый может выбрать то, что ему необходимо. В зале, где выдают спецovní, вся одежда — куртки, комбинезоны, халаты — развешана, как в магазине, на вешалках. Женские и мужские вещи отдельно, указан размер и рост. Здесь же кабинки, где все можно примерить перед зеркалом. Если требуется подкоротить рукава, сузить брюки, переставить пугови-

цы, — это делают тотчас же: в салоне есть швей и необходимое оборудование.

Так же тщательно подбирается рабочая обувь и все виды защитных средств: перчатки, респираторы и т. п. Данные о спецодежде, которую выбрала работница — размер, рост, — занесаются на специальную карточку. Они будут учтены при составлении заявки на нужную заводу спецодежду в следующем году.

Создан салон «Спецодежда» заводскими силами. Проект его подготовило заводское конструкторское бюро. Реконструкцию и отделку помещения вели заводские строители.

— Удобная спецовка помогает лучше работать! — говорят рабочие завода.

Ю. ГРЕЧАНИК

г. Казань.

П Е С Н Я

«Генералу-от-инфантерии Бодару. Рапорт. Доношу о подробностях совершения казни над 19 матросами.

В четверг 21 сентября около 3 часов дня я был вызван исполняющим должность коменданта генерал-лейтенантом Адлербергом, от которого получил приказание привести в исполнение приговор над 19 осужденными матросами.

Во исполнение сего к двум с половиной часам ночи отряд под моим началом сосредоточился на Петербургской пристани...

Осужденные отправлены были на форт № 6 заблаговременно под конвоем роты лейб-гвардии Егерского полка...

Отряд посажен был на пароходы «Минер», «Артиллерист» и «Пушкарь». Отвалили в 3 часа и пошли за портовым парходом, указывающим путь между заграждениями.

Вследствие темноты, сильного ветра и крутой волны отряд подошел к форту в 4½ часа и нашел там пароход «Ижору», на котором прибыл священник. Было совершенно темно. В ожидании рассвета отряд составил ружья, и люди по очереди находились в казармах. В 5 часов я предложил священнику напутствовать осужденных. В это время на месте казни (батальонный дворик) между столбами натянули канат на высоте пояса и приготовлено было 19 веревок для привязывания ими осужденных. Затем, отсчитав 20 шагов, я расположил отряд шпалерами от каземата до места казни. Зарядили ружья. В 6 часов священник вышел из каземата и доложил мне, что семь осужденных отказались от напутствия и святого причастия. Вслед за тем я приказал вывести осужденных. Как только они вышли, то некоторые из них, махая шапками, обратились было к войскам с какими-то словами, но речь их была заглушена дробью всех наличных барабанщиков, заблаговременно сосредоточенных мною у выхода из каземата... Перед чтением приговора осужденные запели какие-то революционные песни, но я сказал, что если пение не прекратится, то прикажу одеть немедленно на головы мешки, и пение прекратилось. Затем священник с крестом обошел осужденных, и те же семь человек к кресту не приложились.

Прочитали приговор, и я приказал лейтенанту приступить к исполнению. После первого залпа (6 ч. 30 м.) все осужденные упали, но шевелились и раздавались крики и стоны, вследствие чего я приказал повторить залп. Затем из фронта матросов были вызваны унтер-офицеры, которые вместе с лейтенантом и доктором обошли казенных и пристрелили подававших еще признаки жизни. После этого принесены были мешки и рабочие уложили в них казенных; в каждый мешок положены были камни весом около 1½ пуда. Затем тела снесены были на пароход и под конвоем полуроты Енисейского полка отправлены для потопления в море за Толбухин маяк. Отряд вновь сел на пароход и около 8 часов прибыл в Кронштадт».

Людвинская отложила листовку и вытерла со лба холодный пот. Слезы застилали глаза. Картина казни была так ужасна, что она

Писательница Вера Морозова закончила новую книгу — «Пятое окно от угла». Как и предыдущие, она посвящена русской революции.

Книга рассказывает о судьбе Татьяны Федоровны Людвинской, коммунистки с 1903 года. Это повесть о том, как работница становится профессиональной революционеркой, корреспондентом ленинской «Искры». Аресты. Тюрмы. Эмиграция. Активное участие в Октябрьской революции.

Мы публикуем отрывок из книги.

с трудом подавила рыдания. Вспомнилась Одесса, восставшие потемкинцы и зверская расправа над ними.

Она перевернула листовку. На оборотной стороне ее оказалась приписка:

«Это только рапорт, а в действительности все было во сто раз страшнее: палачи не поставили столбов, у которых обычно производилась казнь, а всех осужденных связали канатом, как бы нанизав на него матросов. После первого зала началось неслыханное даже для нашего варварского государства. Одни были убиты, другие ранены, а самые несчастные — невредимы. Вот как рассказывает солдат, из тех, которых пригнали для острастки смотреть на казнь невинных: «Те, которых не коснулись пули, рвались в стороны, но тчетно, так как были крепко привязаны... Стрелкам было выдано только по два патрона. Офицер, командовавший ротой, приказал выпустить по второй, последней пуле. Но стрелки, растерявшись, целились плохо, стреляли наугад. Когда, казалось, все было кончено, замерли стоны и крики,— привстала окровавленная фигура и слабым голосом говорит: «Братцы! Да как же я-то... Я ведь жив!»

Так закончилась казнь над матросами, нашими братьями, теми, кто участвовал в кронштадтском восстании в году 1906-м. Вечная им слава и вечная им память!»

Рапорт полковника, вершителя страшной казни, ходил по камерам Литовского замка. Он оказался здесь не случайно: в тюрьму его принесли матросы, осужденные по кронштадтскому восстанию.

Людвинская тоже в это время находилась в заключении в Литовском замке. Потрясенная, она машинально разглагольствовала листок, когда незаметно вошедший надзиратель выхватил его из ее рук. Он поднес листовку к близоруким глазам, ошалело отшатнулся и бабьим голосом выкрикнул:

— В карцер! В карцер!..

Золотая пора осени. 1908 год. На тюремном дворике шуршала поредевшей листвой березка. Единственная. Сиротливая.

Пятый день отбывала Людвинская заключение в карцере. Полутемно и сыро. Она с трудом дотянулась руками до тюремной решетки, липкой и ржавой от осеннего не-

настья. Вдохнула полной грудью и улыбнулась березке.

Косой луч осеннего солнца заглянул в тюремный дворик, напоминая о безвозвратно ушедшем лете. Все вокруг было наполнено покоем и тишиной, такой обманчивой здесь, в заточении.

Сегодня Людвинская чувствовала себя лучше. Поутих изнуряющий кашель. Она меньше задыхалась, хотя и понимала — начался туберкулез, спутник российских тюрем.

В карцере вместе с ней оказалась молодая женщина. Людвинская благодарила судьбу, что она послала ей такое соседство. Вдвоем и поговорить можно и ночами, прижавшись друг к другу, хоть немного согреться. Женщина оказалась милой и доброй, с детскими ямочками на щеках. Она, как выяснилось, отбывала наказание за участие в кронштадтском восстании.

— Так что же произошло в Кронштадте? — спросила Людвинская, отходя от окна и присаживаясь на бушлат.

Бушлат они расстелили на полу, чтобы хоть как-то защититься от холода и затхло-сти каменного, как в склепе, пола. По стенам камеры расплзался лишайник. Потолок низкий, давящий.

Но Екатерина Ивановна, так звали соседку по карцеру, бодрилась, делая вид, что ничего этого не замечает. Она понимала, как тяжело больна Людвинская. Отвлекая ее от печальных мыслей, женщина в то же время опасалась оскорбить ее неуместной жалостью.

— В Кронштадте?! Страшные вещи... В серых глазах Екатерины Ивановны мелькнула боль. — Видели бы вы, как обращались с матросами: зуботычины, побои, полупьяные офицеры... А муштра! Страшно вспомнить, как гоняли матросов в крепости на плацу! Прошел мимо офицера — как идешь, балбес! Оплеуха. Публичные оскорбления, гауптвахта. Флот превратился в факел, готовый вспыхнуть каждую минуту.

Екатерина Ивановна накинута на плечи Людвинской платок. Шерстяной, материнский. День клонился к вечеру, и Людвинская ждала озноба. Щеки ее побледнели, губы посинели, и плечи под платком как-то обострились.

— Вас послала партия на флот? — уточнила Людвинская, органически не принимавшая приблизительности.

— Да, целую группу. Кстати, с нами была и Людмила Сталь. Та самая, из Петербургского комитета. Вскоре появились прокламации и листовки. Царизм сам помогал возбуждать у матросов недовольство: то сапоги гнилые, то капуста тухлая. А главное — муштра, муштра, муштра. От скуки и пьянства начальство изощралялось как могло, чтобы растоптать достоинство и унижить человека. Жены офицеров не жили в морских ваннах, воду для которых из моря ведрами носили матросы! Разве не унижение? Но дух революционного пятого года был жив. Это мы чувствовали, беседа с матросами. Слово «товарищ» вошло в обиход.

— В июле восстали матросы в Свеаборге, а потом и в Кронштадте, — помолчав, снова заговорила Екатерина Ивановна. — В департамент полиции полетели испуганные депеши: «Положение в городе критическое! Крепостная артиллерия в руках восставших! Рабочие объединяются в Красную гвардию!» Вся система сыска пришла в движение. Провокаторы... Налеты на собрания... Аресты неблагонадежных.

— И сколько же пошло под трибунал?!

— Судили более трех тысяч. Представляете размах? Судили пристрастно. На коменданта Кронштадтской крепости, проз-

ванного генерал-палачом Адлербергом, — глаза Екатерины Ивановны сверкнули гневом, — стали готовить покушение. Караульный солдат должен был передать бомбу подсудимому, с тем, чтобы тот во время заседания бросил ее в генерала-палача. Но кто-то, видимо, предал, и человека с бомбой схватили на вокзале.

— Значит, опять пули и пеньковая веревка, — заключила Людвинская.

От волнения у нее начался приступ кашля. Подобно эху, он гудел в стенах каземата. Лицо покрылось неестественным румянцем, на лбу проступил холодный пот.

Екатерина Ивановна вскочила и подала соседке кружку с водой. Людвинская с трудом поднялась, прислонилась к влажной стене. Она тяжело дышала, стараясь унять бешеное сердцебиение. Уф, кажется, пронесло... Обессиленная, она опустилась на бушлат и благодарно улыбнулась. Екатерина Ивановна поняла, что Людвинская просит ее продолжать рассказ.

— Меня тоже схватили, судили, и вот без малого два года мыкаюсь по тюрьмам. Но теперь уж, кажется, скоро на поселение.

— Поселение... Куда?!

— Разумеется, в Сибирь — это известное курортное место для политических. — Екатерина Ивановна оживилась, и опять на круглом лице ее появились ямочки. — Кстати, Танюша, вы заметили, как притихло наше начальство с появлением матросов из Кронштадта? Боятся, негодяи.

Действительно, тюремное начальство притихло. Военные моряки держались дружно. На надзирателей покрикивали, да и перед начальством шапок не ломали. К тому же наводнили Литовский замок прокламациями. По вечерам из их камер доносились революционные песни. И администрация, избегая стычек с матросами, даже не требовала прекратить пение — дело, неслыханное в тюрьме!

Комендант Литовского замка посидел от забот и не мог дожидаться, когда же наконец этих заводил отправят на каторгу.

— Танюша, запели... Опять запели... — с восторгом проговорила Екатерина Ивановна.

Людвинская прислушалась. Песня лилась откуда-то сверху. Приглушенная толстыми стенами, но глубокая, как река в половодье.

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались,
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.

Там в мешках лежат зашиты
Трупы юных моряков,
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удалцов.

Хор голосов замер, а через секунду высоко взметнулся голос одного певца, исполненный такой горечи и страдания, что у женщины перехватило дыхание. Неслышными шагами они подошли к окну, боясь спугнуть песню.

Море видело, косою
Шли спокойно моряки,
С песней звучной боевою.
Вкруг солдатские тычки

Невидимый певец умолк. Мелодию тихо и печально подхватил хор. Подхватил и понес к небу, к последнему лучу заходящего солнца. К поющим присоединялись все новые и новые голоса. Пели женщины на втором этаже. Пела, едва справляясь с душившим кашлем, Людвинская. Пела вся тюрьма.

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались,
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.

Глаза моих детей

Не уверен, что вы напечатаете мое письмо, ведь ваш журнал женский. Но пишу-то, кажется, больше для самого себя. Сижу в номере гостиницы (приехал в командировку), смотрю в окно, вижу кафе, с которого все и началось...

Но сначала нужно представиться. Мне 35 лет, инженер, женат, двое детей: мальчик десяти лет и девочка — шести.

Женился я на студентке, которая была моложе меня на два года и на два курса. Женился по любви. Впрочем, иначе вряд ли женятся, только иногда принимают за любовь нечто, что быстро проходит и не оставляет следа. У нас не так. С обеих сторон было настоящее.

Жизнь была всякой. Случались недели и даже месяцы, когда мы никак не укладывались в наши стипендии, и приходилось где-нибудь вкалывать. Мы с женой с самого начала решили быть экономически независимыми. У нее мать и отчим, у которых еще двое детей. А у меня одна мать, которая рада была отдать нам все, но «всего» было не так уж много, и брать у нее мы себе не позволяли.

Однако в семейной жизни материальная сторона хотя и важна, но не самая важная. Когда между мужем и женой постоянные неурядицы из-за того, что кто-то мало зарабатывает, а кто-то не умеет экономить, я уверен, что в глубине таятся гораздо более важные причины.

У нас с женой был, что называется, счастливый брак. Главное, мы понимали друг друга, а к слабостям были более или менее терпимы. Разумеется, бывали и срывы, но она (как правило она, а не я!) умела потушить конфликт вовремя. А потом — рядом были дети. В одной комнате с детьми не очень-то поссориться. Они так пугаются громких и сердитых голосов, что поневоле переходить на другие ноты, а попробуй ссориться ласковым голосом...

Год за годом прошли одиннадцать лет. И тут случилась встреча, из-за которой все полетело вверх тормашками. Это произошло в командировке в том городе, откуда сейчас пишу. Поначалу эта девушка поразила меня своей инженерной эрудицией. Мы сцелились с ней на совещании, она чуть не по-

ложила меня на обе лопатки, нас едва разняли. А вечером мы с ней случайно оказались за одним столиком в кафе. Сначала старались не смотреть друг на друга, а потом встретились глазами и расохотались. Так началось наше знакомство.

Когда я приехал домой, все вдруг показалось мне каким-то унылым и серым. Обычно по случаю моего возвращения всегда устраивался маленький праздник. На этот раз все было, как всегда. Но я был уже другой. Жена даже решила, что я заболел.

Что тут рассказывать! Чем дальше, тем больше я отходил от жены, от семьи. И настала минута, когда дальше тянуть нельзя было. Надо было решать...

И вот тут я хочу сказать то главное, из-за чего начал писать. По-моему, то, что называется семейным счастьем, всегда результат усилий людей. Так не бывает или почти не бывает, чтобы оно свалилось на людей просто так, за здорово живешь. Я понял, что в нашей семье то, что я считал само собой разумеющимся, до сих пор шло не от меня, а от жены, от ее такта, терпения, доброты и веселого нрава. И только теперь настал час, когда будущее семьи зависело от меня.

Я остался. Мне могут сказать: значит, не так уж сильна была твоя новая любовь, если ты мог от нее отказаться. Не хочу распространяться на эту тему, скажу только: решило другое. Детские глаза. Конечно, ни я, ни жена детям ничего не сообщали и оба старались держаться так, словно у нас все по-прежнему. Но каким-то чутьем, нюхом каким-то они почуяли неблагополучие. Они ни о чем не спрашивали, только смотрели. И вот эти испуганные, тревожные, страдающие глаза решили все. Это уже потом я понял, как неразрывно, как прочно все, что нас связывает с женой. А тогда только это — глаза моих детей.

Для кого я все это пишу? Может быть, для такого же, как я, который случайно в гостинице наткнется на номер женского журнала и задумается о себе, о тех, кого он оставил дома, — что они для него, что он для них?..

К. Н.

Башкирия.

Сегодня мы печатаем письма отцов. Их немало в большой почте конкурса. Мы рады, что в наш журнал пишут и мужчины. Впрочем, иначе и быть не может: воспитание детей — такое же мужское дело, как и женское.

«Трудная штука быть отцом», — написал нам один из наших корреспондентов. Еще бы не трудная! Воспитать, вырастить человека — есть ли в мире что-нибудь трудней? Для гораздо менее сложных дел люди по многу лет учатся в институтах, штудируют тысячи страниц, сдают экзамены, пишут диссертации. А тут родился у тебя ребенок и тем самым уже присвоил тебе высочайшее в мире звание — отец. И ты, хочешь не хочешь, умеешь не умеешь, обязан им стать. То есть обязан учить и воспитывать, кормить и поить, обувать и одевать, обязан быть мужественным и веселым, спокойным и мудрым.

Правда, не всякого отца назовешь отцом, даже если у него в паспорте записаны дети, которые носят его фамилию. Но те, кто пишет нам сегодня, — отцы. Не потому что они уже всего достигли в трудном отцовском деле — этого, наверно, не решится сказать о себе ни один человек. Но они думают, мучаются, радуются, преодолевают себя, чтобы прекраснейшая пора человеческой жизни — детство — дала их детям все, что может и должна дать в дальнюю дорогу.

Вопрос жизни

Вот обсуждают люди в журнале семейные дела. И я решил вмешаться в этот разговор.

Я своего родного отца не знаю. У меня был отчим. Пил он, как говорится, безбожно, от чего и умер. В восемнадцать я попал в заключение. Не буду рассказывать, за что. Это слишком долго и не так интересно. Отбыл я там шесть лет и вот сейчас уже два года как дома. Дома!!!

Женился я на своей сверстнице. Она уже раньше была замужем, и от первого мужа у нее дочка пяти лет. Так что меня вроде тоже можно назвать отчимом. Но я этого слова для себя не признаю. Я от души люблю дочку и, честное

слово, не могу обидеть ничем. Ну, бывает, другой раз прикрикнешь на нее, так ведь и с родными отцами случается. А теперь я уже отец двух детей. У меня родился сын. Жена в настоящее время в родильном доме.

Живем неплохо, даже замечательно. В отдельной двухкомнатной квартире. Все есть, что требуется. Вот даже мотоллер себе купил. Как будто хорошо, да? А душа бунтует. Спросите, почему? С тещей никак не можем контактировать, вот почему. Скажете, пустяк? Нет, не пустяк, а вопрос жизни. Теща нашу дочь сильно разбаловала, а главное, иной раз при ней такое скажет, что взрослый дядя и то уши

Какими они вырастут?

О Т Ц О В

заткнет. Девочка же за ней повторяет. А я, хотя за свою жизнь много чего наслышался, этого слышать не могу и не желаю. Мне бы теще сказать, что следует, да боюсь жену обидеть. Это мне она теща, а жене мать родная. И еще вот чего боюсь: я ей выскажусь, она, ясное дело, в долгу не останется, и тут я такого наскожу, что после уже не поправишь. Это уж точно.

Пока я держусь. Теща в глаза мне тоже ничего поперек не говорит. За глаза-то, я знаю, я у нее и «тюремщик» и все прочее. Ну я покуда своими ушами не слышал, терплю. Но боюсь, как бы мне в конце концов не взорваться. За дальнейшую нашу семейную жизнь боюсь, за жену, чтобы не порвалось у нас с ней, за дочку, чтобы не потерять ее. Я жену люблю. Не любил, так не женился бы. Вполне мог бы найти себе девушку без ребенка. Вы не думайте, что я об этом жалею. Я же их люблю — и

жену и дочку, а теперь вот и сын у меня!

Но как жизнь пойдет дальше, честно говорю, не знаю. С первым зятем у тещи моей полный разлад был. Она их и развела, говорят. Ну тут судить ее не хочу — он пил. Я почему знаю: дочка боится пьяных до ужаса. По первости, когда в праздник у нас собирались гости, она все меня спрашивала: «Папа, а ты пьяный не будешь?» Сейчас уже точно знает, что не пью. Если кто спросит: «У тебя папка пьет?» Она говорит: «Нет, он только пиво немножко любит».

Вот и не знаю, как оно дальше будет. Теща, как старшая, должна бы разумной быть, стараться, чтобы в семье был мир и согласие. А когда она этого не понимает, тут все может случиться.

Фамилию прошу не ставить. Здесь никто не знает, что дочка мне не родная, и пусть не знают.

М. Т.

О самом дорогом

Признаюсь, никогда так не робел перед бумагой, как в этот раз. Потому что собираюсь написать о самом дорогом.

...Старший сын Яша, собираясь в музыкальную школу, говорит: «Папа, сегодня очень морозно. Может, я не пойду?» И смотрит-смотрит на меня своими глазами-смородинами. И я говорю: «Да, сегодня холодновато и с Ловати тянет. Но иди, сынок, надо». Он бе-

рет маленький стульчик, садится и начинает совать ноги в валенки. Я смотрю на него сзади: на макушке топорщится вихор, сам тоненький, как комарик, и такой худенький, что даже через свитер лопатки торчат. Мне хочется подойти к нему, прижать к себе и сказать: «Да бог с ней, с музыкой, оставайся». Но я молчу. А он встает, улыбается мне тихо, и нет обиды в его глазах: он

уже знает, что значит «надо».

Я работаю машинистом на магистральных линиях страны. В рейсы вызывают по телефону. В субботний, воскресный вечер, в праздничные дни, а тем более под Новый год очень хочется побыть за праздничным столом, со всей семьей. Но — звонок телефона, и надо отправляться в путь.

Может быть, именно это надо, которому подчиняемся мы с женой, и передается детям? Да и бабушка наша, Мария Филатовна, не словами — всей своей жизнью учит детей тому же. Живет она на Урале и приезжает к нам на учебный год.

Яша — наш старший, кроме него, у нас еще двое детей — Галя и Андрей, близнецы. Все дети разные, и подхода каждый требует к себе особого. У Яши большие музыкальные способности. В прошлом году он закончил детскую музыкальную школу. Ну, думаем, раз у нас Яша такой, надо и остальных приобщать к музыке. Записали в музыкальную школу Галю. Прошел год, она плачет: «Мама, мне трудно на скрипке». Можно было прикрикнуть на нее и заставить продолжать учение: у родителей ведь неограниченная власть над детьми. Но прежде чем употребить эту власть, надо основательно подумать. Мы предложили дочке перейти на фортепиано. Согласилась. Учитя посредственно, но охотно. Да мы ведь и не собираемся из нее музыкантшу делать. Пусть понимает, любит музыку, от этого ее жизнь будет содержательней и богаче.

А Андрей сам выбрал себе инструмент. Зашел как-то за сестренкой в школу и заслушался, как поет скрипка. Сам попросил преподавателя, чтобы принял его в свой класс. Теперь иногда соберутся сыновья и дуэтом исполняют музыкальные пьесы. Дочке за ними не угнаться. Ну что ж, каждому свое.

Мое глубокое убеждение, что родители должны не только учить детей, но и учиться у них. Дети, иногда и сами о том не думая, могут многое подсказать отцу и матери. Не надо считать, что мы во всем превосходим наших детей по той единственной причине, что мы старше и опытни их.

Иной раз от души удивляешься прекрасным качествам детей, которых у себя самого не находишь. Про своего пятнадцатилетнего сына Яшу я могу сказать, что не только люблю его — иначе и быть не может! — но очень уважаю. В летние каникулы он часто засиживался за письменным столом, что-то писал. Я заинтересовался. Оказывается, сын переписывал в тетрадь задачи из учебника по теоретической механике, который предназначен для студентов. Признаться, я удивился, ведь он только-только перешел в девятый класс. Мне было жалко прекрасных летних часов, которые он проводит, согнувшись над столом, но я не решился помешать ему...

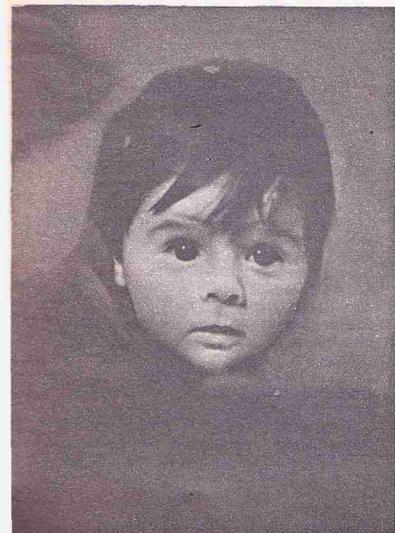
Нелегко достаются нам дети. Помню тревожные для нас с женой дни, первые дни жизни наших близнецов, сколько страхов, и волнений, и бессонных ночей. Помню дни Яшиной болезни, когда ему вдруг понадобилась кровь для переливания. Так случилось, что мне пришлось отдать свою кровь не в течение десяти дней, как положено, а за три дня. Ехал я обратно из больницы и вдруг подкосились ноги, упал... Ну да всего не перескажешь.

Есть зато у родителей великая награда — ответная любовь детей. И те, кому удалось создать с детьми отношения уважения и доверия, те до глубокой старости смотрят на мир молодо и удивленно.

В. Я. ИПАТОВ

г. Великие Луки.

Фото наших читателей А. Колосова (г. Рязань), А. Лашкова (г. Новосибирск), М. Маскина (г. Горький), И. Юхневича (г. Улан-Удэ).

«Ч У Ж И Х НЕ ПУСКАТЬ!»

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Пятиэтажный дом, в котором живут Коробовы, стоит на самом краю рабочего поселка. Дальше — лес, прямо у подъезда начинаются ряды сосен и елей. Ирина Сергеевна так радовалась, что поселились они именно в этом доме, около леса.

Теперь она гуляет в своем лесу каждый день. Вот только уходить далеко от дома не может: боится, подведет сердце, не даст сил на обратную дорогу. Несколько шагов в глубь леса — и назад. Но и этого хватит, чтоб наткнуться на несколько голых пней, не успевших еще посереть под летними дождями и потому кричащих, что и они были совсем недавно молодыми, сильными деревьями! Ирина Сергеевна не может спокойно смотреть на них: они всегда возвращают ее в тот день, который так хочется забыть.

Рассказывая мне о нем, Ирина Сергеевна вспоминает все подробности, даже маленькие, незначительные и вроде бы не имеющие никакого отношения к главному. Нет, не из словоохотливости. Видно, подсознание все связало крепко в один узел. Я потом поняла почему.

...Утром она встала, чтобы проводить мужа на завод. Ей не всегда удавалось это, не всегда находились силы. И Коля обычно сам готовил завтрак, помогал сыну собраться в школу. В тот день, проснувшись, она вдруг почувствовала, что наступил какой-то перелом, и поверила, что не будет больше постоянного угнетающего бессилия. Вспомнила, что завтра тридцать первое. Новый год! У Петьки каникулы, надо устроить ему праздник.

— Ты только не очень возись, — сказал уходя Николай Николаевич. — Вернусь — все сделаем вместе.

А ей хотелось, чтобы муж вечером отдохнул. Она готовила обед, с Петьиной помощью прибрала в квартире.

Потом неожиданно пришли гости — Лидия Ивановна и Саша, медсестра и нянечка из заводского медпункта, где Ирина Сергеевна работала несколько лет, пока не обострилась ревматическая болезнь и доктора не вынесли приговор: инвалидность.

— С Новым годом тебя! Держи подарки! Это от нас, это от крановщиц из второго цеха, сами все собираются забежать, это от профкома...

— Деньги? Зачем же? Я же не работаю...

— Помогают, значит, все законно. Примерь-ка лучше. — Саша развернула толстые шерстяные носки. — Сегодня довязала. Колечки и при твоём ревматизме самые полезные. А ты знаешь, кто бы ни зашел, все спрашивают, как ваша сестричка Ира. Пусть, говорят, возвращается к нам, когда поправится.

Впервые за долгие месяцы тоски по работе, по людям затеплилась надежда: может, и в самом деле удастся вернуться?

Вечером, когда она покормила мужа и сына ужином, раздался звонок, и радостный Петька — «Снова гости!» — распахнул дверь. На площадке лежала большая елка, рядом пила. Двое мужчин держали под руки парня, который вырывался и нудил: «Пустите, пустите!» Ирине бросилась в глаза окровавленная рука одного из них. Уже после она узнала, что он Ильин, мастер с Колиного завода, поранился, отнимая у парня пилу. А тогда было не до расспросов.

— Ух, как хорошо, что здесь ты живешь, Коробов! — Это Ильин сказал, увидев Николая Николаевича. — В милицию надо позвонить. Елки рубят! Этого вот схватили, а там их целая орава. Бегут за нами. Телефон здесь у кого-нибудь есть?

Коробов кинулся на третий этаж, где жил Анатолий Федорович Степняк, владелец единственного на весь подъезд телефона, но телефон не работал. Коробов еще не успел уйти, как снизу послышался топот, возня. Все «лесорубы» ворвались в подъезд. По лестнице бежали Ильин и Серов. Николай Николаевич впустил их в степняковскую квартиру и захлопнул дверь. Снизу донеслись угрозы: «Попробуйте только высунуться, легавые добровольцы!»

Из окна было видно, как двое быстро поволокли куда-то елку-улику. Остальные толпились у подъезда. Взрослые парни и с ними подростки. Тот, задержанный, стоял теперь в центре, как главный герой. Кто-то мог из компании остаться на лестнице, караулить Ильина с Серовым. Если выйти сейчас — неминуемая драка. Трое против оравы. Что они сделают?

У Степняка дома были только дети — двенадцатилетний Вовка нянчился со своей маленькой сестрой. Решили подождать самого хозяина. Тогда их будет четверо, тогда можно что-то придумать.

И вдруг Коробова словно пронзило: «Ире там, наверное, плохо из-за всех передраг. Хулиганье прямо под нашими окнами». И он побежал вниз. А как раз в этот момент вернулась домой Нина Петровна Степняк.

Поток крика и ругани, который обрушился на Вовку за то, что впустил в дом чужих, на Ильина с Серовым — за то, что «хватило наглости» войти в чужой дом, ни на секунду не могли приостановить ни Вовкины объяснения, что люди они не чужие, что их привел дядя Коля, ни объяснения Ильина, что не было у них выбора, что детям ничего не угрожало, что он знаком с ее мужем, что они все с одного завода, с того, где работает и она. Нина выставила чужих за дверь, ворва-

лась вслед за ними к Коробовым и выпустила целую обойму оскорблений...

Вероятно, все это слышали парни под окнами и поняли, что те, кого они ждут, здесь, в квартире на первом этаже. Требуя Ильина с Серовым, хулиганы дико барабанили палками по оконным переплетам. Заплакал перепуганный Петька, и Ильин метнулся к двери: «Надо выйти: женщина здесь, мальчонка!» Но его опередила Ира: «Не пушу! У них топоры!» Откуда только взялись тогда у нее силы? «Не выходите из прихожей! Не подходите к окнам, не распалайте их!» А сама металась от окна к окну: «Прекратите, ребята, прекратите!» Несколько парней влезли на подоконник, пытались открыть форточки. Вот-вот посыплются стекла!

Одно из окон квартиры выходило на другую сторону дома. Там никого не было. Из этого окна и выпрыгнул Серов.

...Задержать хулиганов не удалось. Они издали увидели милишескую машину и успели разбежаться. Усталый участковый спрашивал, сколько их было, какие они.

— Вы сегодня дежурите? — спросил он у Ильина, зная, что тот дружинник.

— Дежурил вчера, сегодня просто вышел погулять...

* * *

Утром прибежала Нина Степняк. Демонстративно сунула в руки Коробовой ситечко, которое та одолжила ей когда-то по соседски: «Твоего мне не надо! Инвалидка! Пахать можешь, а на пенсии сидишь!»

Сколько же нужно жестокости, чтобы вот так точно выбрать для удара самое больное место!

Теперь-то Ирина Сергеевна понимает всю неадекватность своего поступка. Это, наверное, выглядело смешно и жалко. Но тогда она, дрожа от обиды, поднялась к Степнякам и сказала открывшему ей дверь Анатолию Федоровичу:

— Ваша жена должна извиниться.

Да, верим мы иногда, что простое «извини» сыграет роль пробуждения при дурном сне: все, что видел, все, оказывается, неправда.

Лицом к лицу с природой

Птичьи разговоры

Давайте прислушаемся, о чем поют-говорят наши пернатые друзья. Пронзительный вскрик сороки, завидевшей человека, взволнованное «пинь, пинь, тер-ре» большой синицы или гнусавое «гее, гее...» ее родственницы гаички легко расшифровать как сигнал тревоги. Оживленное «пиньканье» птицы, нашедшей россыпь елового семени под нузницей дятла либо кучку лиц соснового шелкопряда, служит для всего синичьего племени приглашением к обеду. А негромкое «снить, снить», издаваемое членами стайки в полете, заменяет птицам ауканье.

В разное время года птичий пересвист говорит о разном. В глухую морозную пору лесным жителям не до песен. Их

— Да что ты, разве жена могла так сказать? — Степняк был благодушен. Но тут выскочила из комнаты сама жена. Ирина Сергеевна еще помнит, как он закричал: «Замолчи, Нина!» А потом она потеряла сознание и пришла в себя уже дома.

Новогоднего праздника у Коробовых не было. Ирина Сергеевна снова слегла. Заходил Ильин, уговаривал:

— Не надо степняковскую мелочность принимать так близко. Что поделаешь — люди разные.

Да, разные. Может, потому и ударило это так сильно, что до сих пор Ирине везло на людей. Выросла в семье, где шестеро детей — два брата, четыре сестры. У всех свои семьи, свои дети, а до сих пор они друг другу опора. Двенадцать лет назад встретила Коробова — встретила заботу, самоотверженность, преданность.

А соседи по старой квартире, где до недавнего времени жили Коробовы в двенадцатиметровой комнате... Ей иногда кажется, что и жива-то она благодаря им. Когда лежала полгода в постели, каждый, кто бывал дома, обязательно заглядывал: «Не нужно ли чего?» Поили, кормили, бегали за лекарствами.

Да и эта новая квартира будет всегда напоминать ей о человеческой способности понять чужую беду. Николай не стоял на очереди. Записана была она на заводе, где работала в медпункте. Но выбыла с работы — выбыла из очереди. Коля после долгих терзаний: «Столько людей ждут квартиры, как же я полезу через головы?» — пошел-таки к своему директору. Объяснил все, хотел показать справки о здоровье жены, а директор посмотрел на него:

— О чем ты говоришь-то, Коробов? Разве я и так не понимаю, какое у тебя горе, а ты... справки...

И рядом со всем этим вставало все случившееся в тот вечер. Успокоишь ли себя немудреной философией — люди разные?

Люди разные — значит, нужно как должное принимать равнодушие? Никто не прибежал на помощь к Коробовым, хотя вечером все обычно бывает дома. Никто в подъезде ничего не слышал?

Но А. Ф. Степняк, он-то видел, возвращаясь с работы, парней с палками под коробовскими окнами. Не понял, что происходит? Возможно. Но после того, как жена прокричала ему историю про подлого соседа, который привел в дом чужих: «Спрятал, видите ли, от хулиганов! Пусть у себя прячет!» — почему после этого не встревожилась А. Ф. Степняк, не спустился к Коробовым: «Что тут у вас?»

Люди разные, стало быть, и жестокость Нины Петровны надо стерпеть? Вздорная женщина, что с нее взять?

Не скрою, именно так я и склонна была объяснить каждый шаг Нины Петровны в тот вечер — дурным, импульсивным, неуправляемым характером, которому человек обычно и сам не рад. Сидит передо мной молодая хорошенькая женщина, приятно говорит, и я думаю: вот сейчас она спокойна и вполне доброжелательна.

— Да что вы? Я ничего против Коробовых не имела. Я к ним со всей добротой относилась. Ира не могла гулять одна — я сказала, гуляй со мной. Идем в лес и сидим. Я, Анюта моя в коляске и Ира рядом. Думаете, очень-то приятно мне было сидеть? Мне бы по лесу прогуляться, а она не может. Столько удовольствий из-за нее потеряла!

Стоп! Разве это доброта? Доброта непреходящая и тихая. А когда она всего лишь на сутки, да еще и кричит о себе, — это лишь суетная забота о собственном престиже в чужих глазах: «Заметьте, и я не хуже вас!»

— А Коля Коробов — я его всем в пример ставила. Аккуратный, непьющий, его многие уважают. Но вы меня поймите. Детям сказала: «Чужих не пускать!» Прихожу — и вдруг...

Это я понимаю. Понимаю Нинин испуг и даже первоначальный гнев. Но сын тотчас же объяснил, что этих людей привел дядя Коля, которого она хорошо знает.

— Знать-то знаю, но он что мне — брат? Известно, что там у него на уме? Когда я выскочила от Коробовых на улицу, посмотреть, не идет ли муж, хулиганье обступило меня. Злые такие! Ударить могли! Где, спрашивают, эти двое, у вас? Нет, говорю, у Коробова они, отстаньте!

— А вы понимаете, что вы сделали, Нина? — Может, я Коробовых должна была пощадить? Они-то меня не пощадили.

Нет, не характер здесь, не импульсивность — винтик к винтику подогнанная система взглядов: чужие — они всегда чужие, не свои, а потому не верь, жди от них пакости, будь начеку и защищай только себя!

А если бы... Я ловлю себя на страшной мысли. Если бы произошла трагедия? Потеряй Ирина Сергеевна самообладание, не будь она так тверда, мужнины бы выскочили из квартиры, и тогда... Могли кого-то из них избить до полусмерти, даже убить. Но тогда эта капля жизни попала бы под большой микроскоп, нашли бы корни, причины, установили участников и соучастников. Тогда бы все вещи были названы своими именами, никто бы не избежал наказания. Но, к счастью, не дошло до трагедии, всколыхнулись лишь толки. Одни на заводе говорили, что Степняки плохие люди, она-то ладно, а он ведь заместитель начальника цеха. Другие толковали про беспардонного Коробова, который привел в чужой дом чужих. Третьи сожалели, что никого не выведешь на чистую воду, пока чего-то не случится.

Но разве не случилось? Было все, с чего начинаются трагедии, — равнодушие, жестокость, предательство!

* * *

У истории этой конкретный адрес, и я не позволила себе ни одной неточности ради яркости или обобщений. И все-таки после долгих раздумий меняю имена и фамилии всех действующих лиц. С большим сожалением меняю. Представила себе на минуту Нину Петровну, снова влетающую к Коробовым с криком и оскорблениями. Нет, не для Ирины Сергеевны все это. Не по силам, не по здоровью.

Да и наказание здесь больше всего нужно не административное. Эта история — повод для раздумий о себе. Когда человек наедине сам с собой, ему ведь не словчить — «ничего не видел», «ничего не слышал». А действующие лица себя узнают. Узнают свой подъезд, свой дом. Он стоит на опушке леса, где торчат пни от срубленных елей.

общение ограничено лишь самыми необходимыми звуками. С приближением весны в голосах птиц появляются новые, звонкие мотивы. В сосняках, по лесным болотам зашелестит, зашепчет свою колдовскую песню отшельник-глухарь. Хрустальным песенным звоном как бы прощаются с городом зимовавшие возле человека большие синицы. Голубокрылые сойки, будоражившие зимний лес противным кошачьим воплем, перешли на иные, не лишённые приятности песни. Даже в базарной переноске ворон появляются интимные разговорные нотки.

Негромкий голос зорянки будит лесную тишь задолго до рассвета, но затем терзается в громком хоре таких признанных вокалистов, как зяблики, жаворонки, скворцы.

В сумерки в полную силу раздаются мелодичные ругавы дроздов.

Закуновала кунушка — для леса это знак выступления на сцену пеночек, славок, соловьев. Значит, они уже отдохнули, осмотрелись после дальней дороги, почувствовали себя дома.

Поэты и романтисты единодушно считают: поют птицы, чтобы понравиться подруге, до-

ставить ей удовольствие мелодичным пением. Это мнение поддерживает и «лирическая» школа зоологов. Они считают, что воркующий голос горлицы, серебряная трелья овсянки, соловьиные раскаты в первую очередь предназначены для подруги, создают эмоциональный настрой для партнеров, стремящихся к брачному союзу. Но такое объяснение не единственное. Другая школа зоологов утверждает, что взволнованные соловьиные трели — всего лишь широковещательная заявка на гнездовой участок. Птица как бы предупреждает соперников: здесь живу я и не потерплю посторонних.

Но как быть с теми пернатыми, которые мирно живут целыми колониями? Есть специалисты, считающие птичью песню приглашением подруги и вызовом соперника. Выяснилось, что пингвины, например, именно по голосу разыскивают своих подруг. Самки жаворонков, прилетевшие на родину позднее самцов, находят прошлогодних партнеров тоже по пению.

Но ведь многие птицы поют, когда самки сидят в гнездах, а сражаться не с кем, тем более что драчливость не свойствен-

на их мирному нраву. Остается назвать третью, самую практическую версию, объясняющую взволнованные трели наших пернатых любителей простой вентиляцией легких и воздушных мешков.

Разобраться в противоречивых выводах и наблюдениях помогла молодая наука о поведении животных — этология. Она опровергает устарелый взгляд на животных как на некие автоматы, действия которых определяются только примитивными рефлексам. Этология убедительно доказывает, что очень многое в поведении человека и животных имеет общие корни. Зверям и птицам свойственны привязанности и антипатии, любознательность, эмоции, обмен информацией. В зависимости от обстоятельств, видовых и даже индивидуальных особенностей той или иной птицы в ее пении может звучать призыв, угроза, ласка либо нетерпение, воспоминания, тоска или же довольство. Словом, все то, что свойственно и нам, людям.

...Не потому ли всем нам так нравится пение птиц?

В. ГУСЕВ,
биолог-охотовед

ЗВОНК С ТОГО СВЕТА

Как-то работницы одной московской швейной фабрики рассказали мне «таинственную историю», случившуюся с одной из их подруг.

А произошло следующее. В квартире, где жила работница, был ремонт. Потом несколько дней продолжалась уборка. Наконец к воскресенью хлопоты остались позади, и вся большая семья во главе с матерью, женщиной уже пожилой, села завтракать.

— Кто-то звонит в дверь, — сказала мать.

— Разве? А я не слышал, — отозвался сын. Но все же встал из-за стола и пошел открывать. Однако на лестничной площадке никого не было.

На маленькое происшествие никто не обратил особого внимания, и завтрак продолжался как ни в чем не бывало. Но спустя некоторое время мать вдруг снова к чему-то прислушалась и проговорила:

— Опять звонят...

Теперь в переднюю вышла дочь. За дверью — никого. Завтрак подходил к концу, когда мать подняла палец и сказала в третий раз:

— Слышите, звонят...

В комнате наступила тишина. Но снова никто ничего не услышал.

— Звонят... откройте же! — настойчиво повторила мать.

Присутствующие переглянулись удивленно и несколько встревоженно. И все, словно по команде, поднялись из-за стола и вышли в переднюю.

Старший сын распахнул дверь.

Там никого не было...

— Должно быть, мальчишки шалят, — предположил он. — Позвонят, а сами бегом вниз по лестнице.

— Но ведь мы-то никаких звонков не слышали, — возразила дочь.

Вскоре все разошлись по своим делам. Отправилась и мать за покупками в продовольственный магазин. Стала переходить улицу, и тут ее сбила машина. Насмерть...

На следующий день потрясенная горем дочь рассказала историю о таинственных звонках подругам по работе. И заключила:

— Это были звонки с того света. Вот почему их слышала одна только мама... А мы ничего не слышали.

— Что же это все-таки было? — допытывались работницы у меня.

Звонки с того света?! Конечно, можно понять горе дочери, так неожиданно, трагически потерявшей самого близкого человека. Все так или иначе связанное с матерью имело в ее воображении особенное значение. История со звонками приобрела магический смысл предзнаменования. А если задуматься, если трезво взвесить факты, выявляется вполне определенная, естественная связь между событиями того дня.

В квартире шел ремонт, потом уборка. Нетрудно представить, как много дел в эти дни выпало именно на долю матери, ведущей домашнее хозяйство большой семьи. Чрезмерная нагрузка и хлопоты для нее, женщины в возрасте и большой, не прошли бесследно. Очевидно, поднялось кровяное давление. Именно об этом свидетельствует звон в ушах, который она приняла за звонки в дверь. В таком состоянии женщина вышла на улицу, была, должно быть, рассеянной и не заметила приближающейся машины...

Горько делать такой упрек, но недостаточную внимательность к матери проявили дети: услышав от нее трижды о «звонках», они должны были догадаться, что матери не по себе. «Мама, ты, наверное, устала, полежи сегодня», — эта простая фраза могла бы предотвратить несчастье.

ВСТРЕЧА

С

ЗАГАДОЧНЫМ

Из записок
лектора-
атеиста

ПОЛБУХАНКИ ХЛЕБА

Однажды после лекции в Московском планетарии подошел ко мне человек лет тридцати и сказал:

— Я хотел бы вас спросить... Дело в том, что года три назад со мной произошел очень странный случай.

Живу я в небольшом поселке под Москвой, увлекаюсь шахматами. Однажды я принимал участие в шахматном турнире, где рассчитывал получить первый разряд. Первые две партии сыграл успешно — победил. Вечером меня ждала третья партия. Пришел с работы домой пораньше, расставил шахматы. Дома никого, я один... Не знаю, сколько времени прошло, может быть, час или два, не заметил, очень был погружен в разбор партии. Вдруг дверь открывается и в комнату входит старичок. Ватничек у него поношенный, через плечо какая-то сумка. Спрашивает, нет ли у меня чего поест. Передо мной лежала буханка хлеба, нож, я отрезал полбуханки и протягиваю старичку. Он взял хлеб, поблагодарил. Тут мы разговорились — симпатичный такой старичок оказался, в шахматах неплохо разбирается. Я с ним поделился своими турнирными надеждами и сомнениями, а он мне в ответ: если третью партию выиграешь, наберешь нужное число очков, то получишь свой первый разряд. А если даже вничью сыграешь, первого разряда тебе не выдать.

Поговорили мы еще немного, потом он распрощался и ушел. И вот, когда он ушел, меня словно стукнуло: входная дверь-то изнутри заперта, как же он смог войти? Выбежал я в сени — никого нет. Вижу, дверь не просто заперта на ключ, а еще и щеколдой приперта. Ну, думаю, доиhrался, старички всякие стали мерещиться. Возвращаюсь в комнату, смотрю на стол — а полбуханки-то нет... Значит, все-таки был ста-

ричок! И такое это произвело впечатление, что в тот вечер не пошел я на турнир и вообще с тех пор не могу играть в шахматы. Как увижу шахматную доску — меня прямо в дрожь бросает...

История кажется в самом деле необъяснимой. Как мог старичок проникнуть сквозь запертую дверь да еще унести вполне материальный хлеб?

Но не будем торопиться с выводами. Я предложу вам небольшую экскурсию по несколько неожиданному адресу — туда, где готовятся к полетам космонавты. Важное место в предполетной подготовке покорителей космоса занимает тренировка в так называемых сурдокамерах.

Сурдокамера — это сравнительно небольшое, специально оборудованное помещение, изолированное от внешнего мира. Там стоит глухая, непробиваемая тишина. Находясь в сурдокамере определенное время, зависящее от задач предстоящего полета, космонавт привыкает к оторванности от обычной обстановки, к длительной изоляции, с которой ему придется столкнуться во время полета.

Журналисту поручили написать статью о тренировках космонавтов, и он решил испробовать эти тренировки на самом себе. Получил разрешение, прошел медкомиссию, и его поместили в сурдокамеру на семь суток.

Как потом рассказывал журналист, первые сутки он чувствовал себя превосходно: тишина, спокойствие, никто не звонит, не требует, не дергает. Он удобно сидел в мягком кресле, читал, с аппетитом и вовремя ел — словом, наслаждался вполне санаторным режимом. Так прошли первые сутки. А на второй день он вдруг услышал, что играет симфонический оркестр. Ощущение было таким отчетливым, словно находился он не в сурдокамере, а в зале консерватории.

Ученые знают, что если человек попадает в совершенно необычные условия, у него могут возникать различные «видения», или, как их называют медики, галлюцинации — зрительные и слуховые. Но появляются они и в обычных условиях — как следствие сильного нервного напряжения или возбуждения. Некоторым людям такие видения служат достаточным основанием для вывода о существовании потусторонних, сверхъестественных сил. На самом же деле такая особенность работы психики связана с типом нервной системы человека и имеет вполне естественную причину.

Вернемся к нашему шахматисту.

— Скажите, — спросил я его, — вы долго готовились к турниру?

— Несколько месяцев... Сидел целыми ночами, разбирал партии, изучал дебюты.

Вот вам и ответ! В результате систематического недосыпания, напряженных «шахматных» размышлений человек довел себя до крайнего переутомления. В какой-то момент его нервная система не выдержала перегрузки и дала сбой. Между прочим, одним из доказательств того, что таинственный старик был всего лишь видением, может служить тот факт, что он неплохо разбирался в шахматных делах. И это вполне закономерно: ведь именно «шахматная горячка» его и породила. В первый момент сам шахматист, увидев запертую дверь, здраво рассудил, что все происшедшее ему померещилось.

Но полбуханки, как быть с ней?

А с этим еще проще. Шахматист так увлекся разбором партий, так углубился в перипетии дебютов, что не заметил, как машинально отрезал один кусок хлеба за другим и так же машинально его съедал.

В. КОМАРОВ

Просто активистка

ажелый венок из белых, твердых, будто фарфоровых, цветов холодит шею, спускается почти до колен. Одаривать гостей венками — древний индийский обычай. Цветочный аромат заполняет все большое помещение. Может быть, оно кажется таким большим из-за отсутствия мебели, только маленький стол и несколько стульев для гостей. А на стене ленинский портрет, наклеенный на фанеру и вырезанный по контуру, с гирляндой свежих цветов на нем.

Индианки сидят прямо на полу, застеленном белой кошмой. Пришли на встречу с делегацией советских женщин, как на праздник, в лучших одеждах, с веночками цветов вокруг пышного узла волос. В конце зала светятся белые наглаженные рубашки мужчин.

Нас двое — доцент Московского института международных отношений, преподаватель языков хинди и урду Лидия Кибиркшитс и я, журналист.

Только что закончили мы рассказ о том, что дала женщине наша Советская власть. Слушали внимательно, хотя перевод двойной: сначала на хинди, потом на каннара. Нас переспрашивали то, что было непонятно, удивлялись, сыпали вопросы: о детских садах, о пенсиях, о стоимости квартир, детских поликлиниках, словом, обо всем, что вмещается в емкое понятие советский образ жизни.

Переводит на каннара активистка Федерации индийских женщин, преподавательница гимназии Манорама Паи. Ради этой встречи она приехала сюда, в центр штата Майсур город Бангалур, из другого города, за сто километров. Темнокожая, как большинство южанок, с завитками непослушных волос на висках, она кажется начиненной энергией, одержимой желанием узнать как можно больше. Еще до собрания, во время поездки с нами по штату Майсур, Манорама подробно расспрашивала о нашей стране, расспрашивала дотошно, до самых мелочей, стараясь представить нашу жизнь, такую непохожую на то, что ее окружает.

Теперь Манорама не просто переводит с хинди на каннара. Она ораторствует с жаром и вдохновением, дополняя перевод тем, что услышала раньше. Большие, в пол-лица глаза сияют. В каждом жесте — заряд энергии, который не уместился в словах.

Потом Манорама читает свои стихи. Дословный перевод стихотворения не может, конечно, и в малой степени передать его мелодику и поэтическую прелесть. Постараюсь донести как можно точнее лишь заключенные в нем мысли.

Звоните, колокольчики радости, звоните!
Русские подруги с нами весь долгий, счастливый день.
Индианки принесли вам цветы, приветы и лучшие песни.
Вы живете далеко, далеко за большими горами,
Но горы не могут помешать нашим чувствам слиться

воедино,

Как сливается аромат множества цветов жасмина.
Дружба наша полноводна, как индийский Ганг,
как русская красавица Волга.
Индийские женщины всегда чувствуют сильную
добрую руку русской подруги.

И потому разлука не отзовется болью в груди:
Друзья всегда рядом, как бы далеко ни развели
их дороги.

Звоните же, колокольчики радости, звоните!

Первые строки Манорама читала, яростно подавляя смущение, преодолевая сумятицу чувств. Прочла две-три строки и вполне овладела собой, овладела и слушателями. И вся заискрилась радостью: «Вот как складно, певуче вылилось в стихи то, что переживала, пережила. Сумела!» Отдавать другим свои знания и умение, свое время, всю себя — это, наверное, главная черта характера Манорамы и многих других активисток Национальной федерации индийских женщин, объединяющей миллионы тружениц.

В небольших кружках, которые создают активистки в городах и деревнях, собираются женщины, чтобы совместными силами одолеть неграмотность, кастовую разобщенность, бедность, тьму предрассудков, чтобы поднять сознательность: пусть видят и понимают, что творится в жизни за пределами дома, деревни, штата, во всей стране.

С таким кружком мы встречались в городе Майсуре. Руководит им активистка федерации, железнодорожная служащая Сунджат. Она менее образованна, чем Манорама, и делает лишь первые шаги на общественном поприще, но сумела завоевать и доверие и авторитет среди работниц кустарных мастерских, рисоочистительного завода и жен рабочих. Молода Сунджат, тиха, застенчива, но упорна. Не посчитает за труд не раз и не два обязать членов кружка, пригласит на собрание, напомнит о занятиях школы грамоты. Это непросто — оторвать женщину от домашних хлопот. В кустарных мастерских, на заводе работают от рассвета до вечера, а дома большая семья: обстирать, сготовить. Печей, плит, а тем более газовых, нет. Живут многие в хижинах. Варят пищу на очаге, в лучшем случае — на керосинке.

Демонстрация участниц VIII конгресса Национальной федерации индийских женщин на улицах Калькутты.

ПОЛНОВОДНАЯ РЕКА

— Собрать женщин, — рассказывала нам Сварна, организатор Федерации женщин в штате Майсур, — можно лишь в предзакатный час, на короткий срок.

Наша встреча тоже закончилась перед самым заходом солнца. Фотографию ее участников удалось сделать, пользуясь последним лучом солнца.

Цель: социальная справедливость

Сколько раз читала, слышала в докладах: с крушением колониализма в молодых развивающихся государствах стремительно идет процесс раскрепощения женщин, они смело выходят на дорожку общественной жизни. В Индии этот процесс увидела воочию, и прежде всего в деятельности, в росте влияния Национальной федерации индийских женщин.

В конце этого года федерация будет отмечать свой 20-летний юбилей. А в последних числах декабря прошлого года в крупнейшем городе Индии — Калькутте состоялся VIII конгресс этой массовой женской организации.

Конгресс был крупным событием в жизни страны. Видные государственные и общественные деятельницы, члены парламента республики и парламента штатов, ученые и писательницы участвовали в его подготовке и проведении. Потребовалось создать специальный денежный фонд. Издали литературу.

В Тагорхолле, длинном каменном помещении с проемами в стенах вместо окон и решетками вместо дверей, собралось 1200 делегатов из всех штатов Индии и 300 представительниц города Калькутты. Прибыли и гости из 16 стран: Советского Союза, ГДР, Ирана, КНДР, Египта, Венгрии, Бангладеш... Международную демократическую федерацию женщин представляла генеральный секретарь Фанни Эдельман. Конгресс приветствовали президент Республики Индии В. Гири, премьер-министр Индира Ганди, Генеральный секретарь Компартии Индии Раджашвара Рао, профсоюзные и многие другие организации.

Во вступительной речи председателя федерации Аруны Асаф Али, в отчетном докладе генерального секретаря Виллы Фаруки, в решениях конгресса подведены итоги деятельности федерации, сформулированы основные ее цели.

Федерация не политическая организация, но она и не феминистское объединение, поскольку ее задачи совпадают с коренными целями трудящихся. Это национальный суверенитет, демократия, социальная справедливость, улучшение условий жизни.

ни трудящихся, борьба против роста цен, спекуляции и черного рынка, завершение земельных реформ, искоренение все еще существующей дискриминации женщин, истоки которой — кастовая и религиозная разобщенность.

Почти два столетия колониального гнета привели народ Индии, богатейшей страны мира, к жестокому обнищанию. Голод, эпидемии уносили ежегодно миллионы жизней. Феодалные порядки, распри между князьями и махараджами, кастовая и религиозная вражда, экономическая отсталость были на руку колонизаторам.

И спустя четверть века после того, как индийский народ в длительной борьбе добился освобождения, еще дают о себе знать последствия колониализма. Не изжиты нищета, безработица, культурная отсталость.

«Мы переживаем длительный период перехода от феодального и колониального прошлого к новому обществу», — так охарактеризовала положение страны премьер-министр Индии в недавнем своем выступлении.

Огромную работу проводит федерация для улучшения жизни женщин, их просвещения. 500 школ грамоты созданы усилиями ее активисток. ЮНЕСКО отметил успехи федерации в области ликвидации безграмотности почетным дипломом имени Н. К. Крупской.

Индия — крупнейшее миролюбивое государство в Азии, его позиция влияет на всю международную обстановку. Федерация женщин верна идеям мира и солидарна с национально-освободительным движением народа. Большая кампания была проведена, например, в помощь народу Бангладеш: активистки собрали более 50 тысяч рупий. И в своих решениях конгресс высказался за политику мира и безопасности в Азии и на всей планете, в поддержку справедливой борьбы народов Южной Африки и Латинской Америки, против колониализма и расизма, выразил полную солидарность с героической борьбой патриотов Чили, народов Индокитая, арабских стран.

В специальной резолюции конгресс горячо одобрил результаты визита Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в Индию.

В борьбе за свободу родины снискали всенародное уважение женщины, стоящие во главе массовой организации тружениц Индии.

Знают и ценят передовые люди многих стран президента Национальной федерации индийских женщин, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Аруна Асаф Али.

Биография ее легендарна. Аруна родилась и выросла в обеспеченной и просвещенной среде, близкой к Рабиндранату Тагору. Училась в созданном им недалеко от Калькутты Институте искусств. Всем одарила ее природа: силой ума, литературным дарованием, способностью зажигать людей словом, пленительной внешностью. А она с юности связала свою судьбу с теми, кто боролся против иностранных завоевателей. Училась стрелять, делала бомбы, писала листовки, боролась. Власть бросила ее в тюремные застенки, позднее, когда она была уже на свободе, назначали неслыханную цену за ее голову, но народ спрятал своего трибуна.

Аруна вспомнила боевую молодость, открывая в Калькутте выставку истории женского движения Индии, приуроченную к конгрессу. В цветущем дворике колледжа, где разместились выставка, на родной ей бенгальской земле Аруна вспоминала товарищей по борьбе. И не просто вспоминала: из прошлого она хотела оценить сегодняшний день и заглянуть в день завтрашний.

— Движение индийских женщин, — говорила она, — всегда было частью борьбы за общенародные интересы. В этой-то борьбе складывались характеры, вырастали личности, способные повести за собой людей.

Аруна не ограничивает свою деятельность федерацией. Другое дело ее жизни — газета «Патриот», которую она издает. С мнением «Патриот» не могут не считаться даже недруги.

Весь облик сразу выделяет эту женщину из общей массы людей, хотя манера держаться у нее совершенно естественная, даже застенчивая. И одежда обычная: вдовье белое сари без привычных для индианки украшений. Легкая фигура, пышные бело-снежные волосы, плавная и стремительная походка, внимательные глаза, образная речь — все выдает в ней человека высоких стремлений и силы духа.

Ходжра Бегум... И ее жизнь — подвиг в борьбе за лучшую долю родного народа. Мусульманка, еще девочкой выданная замуж, Ходжра бежит из дома. В Англии усердно учится, с трудом зарабатывая на жизнь. Вернувшись в Индию, она вступает в ряды Коммунистической партии Индии, участвует в борьбе против колонизаторов.

Ходжра Бегум — деятельный пропагандист ленинских идеалов. Недавно появилась ее книжка «Коммунистическое общество и женщина». Автор пишет, определяя цели брошюры: «Мы пытаемся разобраться... какое место в обществе должна занимать женщина в соответствии с коммунистическими принципами». Ходжра

Бегум приводит высказывания Владимира Ильича Ленина о путях раскрепощения женщин. На примере Советского Союза доказывает: решение женского вопроса есть составная часть социального преобразования общества.

Пристальное внимание автора привлекает опыт раскрепощения женщин советских республик Средней Азии. Труд советского ученого Х. Шукуровой о пути, пройденном узбечками в годы Советской власти, Ходжра изучила досконально.

При любой погоде

На конгрессе, в вагоне железной дороги, на собраниях — повсюду мы неизменно убеждались, что визит Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева произвел неизгладимое впечатление на самые различные слои индийского общества.

Скорый поезд вел нас из Мадраса в Бангалур. Сосед по купе, сравнительно молодой еще человек, поздоровался с нами по-русски. Нет, он никогда не бывал в Советском Союзе. Язык выучил на строительстве Хадварского завода тяжелого электрооборудования, который возводили с помощью Советского Союза. У русских специалистов, работавших на строительстве, он учился профессиональным навыкам и знаниям, стал техником-строителем. Занимался и в кружке русского языка. Интерес к русскому языку здесь очень велик.

В Калькутте, в Мадрасе и Майсуре мы встречали наших преподавателей, которые ведут курс русского языка в высших учебных заведениях, а вечерами дают уроки в кружках и группах. Такие группы часто создаются местными отделениями Индийско-советского культурного общества, сильной и многочисленной организацией.

Разговор в вагоне продолжался.

— Перейдем на хинди, — предложил строитель, — на русском мне еще трудно.

Лидия Борисовна Кибиркштис стала переводить:

— От бедности индусов может избавить только одно: развитие промышленности, модернизация всей экономики. Первые шаги сделаны. За годы независимости промышленность выросла в три раза, удвоилась продукция сельского хозяйства, правда, и трудности очень серьезные: и экономические и политические. Что такое для нас дружба Советского Союза... — Наш спутник порылся в портфеле, вынул какую-то тетрадку и прочел: — 80 процентов металлургического оборудования, 60 процентов тяжелого электрооборудования — турбины, более половины добычи нефти, третью часть электроэнергии дают предприятия, созданные с помощью вашей страны. В самых ключевых позициях!

Когда-то великий индийский писатель и мыслитель Рабиндранат Тагор назвал Советскую Россию «утренней звездой, возвестившей начало новой эры». Советский Союз не однажды, в самые трудные моменты, выпадавшие на долю Индии, доказал, что не оставляет друзей в беде.

Постепенно в разговор втянулись и другие пассажиры. Выяснилось, что трое из шести наших спутников участвуют в работе Индийско-советского культурного общества.

— В Калькутте десять миллионов жителей. Городской транспорт — страшная проблема. Теперь начинаем строить метро, а все оборудование делают заводы, которые построены с помощью вашей страны.

— Какая бы ни была погода в океане международных отношений — мягкая или штормовая, — Советский Союз всегда наш друг, — подала голос жена строителя. — Так я поняла слова Леонида Брежнева. Слушала его в Дели, когда выступал у Красного Форта.

Она сидит на лавке, скрестив по-восточному ноги, непрерывно подкидывая на коленях большеглазого мальшка.

— Вырастет, учиться к вам поедет. Может, станет, как Юрий Гагарин, — сказала и улыбнулась доверчиво.

Старые храмы и новые музеи

Всемирно прославлены архитектурные памятники Индии. Тот, кто не видел их сам, знаком по фотографиям и репродукциям картин: усыпальница Тадж Махал, минарет Кутуб Минар, храмы и дворцы Агры.

Мне же больше всего запомнились памятники Махабалипурама. На берегу вечно шумящего и немислимо синего Бенгальского залива, под синим южным небом высятся громады гранитных скал. Волны и ветер превратили многие из них в фантастические скульптуры. Человек воспользовался тем, что сделала природа: в теле гранита вырубил храмы, украсил их бесчисленными рельефами — целые поэмы о жизни богов, со множеством бытовых подробностей, тысячи изображений — и ни одно не повторяет другое. Камни, напомиавшие по форме животных, художник превратил в громадные скульптуры. Здесь, среди тропической буйной растительности, возведено несколько храмов: у самого океана

на, так, что волны окатывают подножие здания, на скалах, на узкой площадке между водой и горами. Немало поэтических легенд сложено о древних храмах.

Хранят в Индии и памятники более позднего времени. Например, Мемориал Виктории в Калькутте — мраморный дворец с парком, газонами, водоемами. Теперь это музей, открытый для всего народа. Самое почетное место во дворце занимает громадная картина знаменитого русского художника В. В. Верещагина «Шествие слонов». Остался на месте и памятник королеве Виктории: некрасивая старуха грузно сидит в каменном кресле. И в мраморе монументов пытались закрепить колонизаторы свое владычество на индийской земле. «Зачем же сносить, пусть народ помнит о прошлом, горьком прошлом», — пояснил сотрудник музея.

Старый форт Мадраса был когда-то цитаделью британского господства в Бенгальском заливе. Теперь это тоже музей. Индийские юноши и девушки с усмешкой рассматривают старые пушки форта, мундиры английских солдат, разную утварь.

И дворец самого богатого в Индии майсурского махараджи превращен в музей. Рядом с настоящими произведениями искусства, с работой народных умельцев еще висят на стенах помпезные портреты махараджей и их ближайших родственников.

Но мы видели в том же Майсуре и пустующие дворцы, они ждут хозяев, проживающих где-нибудь в Париже или в Лондоне.

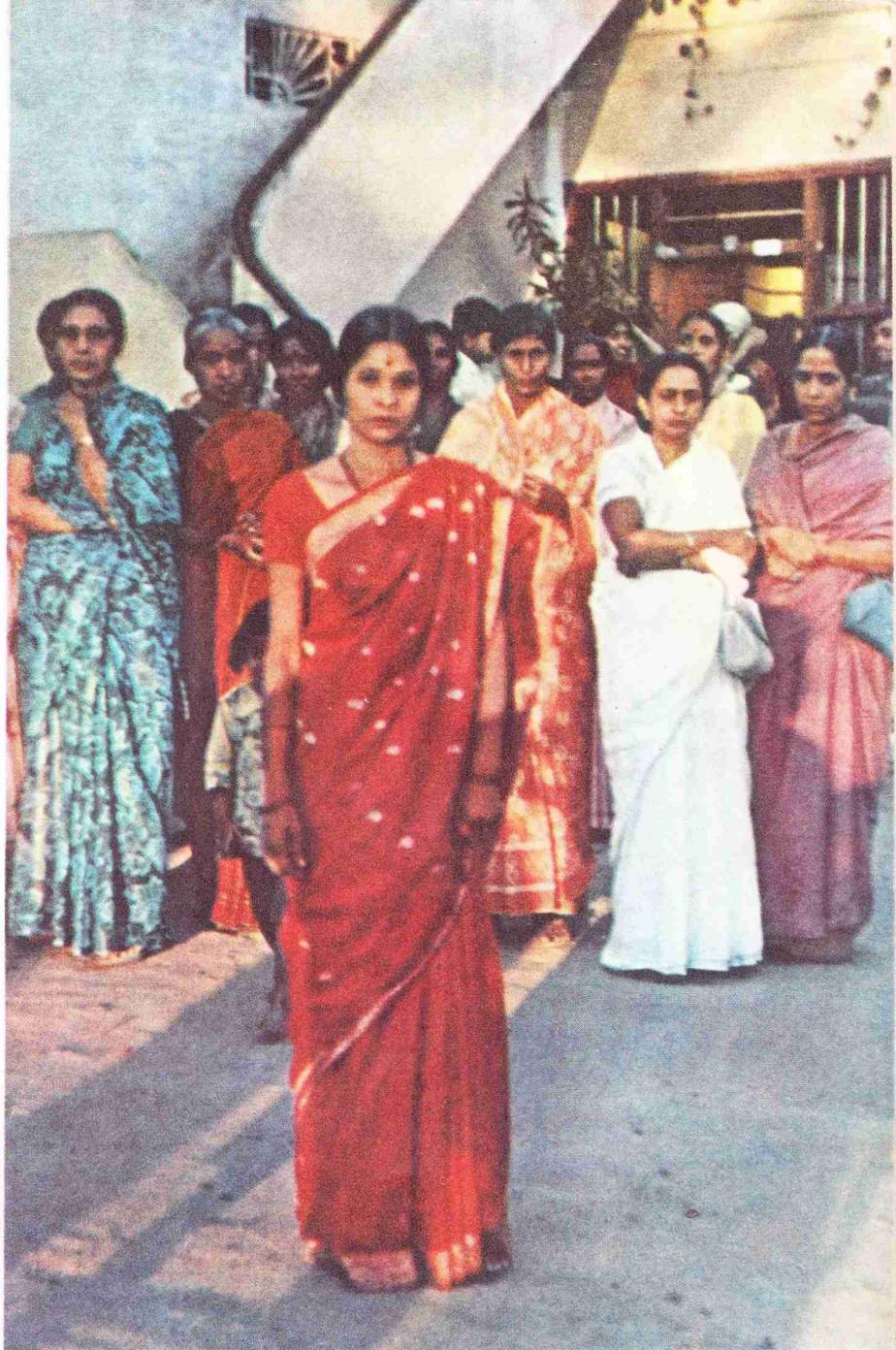
И совсем новые памятники появились в городах Индии. Никогда не вянут цветы у монумента В. И. Ленину, воздвигнутого в Калькутте. В разных городах мы видели запечатленную скульпторами фигуру шагающего М. Ганди. Вблизи Майсура создан прекрасный народный парк со множеством фонтанов. Вечером зрелище феерическое. Струи воды, подсвеченные разноцветными лампочками, играют в воздухе, сплетаются в нарядные узоры. Воздух сверкает жемчужными брызгами. В тот субботний вечер парк заполонила молодежь. Не было при этом ни шума, ни тесноты. Девушки и парни парами или стайками подолгу стояли возле фонтанов. Кто-то насвистывал песню, кто-то ладно и негромко подпевал. Сверкало озеро, и белый катерок подвозил новых гостей в этот уголок воды и света.

Чувство прекрасного очень свойственно индийцам. Оно проявляется в цветовой гармонии женской одежды, в обычае украшать цветами прически, в непередаваемой выразительности танцев, в искусстве мастеров резьбы.

Песни, музыка сопровождают всю жизнь индийца. Каждое собрание начинается и заканчивается выступлением самодеятельных певцов и музыкантов. Много хороших песен, много красивых мелодий услышали мы на конгрессе Национальной федерации индийских женщин. Каждая делегация на заключительном вечере показывала искусство любителей пения и музыки.

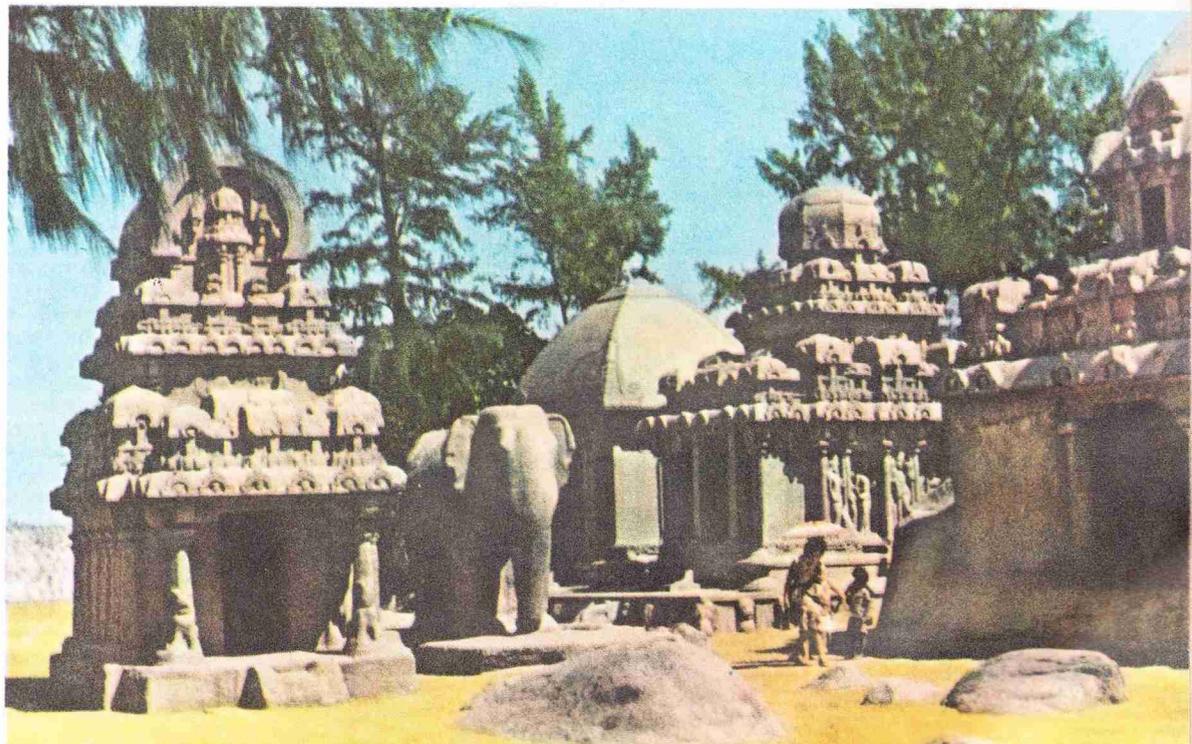
Далеко осталась Индия... Перебираю фотографии, сделанные там, и думаю: права Манорама Паи — дружба наших народов полноводна, как Ганг, как Волга.

В. ВАВИЛИНА. Фото автора.

■ Активистки Национальной Федерации индийских женщин г. Майсура. Впереди их организатор — Сунджата, первая справа Манорама Паи.

■ Один из древних храмов Махабалипурама.

РАДОСТЬ

ЖИЗНИ

О. ВОРОНОВА

Надежда Васильевна Кашина, народный художник Узбекской ССР, родилась и выросла на берегу Камы, в Перми. Кисти и краски передавались в семье из рода в род — еще прадед ее Кесарь Кашин славился своим иконописным мастерством. Василий Петрович, отец ее, живописец, самым большим своим богатством считал книги по искусству, папки с репродукциями, слепки с античных голов и масок, которые бережно хранил в специальном флигеле. Но когда дочь заявила ему, что тоже хочет стать художником, восстал: «Не женское дело!» На свой страх и риск девушка постучалась к известному в городе педагогу. Но и тот отказался заниматься с ней. И только гимназический учитель рисования поддержал ее веру в себя, хвалил рисунки и акварели, утверждая, что она «победила бумагу».

Счастливым временем пришло позже — в двадцатых годах, когда Надежда Кашина поступила во Вхутемас.

«Мне повезло, — рассказывает она, — меня учила Эпоха. В общежитии, куда съехались со всех концов страны молодые энтузиасты, споры и диспуты не прекращались. Мы чувствовали пульс страны. И были ей нужны. Ни одно празднество, ни одно событие в Москве не обходилось без нашего участия. Оформление площадей, демонстраций, промышленных выставок, красных уголков на производстве... чередовалось с учебой. Одетые скромно, в полуспортивных костюмах, с красными косынками на голове, в светлых, больших комнатах общежития, где единственной обстановкой были сколоченные из досок стол, табуретка и деревянные топчаны вместо кровати, мы чувствовали себя счастливыми».

Н. КАШИНА.

НА ЦЕЛИНЕ.

ОТПУСК ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

«Меня приняли на временную работу вместо ушедшей в декретный отпуск работницы. Теперь я сама должна пойти в отпуск по беременности и родам. Будет ли мне оплачен этот отпуск?»

И. П. Сергеева, г. Душанбе.

Правом на отпуск по беременности и родам пользуются не только женщины, занятые на постоянной работе, но и временные и сезонные работницы, если к моменту отпуска они числятся работающими.

«Я поступила на фабрику в июне 1972 года. Проработав около семи месяцев, пошла в декретный отпуск и в феврале 1973 года родила. В мае, после декретного, взяла очередной отпуск, затем отпуск за свой счет на три месяца и вышла работать. Через семь месяцев подала заявление на очередной отпуск — уже в новом году. Но мне сказали, что придется подождать: нужно отработать 11 месяцев. Объясните, правильно ли поступила администрация фабрики.»

К. П. Крутова, г. Юрлов-Польский.

Напомним вам, товарищ Крутова, что очередной оплачиваемый отпуск, предшествующий родам, женщина может использовать по своему желанию — либо перед отпуском по беременности и родам, либо непосредственно после него. Причем полный оплачиваемый отпуск предоставляется даже в том случае, если женщина проработала меньше положенных 11 месяцев.

Дополнительный отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему одного года может быть использован полностью или по частям. Этот отпуск не оплачивается. Неоплачиваемое время не засчитывается в стаж, дающий право на последующий очередной отпуск. Таким образом, день окончания вашего рабочего года передвинут на три месяца вперед, а отпуск за второй рабочий год должен быть предоставлен в срок, указанный графиком отпусков.

«Мы, работницы термокузнечного цеха Балашовского завода автотракторных прицепов, хотим узнать, засчитывается ли в стаж работы с вредными условиями труда отпуск без сохранения зарплаты по уходу за ребенком до исполнения ему одного года.»

Горностаева, Софийская.

Да, засчитывается в стаж, дающий право на государственную пенсию, в том числе на льготных условиях и в льготных размерах.

Кроме того, указанный вами отпуск засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж для выплаты пособия по временной нетрудоспособности.

«Я работаю в поликлинике медсестрой с мая 1973 года. Кроме своей основной работы, имею еще полставки. С 10 декабря 1973 года пошла в декретный отпуск. По больничному листу мне оплатили только из расчета основной ставки. Правильно ли это?»

Р. Маньшаева, г. Уфа.

С 1 декабря 1973 года всем женщинам вне зависимости от длительности трудового стажа и места жительства пособие по беременности и родам начисляется в размере полного заработка (оклада) за весь период отпуска. Но в заработок для исчисления пособия не включается оплата за совместительство и сверхурочные работы.

Юрист Н. БУГАЕНКО

Клубный день.

той, отказываются позировать. Тогда Кашина делает зарисовку прямо в поле или на винограднике, тут же возвращается к мольберту («Чтобы не растерять свежесть впечатления, бегом, бывало, бежала»).

Тяготение к широте, к обобщению всегда отличало работу Кашиной. Воссоздавая натуру с возможной тщательностью, она не пишет первое, что попадает на глаза, ищет образы характерные, воплотившие в себе типические черты: всегда долго и тщательно продумывает сюжет будущих полотен. А размышляя о проблемах композиции, сверяет свои решения с работами классиков, особенно любимого ею Рафаэля, произведения которого привлекают ее своей ясностью и чистотой.

Из пережитого, изученного и понятого в постоянном общении с природой и жизнью народа складывается круг образов художницы. В них входят уже не только сегодняшний день республики, но и поэтические образы ее легенд и сказаний. Кашина рассказывает в своих полотнах о героях Навои — Лейле и Меджнуне, о могучем Фархаде, который пожертвовал любовью, чтобы добыть воду людям, живущим в пустыне...

Кашина работает в различной технике — пишет маслом и темперой по холсту и левкасу, маслом с воском по пластику, гравюрует по стеклу, используя разноцветные подкладки, исполняет станковые рисунки фломастером и тушью. Словно через «магический кристалл» всматривается она в действительность, претворяя конкретные жизненные образы в гармонический сплав поэзии и реальности. Богатство ее палитры позволяет нам по-новому увидеть и воздушную облачность неба, и золотистую бескрайность степи, и теплоту здоровых детских тел. В любой жанровой сцене художница умеет выявить красоту повседневности, лирично и ясно поведать о современном мировосприятии.

Надежду Васильевну Кашину по праву можно назвать полноценным послем русского и общеевропейского искусства в Узбекистане: западная и восточная культуры так органически и самобытно соединились в ее творчестве. Из европейской классики пришел к ней образ Мадонны, но художница не случайно назвала картину «Самаркандской мадонной»: торжественно-филозофская умиротворенность, колорит полотна и фон, на котором происходит действие, — все свидетельствует о принадлежности к Востоку. «Нужно не только уметь видеть, но и искать, думать, изображать не только то, что видишь, но и то, что чувствуешь, помнишь. Если художник искренен, то он создает вторую природу, которая найдет путь к сердцу зрителя», — говорит она.

Возвышенное и вместе с тем радостное утверждение жизни характерно для всех произведений Кашиной.

Персональные выставки произведений Кашиной состоялись в Москве, Ташкенте и Перми. Жители ее родного города увидели осиянные солнцем весенние деревья и голубые купола Биби-ханым, вздымающиеся над розовыми дувалами. Познакомились с обильной землей Узбекистана, со своими современницами-узбечками. «Творчество этой художницы оставляет в сердце зрителя свет и тепло, радость жизни, — появилась запись в пермской книге отзывов. — Как радостно открыть для себя такое поэтическое, вдохновенное искусство!»

Поэтическое и вдохновенное, — может быть, в этих словах и заключается самая краткая и точная характеристика творчества Кашиной. Творчества, одинаково понятного и близкого и узбекам и русским, всем другим народам, населяющим нашу землю.

Окончила она институт с отличием. За серию жанровых картин московской жизни ее наградили полугодовой творческой командировкой в Париж. Но она отказалась от поездки, предпочтя Франции Узбекистан, который давно привлекал ее внимание. Одна поездка, другая, третья, и она навсегда связывает свою судьбу с этой республикой.

Художница рисует караваны верблюдов, мужчин в ярких халатах, несущих на голове пирамиды лепешек, продавцов воды — откровенно любясь богатством красок и певучестью линий Востока. Ее полотна декоративны, колористически насыщены: из густой, словно освещенной изнутри голубизны вытекают персонажи «Переправы через Сыр-Дарью». Еще не вполне разбираясь в окружающей жизни, художница заостряет свое внимание на экзотических сценах, своеобразии нравов, романтизируя их. Но в этой романтизации ясно видится ее уважение к узбекскому народу, сердечность и доброжелательность.

Идут годы, совершенно изменилась жизнь республики. Одновременно мужает и талант Кашиной. С высоким профессиональным мастерством показывает она возникновение новых общественных отношений в республиках Средней Азии, становление характера нового советского человека, его надежды, его понимание мира. Многие из ее произведений становятся художественной летописью страны и входят в число классических произведений советского искусства.

Художница много и увлеченно работает с натурой — «Ни одного мазка не клала от себя», — говорит Надежда Васильевна. Задумав большую серию полотен «Женщина в колхозе», она объезжает несколько областей, изучает жизнь узбекской женщины, ее внешность, жесты, ритмику ее движений, манеру стоять, держать голову, разговаривать. Порой колхозницы, занятые рабо-

ПРИГЛАШАЕМ

И. ГЛАН

— Пенсия у меня, правда, небольшая. Да не в этом дело. Просто не привыкла я сидеть дома...

У Лейлы Ахмет-кызы Исмаиловой — десять детей, младший, Ахмет, только перешел во второй класс.

— Домашней работы хватает. Но побывала я дома и чувствую — больше не в состоянии. Даже дочка стала говорить: «Что-то, мама, у тебя характер портится...»

Долгое время Исмаилова работала заведующей складом. Став пенсионеркой, пришла в службу быта, приемщицей в прокатный пункт. Трудовая жизнь продолжается.

Интересную работу провела Центральная научно-исследовательская лаборатория Госкомитета Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов. Социологи и медики проанализировали состояние здоровья людей, которые, достигнув пенсионного возраста, продолжали работать еще не менее десяти лет. У 39 процентов обследованных не обнаружено старческих изменений в организме, у 45 процентов эти изменения были умеренными и только у 16 процентов выражены ярко. Иначе у людей того же возраста, оставивших работу. Старческие изменения в организме не обнаружены лишь у 18 процентов, у 49 процентов они выражены умеренно и у 33 — весьма резко. Вывод: общественно полезный труд благотворно влияет на здоровье.

Мы и сами не всегда осознаем, как сильна в нас душевная потребность трудиться.

Государство делает многое, чтобы дать возможность пожилым людям продолжать работать в меру сил. Как известно, для значительной категории работников пожилого возраста вместе с зарплатой сохраняется пенсия. Наверное, вы прочитали постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предоставляющее дополнительные льготы пенсионерам — право на укороченный рабочий день и неполную рабочую неделю. Они

могут работать дома, в любое удобное для них время. Разрешено устанавливать работающим пенсионерам пониженные нормы выработки, создавать даже особые предприятия, где смогли бы трудиться люди пожилого возраста.

Статистики подсчитали, что в крупных промышленных центрах нашей страны занято на различных предприятиях 25—27 процентов пенсионеров. Однако экономисты, социологи и медики утверждают, что цифра эта вполне может быть увеличена до 35—40 процентов. А это ведь дополнительно миллионы рабочих рук, да еще каких — золотых, обогащенных мастерством, многолетним опытом! Как нужны они нашему народному хозяйству!

Сфера обслуживания особенно остро нуждается в кадрах. Работа в обслуживании, кстати говоря, наиболее приемлема для людей старших возрастов. Всегда можно выбрать себе труд по силам, не очень утомляющий физически. А такие качества пожилых, проживших долгую жизнь людей, как обходительность, выдержанность, опыт, в обслуживании наиболее ценимы и, если можно так выразиться, «дефицитны».

Казалось бы, все просто: служба быта нуждается в пенсионерах, а пенсионеры в работе. Но в практике жизни работа и человек не всегда находят друг друга. Почему?

Все наши бытовые предприятия заинтересованы в том, чтобы использовать труд пенсионеров. Но одни это делают хорошо, другие хуже, а третьи вовсе не делают. Если ограничиться тем, что вывешивают на двери табелье или мастерской табличку «требуется» и ждать, пока пенсионеры ее заметят и придут в отдел кадров, — можно никого не дожидаться. Надо найти подходящего человека, пригласить его, объяснить все права и льготы.

В разных городах и областях страны я встречался с работающими пенсионерами, интересовался, как нашли они работу, как работа нашла их. И убежден: практическое решение этого важного государственного вопроса зависит от руководителей местных отделов, управлений, предприятий службы быта.

Мне хочется рассказать о тех, кто не жалеет для этого труда, выдумки, инициативы и добивается заметных результатов.

Фирма

У Андриюшиной няни гладко зачесанные седые волосы, очки в тонкой оправе и доброе, внимательное лицо. Встреть я эту женщину случайно на улице, не сомневался бы: «Учительница». Анастасия Алексеевна Савченко и в самом деле работает с детьми. Только очень маленькими. Она няня в киевской фирме добрых услуг «Свитанок».

— Андриюша, на какой улице мы живем?

— Артема, сорок четыре!

Андриюше нет еще трех, но он прекрасно знает свой адрес. Одевается сам. И моет руки перед едой тоже сам, без напоминания. Отношения с бабой Натой у них такие, что завидует даже мама.

— Вот это елка, Андриюша, это береза. Запомни. А сейчас мы пойдем на другую улицу и посмотрим, как машина будет копать для деревьев ямы, а потом сажать их.

У каждой прогулки своя тема: деревья, птицы, городской транспорт, дома. Интересно!

В фирме около ста нянь. Очень мало для такого города, как Киев. Услуга эта нужная, спрос на нее огромный. Няню можно вызвать на несколько часов — когда родители уходят в кино, в гости. На месяц — если они уезжают в отпуск. Случается и так, что ребенок ослаб после болезни, ему нужно побыть дома, пожить на даче — тут тоже без няни не обойтись.

Работники фирмы приходят в собес, просматривают карточки пенсионеров,

ПЕНСИОНЕРОВ

Советы под редакцией главного врача Института красоты И. И. КОЛЬГУНЕНКО.

Вы работаете на открытом воздухе. Колебания температуры, пыль, ветер, повышенная влажность или сухость воздуха — все это так или иначе воздействует на кожу лица, рук — она становится менее эластичной, могут появиться преждевременные морщины, шелушение, трещины, пигментные пятна. Такая кожа более ранима и предрасположена к различным заболеваниям — в том числе гнойничковым.

Что ж, давайте посмотрим в наше зеркало. Видите! Кожа у вас сухая, около глаз тени, и... (это совсем неприятно) заметны мелкие морщины. Сильный темный загар не всем к лицу, а женщину «за тридцать» делает старше, подчеркивает недостатки кожи. Как быть? Ут-

ром, до умывания, смажьте лицо майонезом, растительным маслом или каким-либо жирным кремом — «Аленушка», «Ассоль» — и делайте зарядку, занимайтесь домашними делами. Перед уходом на работу умойтесь холодной водой и тут же на влажную кожу вновь нанесите давящими движениями крем. Промокните лицо бумажной салфеткой и немного припудрите.

Если кожа очень раздражительна, краснеет от солнца, ветра, можно вместо умывания протереть лицо молочной сывороткой или ополоснуть холодным водным настоем ромашки и липового цвета (в пятом номере рассказывалось, как готовить такие настои).

Сальную, склонную к угрям кожу советуем утром до работы умывать настоем цветков календулы и мяты или протирать лосьоном для жирной кожи («Старт», «Утро», «Арктика»).

На вашем лице быстро появляются веснушки, пигментные пятна или выступает красная «сеточка» сосудов. Значит, загорать нельзя, придется защищать лицо от солнца и ветра. Как? Перед тем как выйти на улицу, нанесите на лицо защитный крем («Земляничный», «Молодость», «Аврора», «Луч», «Щит» или «Приз»). Можно применить обычную цинковую мазь, а тем, у кого жирная кожа, — пасту Лассара. Чтобы ли-

рассылают им открытки с приглашением. А то и просто идут в скверики, беседуют с женщинами, которые отдыхают на скамейках, — зовут к себе работать.

Скоро Андрюше придется расстаться с бабой Натой: он пойдет в садик. А няню ждут другие дети. Фирма может дать работницу в семью не больше чем на два три месяца: очередь...

— Поверьте, не было еще случая, чтобы родители не попытались оставить няню у себя насовсем, — рассказывает методист «Свитанка» Инна Яковлевна Цибуля. «Зачем, — говорят, — вам эта фирма? Переходите к нам». Но не было случая, чтобы няня согласилась.

Я не удержался и спросил Анастасию Алексеевну:

- Вас тоже переманивали?
- Конечно, — улыбается она.
- Ну и...

— Как вам сказать... В фирме у меня четкое ограничение круг обязанностей, определены часы работы. Я занята не целый день, отдыхаю, если устала. Но главное даже не в этом. Очень много значит быть не одной, а в коллективе, знать, что кто-то всегда заботится о твоём отдыхе, здоровье, интересуется, как тебе работается. Нам, работающим пенсионерам, в первую очередь предлагают путевки в дома отдыха и санатории. Да и премии бывают, грамоты за хорошую работу. К тому же я не просто няня, я слушающая государственного учреждения, представляю именуемую у нас в городе организацию, известную на весь Союз. Так я говорю своим знакомым. Это тоже немало.

Район

Примерно десятая часть всех работников бытовых предприятий Баку — люди пенсионного возраста. Но в горбытуправлении считают, что этого мало. До конца пятилетки здесь предполагается привлечь к работе в ателье, мастерских, приемных пунктах еще не менее шестисот пенсионеров. Как это будет осуществляться?

— На днях мы собираем неработающих пенсионеров в одном из эжков Наримановского района, — сказал мне начальник управления М. А. Ганифаев. — При содействии райисполкома, разумеется. Приходите, послушайте.

...В небольшой комнатке красного уголка жэка собралось человек тридцать пенсионеров, в основном женщины. Перед ними выступают руководители швейных, парикмахерских, ремонтных предприятий района.

Разговор деловой: «Мы вам предложим работу, а вы скажите, на каких условиях вы к нам придете». Особенно горячо выступает заведующая бюро добрых услуг Таисия Фроловна Емельшина. Ее хозяйство разбросано по всему городу: прокат, обслуживание на дому, вплоть до выезда закройщика, парикмахера, сиделки к больному.

— Приходите к нам, — говорила Таисия Фроловна, — мы найдем место поближе к дому. Хотите двухмесячный отпуск? Неполный рабочий день? Пожалуйста. Работать у нас выгодно. Приходите!

Не здесь, в красном уголке, решается столь сложный вопрос, как возвращение к активному труду, — столько надо ломать в укладе жизни, уже ставшем привычным! Надо подумать. Переспрашивали: «Можно ли работать два часа утром, два часа вечером?» «Парикмахерское хозяйство приглашает шить салфетки. А если взять работу на дом?» Получая утвердительный ответ, просят: «Повторите телефон, где вас можно найти».

Уже вернувшись в Москву, я позвонил Емельшиной узнать, что дала встреча.

— Райисполком предоставил помещение, — сказала Таисия Фроловна, — и мы открыли несколько прокатных пунктов прямо при жэках. Приемщики там — пенсионеры.

Город

Наверное, не случайно, что самый богатый и лучший опыт использования труда пенсионеров в общегородском масштабе накоплен в Москве. Кому, как не столице, служить примером серьезного, делового отношения к решению этой важной проблемы.

Анализируя успех москвичей, понимаешь: главное, что в работу активно включились партийные, советские, хозяйственные органы. Все делалось сообща.

При Московском городском комитете партии была создана специальная комиссия, которая до тонкостей изучила вопрос

и сосредоточила в своих руках всю информацию, связанную с трудоустройством. Прежде всего надо было выяснить, о какой работе и каких предприятиях идет речь. Оказалось, что в обслуживании столицы насчитывается 145 специальностей и должностей, пригодных для людей пожилого возраста — с сохранением полной пенсии, разумеется. А вакантных мест продавцов, лифтеров, поваров, портных, медсестер, приемщиц — более 12 тысяч. Приходите хоть завтра, всем найдется работа по силам и по душе. Кто-то пришел сам. Кого-то пригласили. Кого-то уговорили.

Исполком Моссовета утвердил положение о предприятиях, где работают пенсионеры. Я видел его. Суховато-деловые абзацы, но в них — доброта. Настоящая доброта — деятельная, внимающая в детали, продумывающая все до мелочей. «Продавцам-пенсионерам предоставляется право привлекать для совместной работы членов семьи». Речь идет о киосках, лотках по продаже фруктов и других мелких торговых точках. Если бабушка утомится, она может позвать на час или два кого-то из родных, и не надо даже ставить в известность отдел кадров. «Оборудовать рабочие продавцов специальными приспособлениями для сидения». Мелочи, казалось бы, но и их не упустили...

Можно подвести некоторые итоги. С 1969 года, когда началось активное привлечение пенсионеров к труду, число их на различных столичных предприятиях выросло более чем на сто тысяч. Выиграла ли сфера обслуживания, о которой мы ведем речь? Еще как! Для многих москвичей стало значительно легче получить услуги, к которым когда-то пробиться было невозможно. Помните? Лет пять назад вы едва ли нашли бы в Москве мастерскую, где починили бы поношенное платье или переделали его по моде. Сейчас в каждом районе появились ремонтные ателье, причем четырнадцать из них обслуживают пенсионеры.

Одна деталь: опытным старым мастерам расценки увеличены на двадцать процентов. Не только из-за возраста, разумеется: квалификация того стоит.

Все ли сделано? Конечно же, нет. Ученые считают, что уже сегодня в Москве к работе могут вернуться 70—90 тысяч пенсионеров. Другие называют более солидную цифру: 200 тысяч... И всем найдется дело.

цо не блестело, припудрите слегка пудрой темного цвета («Южной» или «Курортной»).

● Защита не помогла — пигментные пятна или веснушки все-таки появились. Попытаемся их отбелить. Но имейте в виду: речь идет не о стойких пигментных пятнах, которые бывают во время беременности и при некоторых заболеваниях внутренних органов. В этих случаях лучше обратиться к специалисту. Мы же говорим о пятнах и веснушках, вызванных солнцем. Избавиться от них помогают кремы «Ахромин», «Мелан» и «Молочай». Отбеливает кожу и крем «Весна» — его надо применять только на ночь, остальные же дважды в день — утром и вечером.

● Если на работе вам приходится иметь дело с песком или асфальтом, используйте для защиты кожи противопесковую пасту «Хиот». От пыли предохраняет мазь Николаи, и ее и «Хиот» после работы надо сразу же смыть и обязательно нанести на лицо питательный крем.

● Вечером после работы умойтесь теплой водой с мылом (воду можно слегка подкислить борной кислотой, столовым уксусом или лимонным соком). Затем нанесите крем. Если на коже воспаленные угри, рекомендуем крем «Улыбка» или «Календула». Очень сухую кожу полезно протереть ватным тампоном, обильно смоченным в растительном масле.

● Если кожа после работы раздражена, даже воспалена, помогают холодные примочки из однопроцентного раствора борной кислоты, нерепного чая или настоев череды, малины, мяты.

● Очень хорошо 2—3 раза в неделю умываться кислым молоком или сывороткой, протирать лицо ломтиком свежего огурца. Жирную кожу полезно протирать ломтиком лимона. После этих процедур умойтесь и на влажную кожу нанесите смягчающий крем.

● Особое внимание обратите на кожу рук. Перед работой смажьте все трещины и ссадины однопроцентным раствором бриллиантовой зелени или клеем «БФ-2» (он создает прочную защитную пленку). Если есть

заусенцы, два-три раза в неделю смазывайте края ногтевого ложа йодом. После работы вымойте руки с мылом, смажьте кремом («Улыбка», «Календула», «Лотос»).

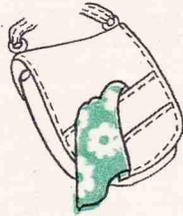
● На руках образовались мозоли. 2—3 раза в неделю делайте ванночки с теплой содовой водой (ложка соды на литр воды), а затем смазывайте руки жирным кремом. Хороши также компрессы из выжатой корки лимона, теплого картофельного пюре с молоком.

● Чтобы ногти не ломались, лучше не стричь их, а спиливать специальной пилкой и не сильно раз в неделю протирать лимонной коркой или жидкостью «Кристалл».

Врач Л. ГОРДИНА

МНОГОУВАЖАЕМАЯ МОДА

Чувство
момента

Ах, какой модной была апрельская Варшава! Броско модной, открыто модной, радостно модной... Коэффициент модности здесь очень высок. Пройдя один квартал Краковского предместья в Варшаве, я не сомневалась: моднее всего длинные юбки из разноцветных, завихряющихся в спираль полос. К ним спортивные, мальчишеские курточки-коротышки, спортивные сумки.

Скажем прямо, в практичный, рабочий обеденный час варшавянки были одеты не очень-то практично... Удивительное свойство моды: при всей необъяснимости находить себе объяснение. И к этим юбкам-спиралям наверняка уже придуман какой-то привычный ярлычок: «мода стала женственной» и т. п. Но ее буйное весеннее появление было не рациональным, а просто радостным открытием, вдруг резко и точно подчеркнувшим сиюминутную красоту жизни, ее движение. Острые зеленые апрельские язычки листьев, звенящие трамваи... И женщины, забытым и далеким, «дилижансным» жестом чуть приподнявшая юбку для вольного, широкого и легкого шага...

Мир считает полек красивыми женщинами. Думается, они красивы и потому, что одарены острым чувством момента. Оставив на рабочем месте у стола, у конвейера, у станка скромный халатик, они свободно входят в поток современной моды. Самое модное у них не в стремлениях, а в быту. Самое модное не завтра, а сегодня. Не в выставочном зале, а на улице. «Массовая мода» и «острая мода» — эти понятия не противоречат друг другу, а прекрасно сочетаются. Заметьте: в индивидуальном порядке польские женщины шьют мало, и самые модные вещи они, как правило, покупают в магазине. Тем интереснее процесс рождения моды — высокой и массовой одновременно. Почему короток путь от модной модели в мастерской художника до платья на прилавке магазина?

«И дом моделей тоже»

Мне посоветовали побывать в Центральном бюро моделирования и художественного оформления изделий легкой промышленности.

— Это нечто вроде Дома моделей? — по аналогии с нашей структурой дела спросила я.

— Да, и Дом моделей тоже.

«Тоже». Потому что функций у бюро куда больше.

О них рассказывает директор бюро Витольд Заборовский:

— Бюро создано для координации всех работ по художественному оформлению продукции легкой промышленности. Уже в таком синтетическом подходе заключен немалый смысл. Ведь не секрет, что работники легкой промышленности подчас забывают, что вместе с длиной юбки, к примеру, меняется и пуговица. Та пресловутая пуговица, которой так часто не хватает, чтобы платье стало по-настоящему модным. Бюро не забывает ни о сумках, ни о чулках, ни о пряжках — художники думают обо всем облике человека. Наши рекомендации служат компасом для всех отраслей промышленности, связанных с производством товаров народного потребления.

Вторая черта работы бюро — забота о пропаганде в широком смысле слова. Самые лучшие замыслы художника могут погибнуть, если работники магазина не оценят красивую, новую вещь на ярмарке или в продукции фабрики, а отберут и пропустят на прилавок лишь то, что соответствует их собственным, не всегда точным представлениям о модном. Поэтому мы организуем специальные курсы для работников торговли. Бюро постоянно издает литературу — от информационной (например, альбом образцов модных тканей) до теоретического периодического вестника «Информатор».

Два раза в год бюро готовит новые коллекции модной одежды (для сезонов: весна — лето, осень — зима). Они отвечают потребностям нашего покупателя. Связаны мы и со статистическим центром, дающим информацию об изменениях в экономике и практические прогнозы: к примеру, сколько в этом году купит костюмов горожанка и что это будут за костюмы.

Создатели моделей усиленно ищут быстрой обратной связи — каков он, покупатель, как оценивает работу художников? В цехах экспериментального производства (такое есть при бюро) отработывается технология пошива, модель выпускается пробной, небольшой партией — от 20 до 200 штук. А дальше — магазин. Бюро располагает своей торговой точкой в Варшаве, на улице Новогродзкой. И все, что мы называем «высокой модой», здесь можно найти на прилавке. Отсюда поступают сведения, как быстро разошелся товар, как отозвался о нем рядовой покупатель.

— Бывает, что новинка залеживается?

— Редко, но бывает — не угадываем.

Фабрикам рекомендуются лишь те модели, что прошли испытание. Но ими не ограничиваются. В магазинах, естественно, куда больше моделей, чем в коллекции бюро, потому что творчество продолжается непосредственно на производстве. За основу, за ориентир фабричные художники берут рекомендованный им центральным бюро новый силуэт, лекала, технологию пошива и обработки.

Варшавская швейная фабрика «Кора» известна во многих странах, да и вы, наверное, покупали в наших магазинах плащ, куртку, пальто с ее знаком. До 80 процентов продукции «Коры» идет на экспорт.

Самое «женское» производство возглавляет мужчина. Директор Иозеф Сирока энергичен, у него большой опыт организаторской работы и университетское образование, дающее широкий взгляд на вещи — он экономист и социолог.

Директор проводит нас по цехам, то и дело останавливая внимание:

— Новая машина. Не пришивает приклад — наклеивает.

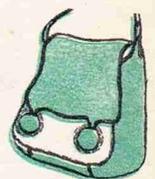
Но, честно говоря, поражает не техника (хотя с нее все и начинается — кто спорит?), поражает обилие и разнообразие моделей, запущенных в производство. Юбки самой разной длины, разных фасонов. Рядом участок, где шьются жакеты, чуть дальше — пальто, и молодежные, с капюшонами, и мягких, женственных линий. Директор объясняет:

— Фабрика вводит в производство около 1 200 моделей ежегодно. Постоянно находятся в пошиве изделия 700 разных видов. Подвижной ассортимент. Добавим, что начиная с 1970 года «Кора» стала готовить совсем малые серии — по 500—600 штук. А внутри этого разнообразия еще варианты. Партия от тысячи до 5 тысяч штук изготавливается обязательно в 5—10 расцветках. Уменьшается вероятность встретить на улице своего двойника, увеличивается возможность выбрать вещь по вкусу.

На фабрике в бюро образцов работают 6 художников и 60 конструкторов-модельеров. У бюро свои экспериментальные цехи.

Чтобы получить право на жизнь, модели не надо проходить каких-либо инстанций вне фабрики, кроме одной, но воистину важной: работники «Коры» всегда успевают быстро посоветоваться с теми, для кого шьют свои изделия, — с покупателями. У «Коры» 17 магазинов в разных концах ПНР. Директор фабрики называет их ящиками информации. Здесь выясняется, где, сколько, как быстро покупаются изделия «Коры». Фабрика использует испытанный метод проб. Качественно новый товар выпускается сначала небольшой партией. Разошлась быстро — значит, все в порядке.

Новинки —
на
прилавке

Торговля в Польше предупредительна к женщине. Но мода приходит, как ей положено, постепенно, сначала сохраняя дразнящую малодоступность: самую модную вещь можно купить не везде, а только в первоклассных магазинах, и стоит она дороже вещи немодной, даже если сшита из более дешевого материала. Первая волна моды рассчитана на смелых в одежде и готовых в поисках модной вещи походить по магазинам. Вернусь все к тем же «спиральным» юбкам: когда мы приехали в Варшаву, модницы искали их в магазинах. А через десять дней, когда уезжали, прилавки

сами предлагали новинку. Не волна уже, а прилив моды: юбки из ситца и бархата, разноцветные и строгие, всех размеров, на все возрасты.

Молодежная одежда, купленная в магазинах фирмы «Юниор», как правило, экстрамодна, но технологически несколько упрощена, сшита из дешевых тканей. Потому она и недорога, доступна студентам, молодым рабочим, начинающим специалистам.

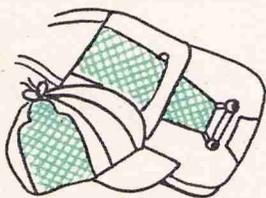
Кстати, об одной, очень привлекательной психологической черте польской девушки. Она не стремится одеваться дорого, она боится выглядеть взрослой дамой. На выпускной бал она радостно пойдет в хлопчатобумажном наряде. Но модной — это непременно! Вот и «спиральную» юбку юная пани постарается купить именно в этом сезоне, благо, ситцевая стоит недорого.

В магазинах фирмы женской одежды «Мода польска» вещь модного силуэта появится чуть позже, но в лучшем исполнении: с тщательной проработкой деталей, из добротных тканей. Женщина со зрелым вкусом (в более зрелом возрасте, со сложившимся материальным достатком) наверняка предпочтет одеваться здесь.

Да, торговля внимательна к покупателю. Но к производителю одежды она относится жестко. Магазины выбирают продукцию, магазины заказывают, магазины отвергают...

Договор с фабрикой заключается на год в денежной сумме. Ориентировочно на ярмарке определяется и ассортимент, но магазин не связан жестко обязательным ассортиментом и может в любое время отказаться от товара, не находящего спроса. Фабрика предлагает продукцию не раз в год (хотя ежегодно проводится общепольская торговая ярмарка в Познани), а раз в квартал. Допустим, магазин принял вещь, а она залежалась, не пошла. Тогда потери от уценки фабрика и магазин делят пополам.

Пусть
всегда
будет поиск!

Принято ворчать на моду. И капризна она, мол, и переменчива, стоит ли за ней успевать, одни расходы. Швейники ее корят: от нее только хлопоты да трудности. Работники торговли пренебрегают: нужно пальто, купят и немодное.

Вот и директор Центрального бюро моделирования Витольд Заборовский говорит, правда, не без юмора:

— Наши пани уж очень любят все новое, стремятся прямо-таки обогнать моду.

Но это в шутку. Разговор шел всерьез.

Директор и все мои собеседники, причастные к легкой промышленности или торговле, отмечали: мода — это хорошо. Мода сегодня превращается в проблему государственной важности. Есть над чем задуматься. Товаров народного потребления выпускается все больше. Товары становятся все прочнее — костюмы из синтетической ткани можно носить и десять лет. И не за горами то время, когда только моральная ветхость заставит нас менять вещи. Вот и получается, что приверженность польских пани ко всему модному — совсем неплохое свойство, что именно мода — вечный двигатель легкой промышленности. Итак, многоуважаемая мода... Пани — на радость, государству — на выгоду.

И. КОШЕЛЕВА

ЯБЛОКО

ЛЮБВИ

Растение с темно-зелеными резными листьями и красивыми красными плодами было завезено в Европу испанцами, открывшими Америку. Там, на территории теперешней Мексики, ацтеки называли его «томатль» и — что самое удивительное — считали несъедобным. Незнакомые яркие овощи, видимо, из-за их пламенной расцветки и формы, напоминающей сердце, вскоре из томатов были переименованы в «любовные яблоки», что по-французски звучало как *potte d'amour*, по-русски — помидор.

Из Испании и Португалии помидоры проникли в Италию, а оттуда во Францию и другие европейские страны, в том числе Россию. Однако повсюду помидоры считались растением декоративным: в Германии их выращивали на подоконниках, во Франции — вокруг беседок, в Англии и в России — как экзотический оранжевый цвет. Даже в XVII столетии французский садовод Оливье де Серр утверждал, что есть помидоры опасно, а другой садовод, Жан Льебо, добавлял, что, отведав помидоры, чувствуешь тошноту. В немецком Ботаническом словаре 1811 года о помидорах писали следующее: «Хотя томат и считают ядовитым растением, в Португалии и Богемии делают из него соусы, отличающиеся крайне приятным кисловатым вкусом».

Тем, что в России стали выращивать помидоры и даже полюбили их, мы обязаны замечательному ученому-агроному екатеринских времен Андрею Тимофеевичу Болотову. В наше время он известен главным образом как автор записок, красочно отобра-

жающих политическую и экономическую жизнь России XVIII века. Он же был издателем одного из первых русских агрономических журналов.

В деревне Дворяниново, Тульской губернии, начал Болотов разводить заинтересовавшие его томаты. В 1774 году слух об агрономических способностях Болотова дошел до Екатерины II, и она, купив для себя Киясовскую волость, близости от Москвы, в приказном порядке сделала ученого своим управляющим. Служа в Киясовке, Болотов не прекратил агрономических изысканий. Разделяя общую в те годы точку зрения о декоративности томатов, Болотов в статье «О любовных яблочках» писал: «Плоды, имеющие вид крупных, гладких и очень красивых яблочек, которые цветом на большую часть бывают красные, точно как сургучные или паче сердоликовые, а иногда и желтоватого и кофейного колера, которые яблочки и придают всему произрастанию сему красу». В этой же статье Болотов утверждал, что мнение о ядовитости томатов неосновательно и их можно употреблять в пищу. Он справедливо предполагал, что томаты не только вкусны, но и полезны.

Теперь известно, что помидоры содержат плодовой сахар, органические кислоты (яблочную и лимонную), минеральные соли, ароматические вещества и целый комплекс витаминов — С, В₁, В₂, В₃, Р, РР, К и провитамин А.

Однако плоды томатов в условиях средней полосы России не вызревали, и Болотов предложил оригинальный по тем временам

единственно возможный метод их выращивания. В половине марта семена высевались в цветочные горшочки и ставились на свет в теплое помещение. Когда всходы достигали размеров около вершка, их рассаживали по другим горшкам. В открытый грунт помидоры пересаживали в июне, когда уже не было опасности заморозков. Чтобы ускорить плодоношение, Болотов рекомендовал боковые побеги без соцветий удалять, а цветоносные — привязывать к «тычинкам». Осенью, когда наступали холода, плоды снимали и вносили в помещение, где они дозревали.

Примерно так же поступают овощеводы и в наши дни. Разве только высаживают семена помидоров не в цветочные, а в торфоперегнойные горшочки или питательные кубики. Выведено много разновидностей помидоров, которые имеют специальное назначение: долго хранятся, хорошо переносят перевозки, есть скороспелые сорта, лучшие для консервирования, — всего их насчитывается до двух тысяч. Есть сорта, которые выдерживают понижение температуры до —5°.

И все же не зря подозревали вкусные томаты в ядовитости. Только виновниками оказались не плоды, а стебли. Они нашли любопытное применение в сельском хозяйстве: их мелко режут, настаивают 4 часа (400 г на 1 л воды) и затем столько же варят. Разбавляют двумя литрами воды и опрыскивают растения — настой губителен для многих садовых вредителей.

Ж. ОРЛОВА

Из помидоров

СУП-ПЮРЕ ТОМАТНЫЙ

Сначала приготовить соус из помидоров: нарезать и слегка отварить зрелые помидоры, затем полученную массу протереть через сито, добавить по вкусу чеснок, соль и стручковый перец. Развести соус в горячем бульоне до получения жидкой кашицы — суп готов.

СУП-ПЮРЕ ТОМАТНО-ПЕРЛОВЫЙ

Отварить в кастрюле с водой зрелые помидоры. Когда помидоры станут мягкими, протереть через сито и добавить сливочного масла, воды, растертых корней, несколько горошинок перца, отдельно отваренной крупы, сметаны, прокипятить все и подавать.

На 10 помидоров: 100 г масла, 10 стаканов воды, корень петрушки, морковь, головка репчатого лука, 200 г перловой крупы, 2 стакана сметаны.

СУП КАРТОФЕЛЬНЫЙ С ПОМИДОРАМИ

Картофель, нарезанный дольками, варить на медленном огне 20 минут.

Морковь, петрушку, репчатый лук очистить, нарезать тонкой лапшой и поджарить на сливочном масле с соком свежих помидоров. В бульон с картофелем положить поджаренные овощи, добавить нарезанные дольками красные помидоры и дать прокипеть, поперчить и посолить. Заправить сливочным маслом или взбитым желтком со сметаной. Подавая, посыпать суп зеленью укропа и петрушки.

На 6 помидоров: 3 моркови, 2 корня петрушки, 3 головки лука, 6—8 картофелин, 4 столовые ложки сливочного масла, остальное по вкусу.

ПОМИДОРЫ С ЧЕСНОЧНОЙ ПОДЛИВКОЙ

Нарезать кружочками спелые крепкие помидоры. Сварить вкрутую яйца, очистить от скорлупы и тоже нарезать кружочками. Приготовить подливку: истолочь с солью чеснок и стручковый перец, влить полстакана холодной воды и немного уксуса. Аккуратно выложить помидоры и яйца в салатник, залить подливкой, посыпать луком и укропом.

На 3 крупных помидора: 4 яйца, головка лука, долька чеснока, две-три веточки укропа, перец, соль по вкусу.

ЗЕЛЕННЫЕ ПОМИДОРЫ С МОРКОВЬЮ И ЧЕСНОКОМ

Положить в кастрюлю мелко нарезанный репчатый лук, нарезанные зеленые помидоры, зелень петрушки и сельдерея, кружочки моркови, посолить, поперчить, залить растительным маслом и тушить 30 минут. Когда помидоры будут готовы, добавить к ним толченый чеснок и выложить на блюдо, чтобы остыли.

На 5—6 крупных зеленых помидоров: 2 головки лука, 2 веточки сельдерея, 3 моркови, 3 столовых ложки растительного масла, 5 зубчиков чеснока, соль по вкусу.

СВЕЖИЕ ПОМИДОРЫ С БРЫНЗОЙ

Брынзу нарезать кубиками, положить в миску и залить кипятком минут на двадцать. Затем слить воду и выложить на брынзу нарезанные свежие помидоры и зеленый лук.

На 4 помидора: 100 г брынзы, лук по вкусу.

ЗЕЛЕННЫЕ ПОМИДОРЫ С ОРЕХАМИ

К мелко нарезанной зелени — петрушка, сельдерей, укроп — добавить соль, толченый чеснок, стручковый перец и все хорошо перемешать. Этой массой нафаршировать зеленые помидоры, уложить их в один ряд на сковородку, накрыть крышкой и испечь.

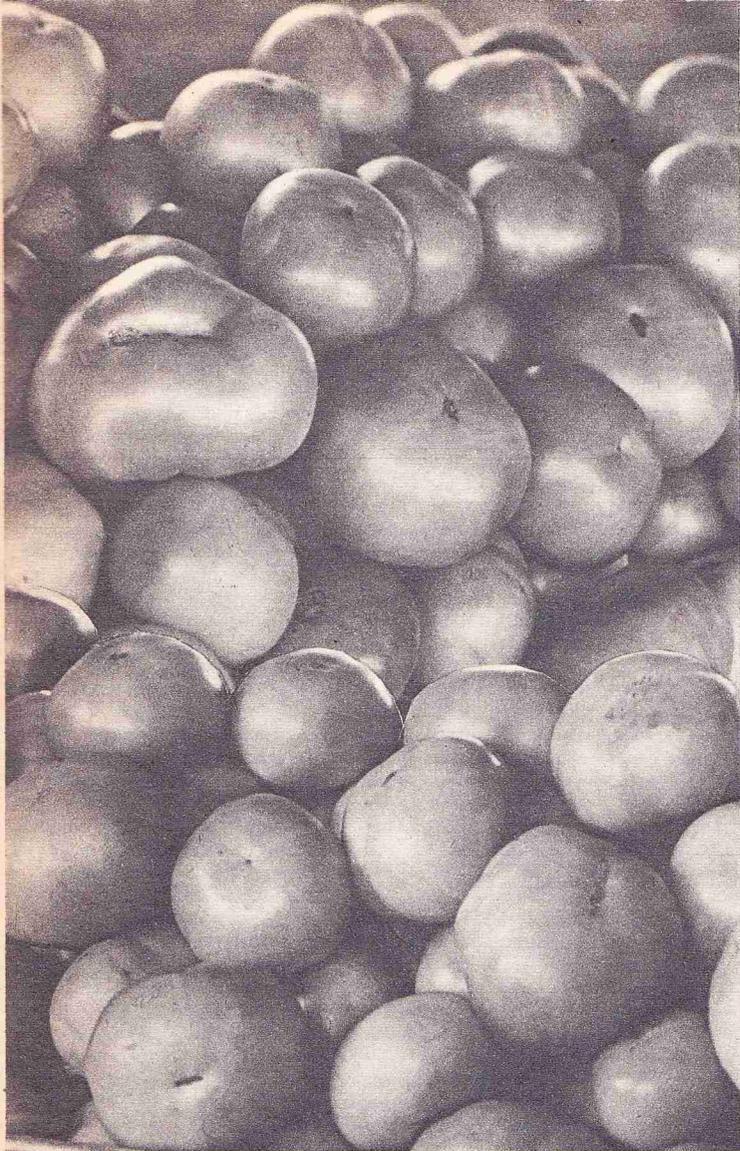
Очищенные грецкие орехи, соль, чеснок, стручковый перец хорошо истолочь и развести по вкусу уксусом. Готовые помидоры запустить этой приправой. Подавать горячими.

На полкило помидоров: $\frac{3}{4}$ стакана очищенных грецких орехов, 3 дольки чеснока, перец, соль и уксус по вкусу.

ПОМИДОРЫ, ЗАПЕЧЕННЫЕ С КАРТОФЕЛЕМ И ЯЙЦАМИ

Помидоры нарезать ломтиками и обжарить. Отдельно пожарить картофель, отдельно — репчатый лук. Затем все это выложить на сковороду, смазанную сливочным маслом, залить взбитыми яйцами и запечь в духовке. Подавая, посыпать зеленью.

На два помидора: 2 крупные картофелины, 4 яйца, ложка сливочного масла.

● Единственный витамин, нехватку которого человек может определить у себя сам, — это витамин А. Если из светлого помещения вы переходите в неосвещенную комнату, проверьте, сколько времени уйдет на то, чтобы глаза привыкли к темноте. Если более 6 секунд, значит, вашему организму не хватает витамина А. Тогда рекомендуем вам ежедневно выпивать не менее стакана томатного сока. Можно добавить к нему немного мелко нарезанной петрушки.

● Томатный сок не храните в металлической посуде. Витамин А разрушается и на свету, так что если сок налит в бутылки, заверните их в бумагу или уберите в темное место.

● Помидоры дольше сохраняются, если положить их в эмалированную кастрюлю без крышки и держать на нижней полке холодильника.

● Чтобы лопнувший помидор не заплесневел, трещинку густо посыпьте солью.

● Свежие помидоры кладут в суп за 10 минут до конца варки.

● Ломтики помидоров, посыпанные мукой и солью и обжаренные в растительном масле, подают к столу как самостоятельное блюдо.

● Томат в открытой банке не заплесневевает, если его сверху посыпать солью и залить тонким слоем растительного масла.

● Свежие помидоры можно сохранить до января. Для этого осенью отберите зеленые, здоровые плоды. Каждый плод оберните бумагой, уложите в ящик или корзину, застланную соломой, и храните при температуре 11 — 13 градусов в темном месте.

Лучшие для консервирования

Как обидно бывает, когда при консервировании или засолке помидоров тонкая их кожица растрескивается и они «расползаются». Есть один сорт южноамериканского происхождения, который лишен этого недостатка. Это сорт «де-барао». Мякоть его плодов настолько плотна, что если во время стерилизации кожица помидоров и потрескается, плоды остаются целыми. Кроме того, помидоры эти небольшого размера и их удобно укладывать в банки.

«Де-барао» — исключительно высокоурожайный сорт: с одного куста снимают до десяти килограммов помидоров. Кусты

«де-барао» достигают почти трехметровой высоты, и для них требуются специальные подпорки. Для любителейских огородов эта особенность «де-барао» скорее достоинство, чем недостаток. Посадки займут немного места.

Уход за помидорами обычный. Надо следить за тем, чтобы кусты были хорошо привязаны. Из-за высокой урожайности и большого роста растений дозы удобрений — лучше всего перегноя — советуем увеличить.

И. ГОЛУБИНСКИЙ,
доктор биологических наук
г. Полтава.

ПОМИДОРЫ ФАРШИРОВАННЫЕ

Срезать верхнюю часть помидоров с плодоножкой, удалить часть сердцевины, наполнить помидоры фаршем, посыпать тертым сыром, смешанным с сухарями, сбрызнуть маслом и запечь. При подаче полить сметаной.

Для грибного фарша: мелко нарубить и поджарить с луком свежие грибы, прибавить томат, зелень петрушки, чеснок и тушить до готовности.

Рис с грибами: отдельно отварить рис, отдельно поджарить грибы и лук, заправить фарш перцем и солью.

Мясо с рисом: пропущенное через мясорубку сырое мясо смешать с рисом, слегка отваренным, добавить размоченного хлеба, поджаренного лука, соли и перца. Начиненные фаршем помидоры накрыть срезанными верхушками и слегка поджарить на сковороде на сливочном масле. Затем поставить в духовку. Перед подачей полить сметаной.

СЛАДКИЙ СОУС ИЗ СВЕЖИХ ПОМИДОРОВ И ЯБЛОК

Помидоры и очищенные от кожи и семян яблоки нашинковать в виде крупной лапши. Заправить сметаной, смешан-

ной с сахаром и майонезом. Все перемешать, посыпать укропом. Вместо майонеза к сметане можно добавить фруктовое — клубничное или абрикосовое — пюре.

СОЛЕННЫЕ ПОМИДОРЫ С ГОРЧИЦЕЙ

Этот рецепт прислала наша читательница Е. АЛЕКСЕЕВА из г. Тореза, Донецкой области.

Перебирая записи моей прабабушки, я обнаружила среди них несколько интересных рецептов. Вот, к примеру, один. Получается — поверьте — очень вкусно.

Чуть недозрелые, твердые помидоры промывают хорошенько и укладывают в бочонки, ведро или кастрюлю, пересыпая листьями черной смородины. Дно тоже предварительно выстилают этими листьями.

Рассол готовят так: на ведро воды — 2 тонких станана сахара, стакан соли, 15 лавровых листиков, по чайной ложке размятых горошин душистого и горького перца. Теперь надо прокипятить и, остудив, добавить пачку (100 г) сухой горчицы. Размешать и дать отстояться. Когда рассол станет прозрачным, чуть желтоватым, можно заливать помидоры. Сверху, как обычно, кладут чистую тряпочку и гнет.

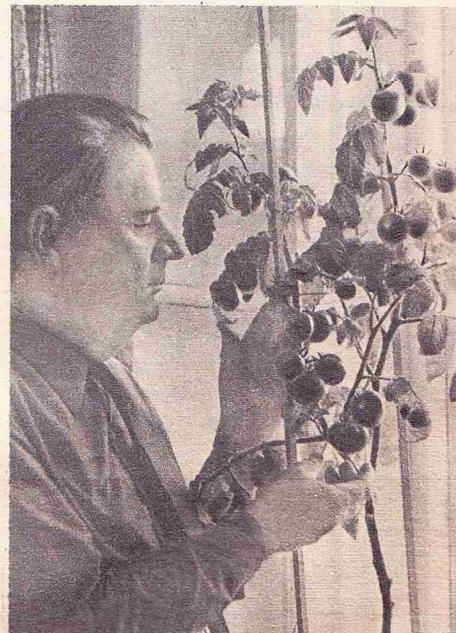
ПОМИДОРЫ НА ПОДОКОННИКЕ

Несколько лет выращиваю я дома помидоры, которые и украшают кухню, и дают вполне приличные урожаи.

Семена я высаживаю зимой. В феврале они дают всходы, и в марте я пересаживаю их в отдельные, довольно вместительные горшочки. Периодически подкармливаю готовой смесью удобрений из расчета одна столовая ложка на ведро воды. Подсыпаю древесную золу. Азотные удобрения отдельно не вношу, чтобы чрезмерно не развивались листья и стебли. Поливаю обильно чуть теплой водой. Питомцы в комнатном «огороде» быстро идут в рост и к июню достигают высоты более метра. В июле снимаю первый урожай — от 15 до 25 ярко-красных плодов с каждого куста. Томатные кусты продолжают развиваться, цвести и дают плоды затем еще дватри раза вплоть до ноября.

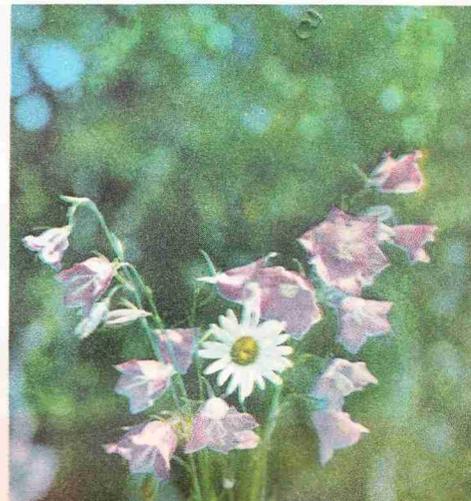
С. СТЕНИН,
садовод-любитель

г. Ижевск.

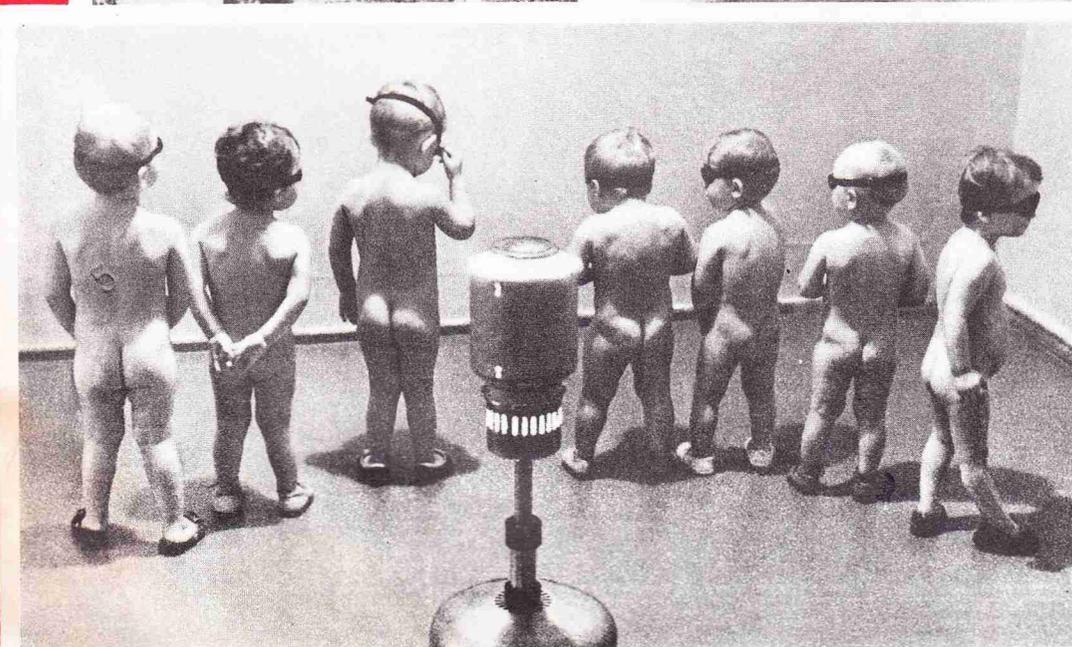
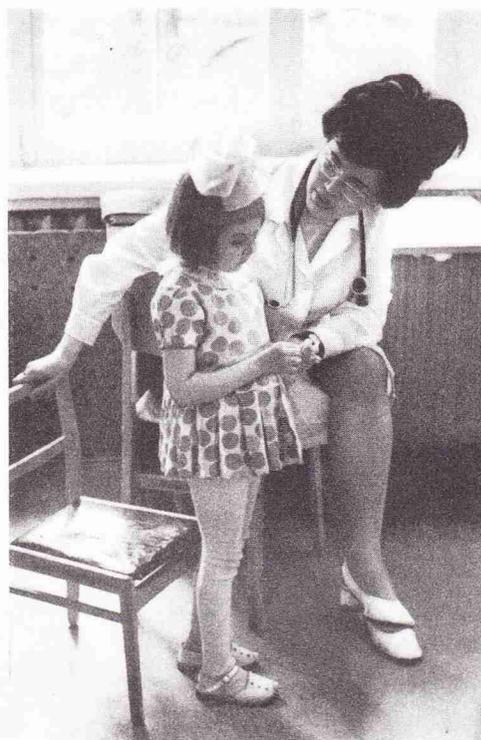

Летние сюжеты. Фото Б. РАСКИНА.

ЗДОРОВЬЯ ТЕБЕ, МАЛЫШ!

«Мой сынишка часто болел, и его направили в детский санаторий в городе Лыткарино, под Москвой. Столько терпения и труда требует больной ребенок, знает каждая мать. А тут целых два месяца лечить, выхаживать малыша... Отзывчивые, чуткие люди работают в лыткаринском санатории! Я очень благодарна им! Расскажите, пожалуйста, об этом санатории», — пишет в редакцию В. А. Соколовская.

Мы в Лыткарино, небольшом подмосковном городе. Особняк в глубине сада. Отрываешь дверь и попадаешь в спойную, уютную атмосферу — нет, не больницы, дома, где набираются здоровья и сил долго болевшие малыши.

— Десять лет работает санаторий, — рассказывает главный врач Елена Ликарионовна Попова. — К нам поступают на долечивание дети из Центральной люберецкой больницы и поликлиники района — через районный отдел здравоохранения. Дети у нас совсем маленькие — от полутора до пяти лет. Тяжелые заболевания носоглотки, бронхов, легких — профиль нашего санатория. Мы работаем в контакте с клиникой педиатрии Московского областного института, с Институтом вирусологии АМН СССР. Применяем современные методы лечения, закаливающие процедуры, массаж, лечебную физкультуру, физиотерапию. Курс лечения рассчитан на два месяца.

С Еленой Ликарионовной мы обходим игровые комнаты, спальни, столовые, процедурные и лечебные кабинеты.

— Первые две недели — обследование, затем интенсивное лечение, — рассказывает главный врач. — К каждому ребенку свой особый подход. Режим у нас твердый, но для одних — постельный, для других — щадящий. Спят дети при открытой форточке — с этого и начинается закаливание, через неделю — воздушные ванны, через месяц — водные процедуры. Все постепенно.

Лечебные процедуры, современные медикаменты — все это, безусловно, важно. Но не менее важно и хорошее питание. Ежедневный рацион включает нужное количество белков, жиров, углеводов. Овощные салаты, суфле, котлеты, свежий творог, молоко. Аптека готовит специальные витаминные смеси, рыбий жир.

...Был день заезда. В санатории царил тишина. Прибывших детишек накормили, уложили спать. Только Коля Бойко еще куксился, скучая без мамы. Сестра-воспитатель Нонна Васильевна Мосолнова, прижав мальчика к себе, тихо успокаивала его. Так начинается дружба. И Коля, как и другие малыши, будет послушно подставлять нос, чтобы закапали ему лекарство, будет «дышать в трубочку», а утром делать гимнастику в лучах кварца, а в погожие дни — на солнышке. И раз от раз будет становиться крепче, здоровее.

В. КАРАЧЕНЦОВА

Фото Н. МАТОРИНА.

● С тетей Полиной не страшны никакие процедуры. На верхнем снимке слева медсестра Полина Кузьминична Обухова.

● В комнате игр вы видите Нонну Васильевну Мосолкову.

● — Ну, как мы себя чувствуем? — спрашивает Аню врач Лидия Степановна Кучина.